

Сергей ШУВАЙНИКОВ

МЫТАРСТВА ОДИНОКОГО ПРОВИНЦИАЛА

Сергей ШУВАЙНИКОВ

**Мытарства
одинокого
провинциала**

Рассказы и повесть

СИМФЕРОПОЛЬ
2017

УДК 82
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш95

Шувайников Сергей Иванович
Ш95 Мытарства одинокого провинциала. Рассказы и повесть. – Симферополь, 2017. – 288 стр.

Сергей Шувайников — известный крымский политик — в конце 80-х годов прошлого века был бескомпромиссным бойцом экологического фронта. Он один из учредителей и руководителей «зеленого движения» на полуострове, самый активный противник строительства атомной станции на Азовском море, новых химических предприятий на Перекопе, карьеров в крымских горах и застройки уникальных бухт в Восточном Крыму.

В постсоветское время Сергей Шувайников проявил себя как последовательный защитник прав русских крымчан на свою культуру и историю, родной язык и волеизъявление. В начале 90-х годов, после разрушения Советского Союза, будучи крымским депутатом создает Русскую партию Крыма и первым публично заявляет о восстановлении исторической справедливости — возвращения полуострову российского статуса через мирный референдум. Его длительная политическая борьба завершилась победой крымского народа в марте 2014 года — Крым стал российским.

Повесть и рассказы, предлагаемые автором, публиковались в газетах и журналах. Настоящая книга является переизданием сборника прозы «Мытарства одинокого провинциала», напечатанного в симферопольском издательстве «Таврия» в 1990 году.

ISBN 978-5-9909172-7-9

ББК 84(2Рос=Рус)

*Автор выражает искреннюю благодарность за содействие
в издании книги своим крымским друзьям и коллегам
Александру Иосифовичу Файнгольду, Иосифу Львовичу Файнгольду,
Александру Модестовичу Васильеву и Сергею Прохоровичу Кутько.*

ISBN 978-5-9909172-7-9

© Шувайников С. И., 2017
© ООО «Форма», 2017

Ностальгия одинокого провинциала

В круговороте общественно-политических дел и борьбы я постоянно вспоминал то время, когда в тридцатилетнем возрасте испытал и пережил «золотую лихорадку» литературного творчества. Свой первый серьезный рассказ «Малинник» я написал в 1983 году, будучи уже студентом дневного отделения Литературного института имени Горького. Позже он был напечатан в популярном всесоюзном журнале «Смена». Повесть «Одному не вернуться» и рассказ «Возвращенная боль» создавались в Симферополе в 1988 году, когда я работал корреспондентом молодежной газеты. Это было в самый разгар перестройки, когда всем нам, гражданам большой страны, выпала краткая возможность свободно дышать, думать и высказывать свои мысли открыто. Особенно радовались литераторы, им предоставили возможность и право публиковать свои произведения без цензуры.

К этому времени я расстался с Москвой и Литературным институтом, где маститый руководитель семинара — профессиональный писатель — отказал мне в праве учиться азам литературной прозы. Я перевелся на факультет журналистики Московского госуниверситета и продолжал из-за упрямства и

принципа писать рассказы. Накануне развала Советского Союза, благодаря поддержке литературного наставника и своего старшего товарища, известного крымского писателя Валерия Митрохина, успел издать книгу прозы и даже вступил в Союз писателей СССР.

Сегодня я все еще продолжаю числиться в рядах членов Союза писателей России. Где-то в Москве хранится моя учетная карточка, у меня есть членское удостоверение, и я горжусь этим, потому что считаю себя именно российским писателем.

В 90-е годы, профессионально занявшись политической деятельностью, я больше внимания уделял газетной и телевизионной публицистике. Литературная проза отошла в сторону как этап прожитой жизни и, наверное, как задел на будущее, в котором я бы хотел завершить еще несколько прозаических произведений. Их рукописи лежат в моих архивах, и я верю, что придет час, когда вновь погружусь в мир героев моего времени и сумею по-новому, более зрело и осмысленней взглянуть на все, что было с нами в прошлом столетии-тысячелетии.

Я никогда не смогу назвать себя профессиональным писателем, потому что к этой категории относятся люди, которые зарабатывают литературным трудом деньги на хлеб. Это было массовым явлением во времена Советского Союза, но сегодня профессиональных писателей на территории бывшего великого государства осталось не более сотни. Я не берусь судить об их таланте, а тем более о гениальности, поскольку такие оценки ставит время. Одни пишут вечную прозу, другие — временную, потребительскую, третьи просто пишут, потому что это их жизненная потребность, без которой они не могут жить. Они даже тратят собственные деньги, чтобы их «бессмертные» творения были напечатаны в виде книг.

Когда мои товарищи из уважения начинали хвалить мои рассказы, я вынужден был убеждать их, что это всего лишь литературные опыты, учеба и не более. И рассчитаны они на внимание тех моих знакомых и близких людей, кому я интересен как творческая личность.

Надо заметить, что около ста экземпляров из десяти тысяч тиража отпечатанной книги, которые мне выдали бесплатно в издательстве, за первые год стали достоянием именно моих товарищей, родственников и просто знакомых. И вот совсем недавно я обнаружил, что у меня остался только один экземпляр моей первой книги рассказов. Мне стало грустно, потому что многие новые знакомые, прослышав, что я когда-то много лет назад издал книгу, просили у меня экземпляр в подарок.

Валерий Митрохин подсказал выход: переиздать напечатанное, добавить неопубликованные рассказы и повесть и сделать «подарочную» книгу. В этом нет ничего претенциозного, тем более он заметил, что сегодня Сергея Шувайникова в Крыму знают больше как политика и общественного деятеля, а не как профессионального литератора.

Перечитывая заново все написанное и напечатанное мной, я волей-неволей вновь погрузился в то время, когда рождались сюжеты моих рассказов, жили мои герои — одинокие провинциалы. В той жизни было много плохого и хорошего, были искренние человеческие чувства и эмоции, радость и страдания, была любовь и добрые человеческие отношения. Именно в литературных опытах мне хотелось выразить самого себя и окружающий мир, человека, который хотел состояться в той жизни, но чему препятствовали многие причины и обстоятельства, направленные против него, и силы, которые хотели человека сломать и даже уничтожить.

В каждом из героев я находил частичку себя, действительно одинокого провинциала, которому всегда хотелось сбежать из большого и чуждого ему города, быть ближе к природе, к вечной красоте и спокойствию.

Дочитав собственную книжку до конца, я понял, что мне ничуть не стыдно за эти рассказы, что я могу, без боязни быть раскритикованным, представить их на суд нынешних читателей. Потому что не сомневаюсь — время «одиноких провинциалов» не закончилось и в нынешнюю эпоху. Их стало еще больше, и они также больно переживают свои чувства, свою

любовь и мытарства, свои нелегкие отношения с окружающим миром, который в большинстве случаев отторгает их, отказывает им в праве на любовь и самоутверждение.

Эта книга — о моем поколении, которое жило в период истории с названием «советский». И хотя это время закончилось, люди остались, остался и я, одинокий провинциал, который с ностальгией вспоминает прошлое — время мытарств и утерянных надежд, время любви, искренних чувств и разочарований, время человеческих отношений и потерянных перспектив светлого будущего. Сегодня этого нет, но остались герои моих рассказов и огромное желание хоть на миг вернуться в прошлое, хотя бы на страницах этой книги.

*Сергей ШУВАЙНИКОВ,
член Союза писателей России*

БРОДЯГА И ТОПОЛЬ

Густой туман опустился с горных пастбищ в долину и плотно обложил лесистые склоны. Еще с вечера в природе все напрягалось и ждало, что вот-вот прольется дождь. Но дождя так и не случилось. Всю ночь доносились шумные вздохи ветра, который сбивал сухую листву, и раз за разом его резкие порывы заставляли скрипеть верхушки старых буков.

Под утро все стихло. Лишь вскрикнула в глубине темной чащи сова и, размашисто кидая крыльями, пропахала густой воздух.

День начинался пасмурно и тревожно. Близко к горным вершинам провисло тяжелое небо. Инеем подернулся ковер жухлых листьев, тускло высветилась сухостойная трава. Мутная рассветная полоса очертила силуэт горной гряды, и стали проступать в долине темные пятна строений, опоры высоковольтной линии. Словно дымящаяся полоса, разрезая поселок, улеглась дорога.

Видно было, как на обочине появилась фигура бредущего человека. Неясно расплываясь и покачиваясь в сумеречном свете, она через какое-то время исчезла.

Тополь рос в долине, на берегу реки. Он, как и его братья, был очень старый. Река текла поодаль, под обвалившимся глинистым откосом. Пенящийся поток бежал сонно и неторопливо. Только в паводковые дни река просыпалась, и окрестности наполнялись треском перекидываемых камней, гудящим ветром бурного потока, вышедшего из берегов.

Белые куски известняка, любовно вылизанные рекой, плотно устилали дно. Когда в летнюю пору становилось невыносимо жарко и нависала давящая духота, река неуловимо пряталась в подземное русло. Людям казалось, что река пересохла, и в доказательство они указывали на сухие камни, подернутые мучнистой пленкой. В это самое время старуха-река по-прежнему собирала дань с прилегающих склонов, из глубин горных недр тянулись к ней голубые артерии подземных озер и ручейков. Спасенная река невидимо жила, несла через предгорья добытую воду, преодолевала горячие степи и удушливые ветры и в конце пути устало выплескивалась в мелководное море.

Журчащая река была такой древней, что всплывали иной раз в ее затухающей памяти смутные образы прошлого, от которых веяло пыльной старостью, лесной паутиной и влажной прелостью. Многие в долине считали, что выжившая из ума болтуня все выдумывает или пересказывает, что наплели другие. Порой заболтавшаяся река забывала про день сегодняшний, ей чудилось, что течет она в прошлом, только что рожденная в своих истоках. Река то и дело терялась во Времени, преодолевая выпавшие трудности, словно бы попадала в будущее, где видела и знала то, чему еще предстояло состояться.

Тополь помнит, как в детстве, когда на долину падал розовеющий вечер и остывал суетливый гам, слышно было, как в шелестящем потоке рождалась мелодия. Невнятно звучали голоса, словно в большом и нестройном хоре, и каждая мелодия была для старого дерева колыбельной песней.

Как-то в один из давних вечеров старуха-река недовольно забурчала в кустарнике, что плотной стеной прикрывал ее в

те времена. Словно сама с собой, начала она загадочный разговор, обращаясь к нему, тонюсенькому топольку, как бы раскладывая перед ним всю предстоящую жизнь. Приглушенные звуки доносились отрывисто, тут же гасились слабым ветром, и теперь, когда тополь пытался вспомнить, что бормотала старуха-река, то оживали лишь фразы, которые она шепелявила, задыхаясь:

«Я знаю, ты будешь очень долго расти... Ты станешь высоким и стройным... Будут прилетать птицы, чтобы любоваться тобой, будут приходить звери... Я помогу тебе вырасти, я стану поить тебя лучшими соками земли, я дождусь, когда ты станешь большим и мудрым... Но придет пора, когда коварное время соединит твои радости и горести в одно мгновение... Придет коварная старость, которая сдавит тебя тисками Вечности... Вот тогда появится в наших краях человек... Он придет... И это будет твоя судьба... Помни о ней...»

Испуганный тополек хотел было переспросить старуху, но она замолкла, и только эхо голосов переливалось все дальше и дальше, пока окончательно не затухло. Никогда больше старуха-река не возвращалась к своему недоброму предсказанию, да и сам тополь не спрашивал — кого волнует в молодые годы далекое будущее?

Время шло быстро и незаметно; казалось, промелькнула молодость, пролетели годы возмужания и взрослой жизни, и как-то сразу, неожиданно, ощутил он нахлынувшую старость. Все пришло постепенно — выгнила сердцевина могучего и упругого тела, не такими уже крепко натянутыми стали старческие мышцы-волокна, и хоть бежит еще под корой живительная влага к зеленым листьям, нет уже той прежней радости жизни.

И все чаще вспоминаются слова старухи-реки, сказанные ему в детстве, о загадочной и непонятной судьбе, которая его ожидает, о неведомом человеке, который должен появиться в здешних краях неизвестно зачем.

Придет человек...

А разве не человек пришел более ста лет назад в распаханную долину, разве не он принес двенадцать прутьев, а затем, отмерив шагами расстояние от реки, выкопал мотыгой ямки и присыпал молодые саженцы землей? Разве не он поливал их в первое засушливое лето из кожаного бурдюка? Не он ли бережно подвязывал и укрывал молодые деревца ветхим тряпьем в суровую морозную зиму? А сколько их было потом, людей разных и не всегда понятных ему. Они проходили рядом, проезжали на лошадях, катили на велосипедах, пылили на автомашинах, останавливались иной раз подле него, отдыхали в тени.

Придет человек...

А может, и для реки его судьба окутана тайной, и, чтобы успокоить его, она придумала эту небылицу о человеке?

Спокойствие, спокойствие... Где оно?

Еще с утра тополь думал об этом, и нервно трепетала его пожелтевшая листва. Отвлекся лишь, когда заметил тяжело плетущегося человека с рыжей кудлатой бородой и растрепанной гривой волос. На плечах человека висел серый пиджачишко, бесцветные штаны его пузырились, а глаза смотрели зло и пристально.

Видно было, как он покрутился у опушки леса, побродил по саду, затем повалился в траву лицом и долго лежал, ругался, затем утихомирился и через какое-то время поднялся, побрел вдоль берега, желая спуститься к реке. Приблудившийся человек напился из чистого потока, ополоснул лицо. Затем он долго сидел на камне, отравляя воздух табачным дымом, устало вздыхал и долго расчесывал живот, словно не зная, что ему делать дальше.

Когда человек надумал подняться и взглянул исподлобья в его сторону, тополь ощутил, как в нем рождается неясное беспокойство. Тень от человека мелькнула на стволе, и в тот же миг он услышал, как тревожно забормотала река.

Чувствовала старушка-река что-то недоброе, не случайно у нее подозревали дар провидицы, и тополю до изнеможения

захотелось, чтобы этот пришлый человек поскорее ушел. Он даже энергию свою напряг, чтобы оттолкнуть рыжебородого подальше. И человек словно бы услышал его, еще раз взглянул на тополь, затем пошел не спеша, мелькая меж кустами на полянах. Потом что-то долго искал на одной из них и наконец исчез, затерявшись за садом.

Тополь по-старчески обрадовался: подумалось ему, что этот человек никогда сюда не вернется, и он не увидит его страшных глаз, из которых сквозила смертельная усталость. Верхушка тополя слегка качнулась, и, успокоившись, он обратил свой взор к золотому осеннему солнцу, к пунцово-розовым склонам, к уснувшей летаргическим сном долине.

И совсем неожиданно, словно из забытого далека, донесся пронзительный шепот старухи-реки:

«Он еще придет, он вернется... Берегись его!»

Тополь вздрогнул. Да так сильно, что случайно севшая на ветку сорока испуганно шарахнулась в сторону. От корней до вершины дерево впервые в жизни парализовал страх.

«Зачем, зачем он вернется?.. Скажи, старуха!»

Но река замолчала и побежала дальше, унося с собой тайну человека с недобрый взглядом.

До десяти часов никто так и не появился. Только лохматая дворняга, глупо озираясь, протрусила через сад и пропала в кустах шиповника. Его даже зло взяло: на кой ляд приперся, ведь договаривались же втроем, честь по чести, и все, что заработают, — поровну.

В желудке скребла боль, и он проклинал себя, что соблазнился одиноко висевшим зеленым яблоком, — сорвал, когда шел сюда. Теперь мучайся, все кишки выворачивает, словно кто на локоть наматывает их, хоть бери веревку и вешайся... Тьфу ты, черт, какие поганые мысли в голову лезут, аж самому противно...

Он еще недолго побродил возле ограды, пытаясь успокоиться, затем перебрался через нее, нашел траву посуше и по-

гуще, опустил лицо вниз, руки под живот положил. Прикинул, что время к десяти приближается. Когда еще к саду подходил, спросил у какого-то поселкового, тогда еще и девяти не было. А договаривались на половину десятого...

Куда же эти двое могли запропаститься?

Он злорадно хмыкнул и выругался.

Вспомнил, как черноусый сам вчера предложил, никто за язык не тянул, сам навязался:

— Задарма, мужики, не напрягаясь... Одна штука — восемьдесят рэ, три валим, — каждому восемь червонцев... Ну как, лады?

С ним и второй был, толстячок в резиновых сапогах, который ломался вначале, затем сообразил, что «вкалывать» не один будет, а с двумя другими — мужики они крепкие — и согласился.

Черноусый еще в магазин смотался, и, пока они за столиком в чебуречной сидели, обговорили все: кто инструмент захватит, когда и где встретиться должны, кто о деньгах будет договариваться. Он позже и не заметил, как черноусый с толстяком куда-то пропали, они местные, а он остался, и напрасно.

К вечеру в чебуречной народу набилось полным-полно. Сизым облаком клубился дым, курили без зазрения совести, и буфетчица, своя, поселковая, только изредка бросала в толпу: ишь, собаки, как надымили...

На каждом столе высились бутылки, много бутылок, и ему захотелось подойти к людям, поговорить, пообщаться... И поговорил. Первый столик, к которому ткнулся, его приветил. Стул придвинули, усадили, в стакан винца плеснули и по плечу похлопали: пей, борода, свои люди, сочтемся... А ему чудно стало, все уж поплыло перед глазами, какие-то цветные пятна замельтешили, головой тряхнул, глядь — странный мужик рядом сидит: глаза с прищуром, смотрит неприятно, нос крючком. Не удержался и заплетающимся голосом съязвил:

— А ты, паря, чего носатый? Часом не мент?

И зачем к человеку лез, зачем ругался? Остальное смутно помнит. Как выводили его под руки, почти волоком, как он еще кому-то локтем в лицо заехал, как поставили у деревянной решетки близ туалета и ударили. Он и не ощутил, как земля под ногами ухнула, сразу «отрубился»...

И надо же так было напиться? Сколько раз он сам себе зарекался: один стакан — и баста, хватит! Ан нет, не выходит, как только в пьяный вираж войдешь, так и море по колено...

Сколько он у деревянной той решетки валялся, не помнит, очнулся от холода, трясти всего начало. Глаза открыл, глядь — звезды, луна ущербная, сразу толком и не сообразил, где он. В голову, словно кол всадили, хоть разгонись и в стенку бейся, нижняя челюсть от боли саднит, виски ломит.

Понемногу все на свои места возвращаться стало.

Ох!.. Теперь бы ему до утра дотянуть.

Он поднялся с холодной земли и устало побрел вдоль дороги, через поселок, пока на отшибе улицы не приметил одинокий сарайчик. Торкнул дверь, вроде не заперта, и внутрь завалился, здесь потеплее было, и солома умятая к месту оказалась. Он пиджачишко сверху набросил, соломы подгреб, вроде и трясти перестало, попытался уснуть.

Только прикорнул, а уже и утро, кто-то вошел и начал в бок деревянным держакom тыкать:

— Гэть отседова, пьянюка така!

Дородная крупнолицая баба в серой телогрейке выгнала его, он только и огрызнулся. Поднял воротник, скукожился, по траве ботинками заелозил: куда идти, чего искать?

Тут и всплыло на ум, о чем вчера черноусый два часа талдычил: о саде, о старых тополях, которые валить надо, о восьми червонцах, которые совхоз за каждое дерево обещает... Эх, были бы они сейчас, красненькие, он бы первым делом пивка пригубил, а затем в баньку, и веничком, по ребрышкам... Отдраился бы чуток — и на вокзал, ручкой бы из окошка помаhal: прощайте, южные края, хватит, отбичевал свое...

Пока он с зудящим животом в траве барахтался, осенний день понемногу разогреваться начал. Солнце, которое с утра будто полиэтиленовой пленкой завесили, поднялось выше. Он лежал ничком и сразу спиной тепло ощутил, перевернулся — лицом кверху и глаза открыл: поблизости седая паутинка пронеслась. Разметались по горным склонам пунцовые и багряные тени, ясно стал заметен контур гряды, что подпирала долину, и видно было, как в сторону перевала уползает дремучая туманная пелена. Озябшая за ночь земля отогревалась и слегка парила. Неподалеку журчала вода, захотелось пить. Поднялся и, чуть прихрамывая, побрел вдоль обрывистого берега. Речка была мелководная, как и все в здешних краях, он даже смеялся, когда эти ручейки реками называли. В деревне у них речушка текла, так та раза втрое шире любой местной реки. Он нагнулся к прозрачной искрящейся воде, зачерпнул в пригоршню и, обжигая холодом горло, сделал несколько глотков.

Боль в желудке начала стихать, и он успокоился, уселся на крупный расколотый камень, торчавший на берегу, пошарил по карманам и обнаружил раздавленную пачку сигарет. Достал одну-единственную, примятую и пожелтевшую, нащупал в другом кармане коробок спичек и прикурил.

Курил долго и жадно. Под невеселые мысли затягивался терпким дымом, смотрел, как пенятся бурунчики в струящемся потоке... Думал о том, что не вышло вот с подработкой, думал о прошедшем лете, что стремительным вихрем крутило его в бесполовой южной жизни, о речке, тоскливо бегущей у ног... Докурив, бросил окурочок далеко в воду, и светлый поток брезгливо принял его и понес дальше, туда, где русло сужалось и исчезало в зарослях иссохшей мяты и белокопытника.

Он поднялся наверх, но обратно в сад не полез, только обратил внимание на те самые тополя, что аккуратно в рядок у края выстроились, про себя посчитал: двенадцать. В голове произвольно перемножилось: двенадцать на восемьдесят, выходит девятьсот шестьдесят рубликов.

Эхма!.. Какие деньги пропадают!

Интересно, сколько ж им лет наберется, если они такие здоровенные вымахали? Особенно глянулся ему крайний, что ближе всех к реке рос, — стройный, высокий, могучий. Такой завалить, он и на всю сотню потянет.

Тополь ему чем-то кипарис напоминал, особенно издали, тоже бестолковое дерево: ни древесины полезной, ни дров хороших, а уж на мебель и подавно не годится. Что толку, вымахал этакий великан, с виду крепыш, а изнутри уж пустота звенит, все гниль выела, только и жди, сорвется ураганный ветер, дунет посильней и поломают тополь, как спичку; хорошо, если в сад или в речку упадет, а случись, заденет кого?

Еще раз на тополь оглянулся, и показалось ему: вроде ветви обратно качнулись, как бы его взгляда испугались... Не спеша вдоль изгороди побрел, держась ближе к берегу, где меж кустами попадались поляны, пока не выбрел на одну: дымилось слегка кострище, темнели в колкой траве брошенные бутылки.

Обрадовался, тщательно осмотрел все вокруг и отыскал семь бутылок, мозг привычно произвел действие: в сумме рубль сорок, где еще такие деньги по кустам найдешь?

Прищурился на солнце, время прикинул: этак часов двенадцать. Рассовал бутылки по карманам, что не уместились в руки взял и спешно зашагал в сторону поселка. Там был продуктовый магазин, там была чебуречная, там была та самая жизнь, от которой он ненадолго отлучился.

Был это выходной день или будничный, он так и не разобрал, людей у магазина толпилось предостаточно. Повертевшись у входа, он нерешительно сунулся в помещение и, не поднимая головы, спросил:

— Кто последний?

— Ия... — икнул мужичок в потрепанном ватнике.

— За тобой буду, — буркнул он и придвинулся к витрине, жадно поглядывая на розовые и белые головки бутылок с вином.

— И стой, и-ладно... — видно, мужику поговорить хотелось, но слушать его никто не желал.

Ему тоже не хотелось слушать хмельной лепет, и он отвернулся, поднял глаза. Стоило ему это сделать, как он сразу же и удивился, и обрадовался, и закипел злостью: впереди, через два человека, стоял черноусый.

Он отодвинул в сторону косноязычного мужичка и легко толкнул черноусого в бок:

— Привет, паря!.. Чего ж ты меня надул?

Черноусый, обернувшись, непонятно зачем потряхнул головой, зачесал ладонью затылок, словно что-то припоминая, затем лицо его поплыло, и он заулыбался:

— А-а, здоров, мужик!.. Ты это о чем? О тополях, что ли?.. Лады, все будет о'кей!.. У меня тут троячок, смажем, давай для разгону и пойдем... Если я обещал, это железно... Ты чо, не веришь? Да бригадир — это мой свояк!.. Лады?

Черноусый был в изрядном похмелье, шибало от него так, что голова пошла кругом. Захотелось выпить, и, неизвестно почему, он снова поверил обещанию черноусого, желание отыгаться на нем пропало; он уже ощутил себя с червонцами в кармане, которые принесут ему чувство свободы перемещения в пространстве, вечером он будет ехать в поезде, спать на вагонной полке...

Свои бутылки он передал черноусому.

Из магазина они вышли к дороге. Тут же у обочины черноусый сорвал зубами алюминиевую «бескозырку» и приложился к горлышку, затем передал бутылку ему.

— Не кисни, мужик, счас ко мне идем, хватаем топор, пилу и в сад... Лады?

— Лады... — согласился он, ощутив, что боль в желудке отпустила полностью, и настроение стало не такое скверное.

Они миновали злополучную чебуречную и свернули на улочку с высокими заборами. Черноусый толкнул одну из покосившихся калиток и завел его в запущенный сад. В глубине

стоял домик, сложенный из грубого известняка, неоштукатуренный и непобеленный.

— Ты, мужик, здесь подожди... Мамаша у меня... Она, понимаешь, не любит, когда ко мне ходят... я счас, — и черноусый исчез в покосившемся сарайчике, что прилепился к изгороди.

В одиночку стоять было неудобно, и он совсем засмутился, когда дверь домика распахнулась и появилась горбатая старуха, закутанная в черный платок. Она приложила ладонь ко лбу, молча посмотрела на него, укоризненно покачала головой, сплюнула в сторону и прикрыла за собой двери.

Ему стало неловко, и он облегченно вздохнул, когда увидел черноусого, который шел к нему с топором, двуручной пилой и веревкой. Теперь-то он окончательно поверил, что сегодня они дело сделают, а главное — он получит долгожданные червонцы.

— Слушай, а тот в сапогах, толстый который... Он где? — ревниво припомнился третий вчерашний компаньон: а вдруг еще с ним придется делиться? Так им и одного дерева хватит — по «сороковнику» на брата получается.

— Гришка, что ли?.. Не-е, не будет... Его жена к родственникам увезла... Он сосед мой... А баба у него — огонь, все, что хошь, делает... Гришка мужик хороший, только ленивый малость, как и я... Хе-хе!

И черноусый засмеялся. Затем он еще долго болтал всякую ерунду, пока не повернули к дороге, прошли мимо остановки и, свернув к саду, долго брели к маячившим вдали тополям.

Как-то получилось, что без раздумий он направился к тому крайнему, что еще утром присмотрел. Не дерево, а красавец!

— Чего этот? — удивился черноусый. — Он же всех толще... Давай другой, смотри их сколько!

— Этот! — обрезал он напарника, и тот смолк.

Черноусому было все равно, что валить тополь, что не валить, поплелся он ради компании, одному пить не хотелось.

— Что, думаешь не осилим? — подковырнул он черноусого, а про себя подумал: нет уж, я эту махину завалю.

— Как скажешь, мужик, — черноусый произнес это с безразличием; казалось, предложи ему гору долбать, он бы и гору согласился крушить.

Сбросив наземь пилу, веревку и топор, они еще раз осмотрели тополь; черноусый предложил за успех дела прикончить вторую бутылку и, не дождавшись ответа, отодрал пробку.

— Ну, будем... — черноусый опрокинул бутылку, и сквозь мутное стекло забулькала коричневая жидкость.

— Ладно, паря, не увлекайся... — толкнул он черноусого в бок и, перехватив бутылку, допил ее. С каждым глотком вливалось в него легкое безумие и уверенность в себе.

— Значит, так, — предложил черноусый, — делаем подпил с одной стороны, затем с другой, подтесываем, арканом веревкой и тащим... Внутри этой дуры гниляк, она под своей тяжестью и рухнет... Верно, говорю?

Он уважительно постучал кулаком по стволу, затем задрал голову и долго смотрел вверх, на верхушку, которая взметнулась метров на тридцать от земли.

— Ну что, давай пилить?

— Давай, мужик!

И оба взялись за ручки пилы, где-то на уровне пояса начали осторожно вгрызаться железные зубы в мягкую древесину. При первых скрежещающих звуках стон прошелся по дереву, тополь загудел от корней до вершины, и показалось, что так только человек может стонать.

Через пару минут каждого прошиб пот, по лбу потекли грязные капли, застилая глаза. В руках почувствовалась тяжесть, только друг другу вида показывать не хотели, пилили до тех пор, пока пилу не зажало — дальше ее дергать было бесполезно.

Не сговариваясь, решили передохнуть. Черноусый глубоко выдохнул, смахнул пот с лица и, еле шевеля языком, произнес:

— Смотри, стерва, какая упрямая...

И, достав пачку «Беломора», протянул ему, а себе папирозу в угол рта бросил.

Закурили.

Похмелье сказывалось, и хотелось прямо здесь, у тополя, лечь и вздремнуть пару часов, но беспокойная мысль о желанных червонцах продолжала мутить душу. «Надо до пустоты добраться, тогда легче будет», — подумалось ему, и он сплюнул докуренную папирозу.

— Давай, паря, еще попилим, — толкнул он прикорнувшего напарника, и тот испуганно приоткрыл глаза, пытаясь что-то понять. Но так ничего и не сообразил, цапанул ручку пилы, и снова началось жиканье, только с другой стороны тополя. В этот раз им хватило одной минуты, чтобы выдохнуться.

Черноусый размазывал по лицу грязный пот и кисло морщился:

— Этак мы долго проваландаемся... Слушай, мужик, а что если вокруг костерок сообразить, ствол чуть пообгорит, и совсем ерунда останется.

А может, действительно черноусый прав, с костром полегче будет, и не надо столько пилить, надрываться. У него самого руки занемели, дрожат от непривычной работы.

— Ты будь, а я мигом туда-сюда, канистру с бензином прихвачу и обратно, мы его в два счета... Ты пока хворосту насобирай... — и черноусый исчез, словно ветром сдуло.

Оставшись один, спохватился, что забыл попросить у черноусого курева, теперь вот сиди, дожидайся...

Хмель вместе с работой подтаял, и он ощутил, что нет больше того азарта, с которым принялись за дело, нет бодрости, в теле появилась слабость, потянуло на сон.

Тогда он поднялся, спустился к реке, перешел по камням на другой берег, походил недалеко в дубнячке, собрал немного сухого валежника. Когда переходил реку обратно, не удержался и оступился на скользком камне, ухнул обеими ногами в воду, холодная вода сразу отрезвила.

Стало досадно, и на себя, и на реку, и на все вокруг; так как другой обуви у него не было, пришлось снять сырые ботинки, нести их в руках.

Черноусый с бензином не появлялся.

А если он и вообще забыл про него? Нужен ему этот тополь! Может, он только и искал повод, чтобы удрать, а ты, как дурак, сиди тут и дожидайся...

Что же, выходит, плакали мои денежки? Нет, паря, врешь, я эти червонцы запросто не отдам, я сам эту дуру завалю и все восемь красненьких в свой карман положу, приведу черноусого со свояком, носом ткну, пусть принимают сделанную работу...

И такая злость разыгралась в нем, что схватил он топор и начал с надпиленной стороны ствол кромсать, да с такой силой и жестокостью, словно тополь его злейшим врагом был.

«Стоишь, сука, — думал он, — а тут червонцы нужны, хоть сдохни... Тебе-то что? Жрать не надо, все от природы, она тебя поит, кормит, а мне кусок хлеба запросто никто не подаст! Ты, может, еще сто лет простишься, а я завтра от голода сдохну... Нет уж, завалю я тебя, и скорей земля треснет, чем я уйду отсюда...»

Он и забыл про все — про усталость, про нестерпимый голод, — рубил яростно, с упоением, и все ярче в нем разгоралась ярость и беспощадность, и это придавало новые силы, наполняло мышцы энергией. И казалось ему, что если он этот тополь срубит, то для него на земле новая жизнь начнется, все старое забудется, исчезнет, и он свой причал в жизни найдет, где все будет как надо, по-человечески, с достатком и счастьем.

Взлетал в воздух топор, затем резко вниз опускался, затем снова взлетал и снова опускался, — и ничего живого не было в душе, кроме звериной злобы, страшной, до упора, когда человек готов убить всех живущих на земле — это, мол, вы, все вы виноваты в моих бедах!..

Тополь не почувствовал боли, было только неприятно словно задела чем-то колющим, — и он застонал.

Когда пила въелась глубже, он явственно осознал, что многие артерии, по которым устремлялись к вершине земные соки, перерезаны. Сдержанно замирая, остывали его нервы, и только одно сознание не покидало его, помогало все видеть и рассуждать.

«Так вот он ответ на загадку, который так долго скрывала река... Вот он, тот человек, который должен был прийти... Вот он, тот короткий миг, когда познаешь цену истине, которая уже никому не нужна... Зачем, зачем это надо человеку?»

Он слышал, о чем говорили эти двое, видел их завистливые лица, устремленные к нему, к его мощи и красоте, и понимал, почему рыжебородый остановил свой выбор именно на нем.

Мелькнула дремотная надежда, когда ушел черноусый, что и этот, рыжебородый, бросит его, пусть израненного, но еще живого. Но нет, видно, такова судьба — этот хмельной и разгоряченный человек и есть его погибель.

Нет, тополь не боялся смерти, он часто видел, как умирали другие деревья, как падали они, сраженные молнией, ветром, собственной старостью. Но разве мог он подумать, что завершение его жизни придет от рук человека? Ведь человек и тополь — сыновья единого вечного мира, ведь они почти родные братья. А разве может брат погубить брата, будь он хорош или плох?..

Так вот, значит, о чем умолчала река!

Неужели человек не догадывается, кто он?

Когда рыжебородый схватил с остервенением топор и начал выхватывать куски его тела, тополю захотелось крикнуть человеческим голосом:

«Остановись, несчастный!.. Опомнись, брат!»

Но человек был слишком зол и невменяем, он упивался своей разбуженной силой и забыл в хмельном экстазе про свой рассудок.

И тогда тополь услышал, как печально и тоскливо зажурчала неподалеку старуха-река.

Соленый пот захлестывал и разъедал глаза, мелкая щепка набила в бороду, волосы, за шиворот. Он скинул пиджак, выгоревшую рубашку и, голый по пояс, босиком, поднимал и опускал топор на ствол дерева.

Он уже перестал ощущать мышцы, во всем теле стучала только одна мысль:

«Я все равно тебя одолею, слышишь, все равно... Я срублю тебя, я должен тебя завалить, должен!»

Вначале он изрубил ствол с разных сторон, затем начал врубаться со стороны большего подпила. Он уже перестал вытирать пот с лица, не замечал и времени: сколько уже рубит? Ничего не видел вокруг себя, кроме расширяющейся белой выемки на темно-зеленой коре тополя. Ему казалось, что всю свою жизнь он только и делал, что рубил это великанское дерево.

«Я получу свои деньги, получу, — думал он. — Я уеду из этого проклятого края, вернусь домой к матери, на север, в деревню, начну жить сызнова... Я еще не стар, во мне есть сила, здоровье, выстрою дом, обзаведусь женой, детьми... Все еще вернется, наладится, только бы срубить этот тополь... Я должен его срубить!»

И когда мышцы начали конвульсивно подергиваться в судороге, стягивая до боли руки, он услышал слабый и загадочный треск. Тополь, лишенный опоры, уже не мог больше выдерживать собственного веса.

В сознании человека мелькнуло: падает!

Да, тополь падал. Подломившись, он падал так стремительно, что можно было это видеть лишь со стороны: с оглушительным треском чудовищной толщины ствол быстро надвигался в сторону того, кто погубил старое дерево, и застывший в судороге человек беспомощно поднял кверху руки, словно хотел защититься.

Над садом пролетел душераздирающий крик.

А еще раньше человеку показалось, что метнулась между ним и деревом черная тень, а затем — толстая и сухая ветвь остро хлестнула по виску, и все вокруг окрасилось розовым, мир начал меркнуть и вместе с болью пришла темнота.

Станный шум, разнесшийся в тишине осеннего вечера, сорвал с одной из скальных вершин задремавшую птицу. Она испуганно вспорхнула и, поднявшись выше, увидела — в долине у кромки сада вытянулся поваленный тополь, а рядом крохотная фигурка человека, который лежал лицом вниз, словно прислушиваясь к гулу, идущему из глубины земли.

НЕЗНАКОМКА

Ваня Бабушкин уехал в Москву. Вот так, запросто, собрался и поехал. Ни родителям, ни знакомым толком ничего не объяснил. И не смог бы объяснить. Словом, все остались в недоумении: что произошло с Ваней? Чем ему не понравилась жизнь в тихом и уютном городке, где почти каждый знал друг друга?

Броской внешностью Ваня не отличался: невысокого роста, сутуловат, худощав. Лицо бледное, вытянутый нос с горбинкой, и что характерно — у него были седые ресницы. Особенно это бросалось в глаза, когда Бабушкин, чему-нибудь удивившись, начинал моргать.

А удивлялся он часто и многому. Может, он потому и в Москву уехал, что очень удивился, когда его знакомая Оленька, симпатичное создание с зелеными глазами и стрижкой под «мальчика», заявила: я выхожу замуж...

— Как же теперь я? — растерянно спросил Ваня.

— Что — ты? — переспросила Оленька, не сразу поняв, что имеет в виду ее недавний приятель.

— Что мне теперь делать? — повторил Бабушкин.

— Боже мой! — с досадой произнесла Оленька. — Наивный ребенок! Жить будешь, как все! Встретишь хорошую девушку, женишься, семью заведешь...

Зеленоглазой красавице не нравился этот разговор, она считала его глупым. И Ваню Бабушкина считала таким же: будь он умнее, разве пришлось бы ему объяснять, как устроен мир?

— Зачем мне кого-то встречать? Я уже тебя встретил, — сказал Ваня, отказываясь верить в предстоящее замужество Оли.

— Да пойми ты, у нас все это несерьезно. Ну, повстречались, походили, поцеловались — и все. А мне надо жизнь устраивать. И тебе о будущем следует подумать. Не век же на заводе работать, — Оленька говорила это серьезно, тоном воспитательницы детского сада.

— Какое будущее? Ты же ведь знаешь, что я люблю тебя! — с отчаянием произнес Ваня, словно от последней фразы зависело спасение всей его жизни.

— Я выхожу замуж! — с раздражением бросила Оленька, начиная злиться на Ванину бестолковость. — И ты должен это понять. Не надо делать обиженное лицо и моргать глазами, тебе это не идет. Пойми, дурачок, меж нами ничего не было. Понимаешь — не было!

Она повторила эти слова с особым выражением, словно в них заключался необычный смысл всего случившегося.

— Как не было? — торопливо спросил Ваня. — Я люблю тебя, и ты это знаешь.

— А если и было, — добавила Оленька, — так это все ты придумал. Начитался книжек и придумал.

Она знала, что говорит. Бабушкин, действительно, любил читать и читал очень много, запоем, ночи напролет. Однако Оля не знала, что Ваня еще пишет стихи, тайно, никому не показывая. Даже своей любимой, которой было посвящено больше половины стихов.

Конечно, Оленьке нравилось, что Бабушкин такой умный и начитанный мальчик. С ним было приятно появиться на вечеринке, среди подружек, продавщиц местного универмага, пройтись по городу, сходить в кино, на танцы. Но Ваня был именно мальчик, а себя она считала взрослой и разумной женщиной, хотя была младше Бабушкина на два года. Но разве женская хитрость зависит от возраста? Когда знакомый ее отца, подающий надежды молодой инженер, сделал ей предложение, она посоветовалась с мамой и согласилась. Про Бабушкина она и не вспомнила.

Они расстались и, как понял Ваня, навсегда.

Бабушкин написал свое последнее стихотворение, посвященное разрыву с Оленькой, заодно перечитал остальную «лирику», которой было исписано несколько общих тетрадей. И неожиданно для себя Ваня решил ехать в Москву. Он вспомнил: в столице есть институт, где учат на поэтов и писателей. Там он приобщится к настоящей литературе и, кто знает, может, станет великим поэтом.

Что такое быть «великим поэтом», Бабушкин осознавал плохо, но он почему-то считал, что «великих» все обязательно знают и любят. Когда он станет «великим», то Оленька, прослышав о нем, прослезится, пожалеет обо всем случившемся и снова полюбит его, Ваню Бабушкина. А он, будучи «великим», великодушно простит ей измену. Напишет большую поэму о своей неразделенной любви, и каждый, кто прочтет ее, поймет, как сильно любил и страдал Ваня Бабушкин, как больно ему было потерять возлюбленную.

Эти сильные чувства и прекрасные мысли не оставляли Ваню до той самой минуты, пока он не ступил, полный надежд и замыслов, на асфальт столицы.

По улице Горького гулял холодный ветер. Утренний мороз был особенно крепок. Он яростно хватал за нос, щеки и уши. По правой стороне улицы, обходя угол метро «Маяковская», шли двое в серых ватниках и оранжевых жилетах. Под

их валенками поскрипывал свежий снег, словно кто-то резал капусту.

Возле телефонной будки один поскользнулся и уронил метлу, чуть было сам не растянулся.

— Ты чего? Спишь, что ли? Или с похмелья? — насмешливо спросил второй, придерживая товарища за руку.

— Скользко очень, — тихо ответил первый. — Опять придется лед колоть.

— Придется, — согласился второй и, помолчав, напомнил: — Так, все должно быть, как в кино. Зайдешь, Ваня, в подъезд, поднимешься на третий этаж. Сначала позвони, вдруг там есть кто-то? Войдешь в квартиру, посмотри, на месте ли он? Затем меня позовешь. Только дверьми громко не стучи, а то соседей разбудишь.

Первый — это был Ваня Бабушкин — согласно кивнул головой.

— Ты не волнуйся! Как сказал, так и сделаю.

И они снова зашагали, прикрывая лицо от ветра. Над центром столицы клубился сизоватый туман.

Второго — товарища Вани — звали Вячеслав Синица. Он был старше Бабушкина на пять лет и учился в том самом институте, куда Ваня мечтал поступить летом. Но не поступил.

В приемной комиссии Бабушкину объяснили, что существует творческий конкурс. Последний срок подачи работ в конце апреля, так что он опоздал.

«Опоздавший» растерянно захлопал ресницами. Симпатичная блондинка из приемной комиссии улыбнулась и посоветовала:

— Не огорчайтесь. Присылайте ваши работы на следующий год.

Рядом с блондинкой сидел бородатый мужчина с колючим взглядом. Проводив взглядом Бабушкина, он язвительно бросил:

— Тоже мне, запоздавший гений.

Но Ваня уже не слышал обидных слов, произнесенных вслед. Не зная, что делать, он вышел в сквер во дворе института и сел на скамейку.

«Да, обидно, — подумал Бабушкин, — обидно, что я раньше не знал про этот творческий конкурс...»

Тут он подумал, что еще много чего не знал месяц назад. И того, что Оленька бросит его, и что он останется в одиночестве, наедине со своей болью и утратой, и что никто и никогда больше не поймет его.

— Что, поступаешь? — спросил Ваню подсевший на скамейку парень и попросил сигарету.

— Я не курю, — ответил Бабушкин.

— А чего грустишь? — вопрос прозвучал просто, ненавязчиво.

Ваня не знал, что ответить. Он не знал и того, что парня зовут Вячеслав Синица, что он студент дневного отделения семинара прозы. Синица считал себя большим психологом и знатоком человеческих душ. Он готовился писать гениальный роман, в котором собирался «переплюнуть» самого Достоевского. Для будущего романа, как считал автор, не хватало одного — стоящего сюжета. Его надо было искать в жизни — и Синица искал.

Этого всего Бабушкин не знал и, не пытаясь чего-либо объяснить, растерянно произнес:

— Вот, сию...

— Ну, тогда пошли. Посидим у меня, — предложил Синица.

Они познакомились. Ваня пошел вместе с новым товарищем, так как больше идти ему было некуда.

Синица не был столичным жителем. Он вынужден был проводить каникулы в Москве, так как работал в одном из ДЭЗов дворником. В этом нет ничего удивительного. Кто знаком с жизнью столичного студенчества, знают — так поступают многие. Для Синицы, который был неисправимым «троечником» и не получал стипендии, главным в работе было — зарплата и комната. Комнату ДЭЗ выделял временно,

без прописки, из освобожденного фонда, специально для студентов-дворников.

Это тоже устраивало Вячеслава, который считал, что писатель не может творить в общежитии. Да там и жить спокойно нельзя, постоянно пьянки, скандалы, драки, объяснял Синица, рассказывая Бабушкину об институтских нравах и обычаях.

— Неужели правда? — поразился Ваня, сидя у Вячеслава в его комнате и стеснительно угощаясь нарезанной колбасой, которую великодушный хозяин предложил гостю.

— Правда, правда! — подтвердил Синица. — А ты что думал? Это тебе не Царскосельский лицей!.. Не-е, братец, тут только сильные выживают.

Вячеслав Синица имел в виду и себя, хотя внешне он не производил впечатления сильного человека. У него было немало общего с Бабушкиным, и поэтому молчаливый, нескладный парень из провинции вызвал у него симпатию.

Потом выяснилось, что и сам Синица приехал в столицу из тех же краев, что и Ваня. Но, как нередко бывает, успел за годы учебы пропитаться столичным духом и считал себя москвичом, пусть даже и временным. Он еще больше проникся симпатией к Бабушкину, когда узнал краткую историю его жизни и неудачной любви. Синица решил принять участие в дальнейшей судьбе Вани.

— Домой ехать нечего, — ободряюще похлопал он Бабушкина по плечу. — Ты и здесь не пропадешь. Что-нибудь придумаем.

И придумал. На следующий день представил Ваню главному инженеру, который, к счастью, исполнял в это время обязанности начальника ДЭЗа. Синице, как будущему писателю, он покровительствовал и поэтому выслушал его внимательно, поглядывая на Бабушкина, стоявшего возле дверей.

— Определить его по лимиту мы сейчас не сможем. Но с работой и комнатой устроим. Пока временно. А там от него будет зависеть, как работать станет. Может, ему не понравится дворником.

Главный инженер был человек рассудительный. Когда Бабушкин писал заявление и оформлял документы, он, прежде чем наложить резолюцию, спросил:

— Да ты, братец, тезка известного революционера. Случаем не родственник?

Ваня не понял, что инженер шутит. Да и откуда ему было знать, когда в столице шутят, а когда говорят серьезно. Он решил полностью довериться Синице. Надо сказать, все сложилось для него очень удачно. Даже комнату Бабушкину выделили в одном подъезде с Вячеславом, на этаж выше. Так они стали соседями. Техник участка — старая ворчливая женщина — предупредила: не выпивать, не шуметь, с жильцами не ссориться, на работу выходить вовремя.

— Да ты не слушай ее, она всем так говорит, — пояснил Синица, когда они сидели в комнате Бабушкина и отмечали новоселье.

Вот так Ваня Бабушкин, приехавший в Москву, чтобы стать великим поэтом, стал столичным дворником. Работать метлой он научился быстро и, не стесняясь, подметал участок улицы, который ему определила женщина-техник.

На первых порах пришлось нелегко. Тяжело и непривычно было просыпаться рано. Подмести тротуар следовало еще до того, как появится неумолимая, быстродвижущаяся и галдящая толпа. Подмахнуть метлой окурки, бумажки, проверить и выбрать урны, подчистить возле мусорных контейнеров во дворе — и еще много всякого.

В первые дни сам главный инженер приходил, контролировал, как работает новый дворник, чисто ли убирает. Ваня Бабушкин убирал чисто, претензий к такой работе быть не могло, и начальство осталось довольным.

— Погоди, — говорил Синица, — летом убирать ерунда... А вот как зимой снежок выпадет да льдом прихватит, вот тогда нападшемся.

«Каково будет зимой?» — с тревогой подумал Ваня.

Но до зимы еще надо было дожить. Пока что Бабушкин с трудом, но все-таки осваивался с жизнью в столице, привыкал к ее суматошному ритму, а также ко всему новому и неожиданному, что открывал сам или ему помогал открывать новый товарищ.

Однажды Синица прочел Ванины стихи — Бабушкин сам предложил, правда, с робостью — и обозвал их «галиматъей».

Ваня не мог не поверить товарищу. Все-таки тот числился в институте, где его обучали разбираться не только в прозе, но и в поэзии. Да, с горечью согласился Бабушкин, стихи слабые. Но, быть может, если бы он поступил в институт, то еще неизвестно, как бы все обернулось...

— Что неизвестно? — перебил Синица. — Да разве дело в институте? Разве можно научить мыслить поэтическими образами?

Вячеслав Синица сидел у себя в комнате и потягивал холодное пиво, изнывая от духоты. Август в столице выдался жаркий. Жителей прямо-таки душило липким зноем и смрадом выхлопных газов, особенно здесь, в центре города.

— Какая у тебя поэзия, если в ней нет нерва? Образа нет! Ты просто рифмуешь мысли... Ты пишешь о любви, а используешь такие штампы, что даже последний графоман постыдится прикоснуться к ним... Ну, послушай, что это такое?

И Синица прочитал из тетради:

*Не хочу сравнить тебя с Луною,
С Солнцем не хочу тебя сравнить,
Ты ведь человек, и все земное
Мне в тебя хотелось воплотить...*

Затем он прочел еще несколько отрывков и небрежно бросил тетрадь на стол.

— Да пойми же, до тебя писали о любви Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Фет, Блок и Есенин... Разве ты имеешь право пи-

сать после них хуже? Нет! А для этого талант нужен, батенька, одного трудолюбия тут мало.

Синица прервался, чтобы сделать очередной глоток из бутылки, и громко икнул.

— Понимаешь, все твое творчество сегодня на уровне миросозерцания, что видишь, то и пишешь... Правда, слабо пишешь. Но ты иди дальше, учись видеть в каждой вещи и явлении свой образ, индивидуальный, не заемный, понимаешь?

Ваня молча кивнул головой, соглашаясь с Синицей.

— А когда ты научишься смотреть как художник, то следующий твой этап — миропонимание, то, как ты объяснишь все эти явления и образы... А главное — это мировоззрение. Именно оно определяет лицо художника, его творческую неповторимость, его отношение к высшим категориям духовных ценностей...

— И к любви тоже? — наивно переспросил Ваня, не подозревая, что его вопрос вызовет у Синицы скептическую реакцию.

— А что такое любовь? — Вячеслав поморщился. — Любовь — ерунда... Никто не знает, что это такое. Размазали ее соплями как в литературе, так и в жизни, а толком объяснить никто не решится... Даже поэты — и те сникли... Далась тебе эта любовь! Найди себе бабу и люби ее на здоровье!

— Но ведь так нельзя, — робко перебил Бабушкин.

— Можно! — грубо обрезал Синица и обнаружил, что бутылка уже пуста, пиво кончилось.

Он с досадой взглянул на остатки пены на дне.

— Сбегаю-ка я еще в магазин, — бросил он Ване, — а ты вот сиди и думай, думай над тем, что я сказал.

И Ваня Бабушкин задумался. А еще он по-прежнему много читал, вечерами и днем. Книги приносил Синица. В институте была хорошая библиотека. Ваня читал и снова думал. Он думал и сознавал, что многого в этой жизни не понимает и объяснить не может.

Например, почему Оленька бросила его и вышла замуж за другого человека? Почему он очутился в Москве и работает дворником? Почему он не хочет возвращаться домой, хотя родители в каждом письме просят об этом? И, наконец, почему Синица назвал его искренние стихи «галиматьей»? Выходит, если я пишу плохие стихи о любви, то, значит, я не знаю, что такое любовь? Синица, выходит, прав — и никто не знает. Бабушкин подумал об этом со страхом.

Значит, я не любил Оленьку, и она права, что бросила меня? Значит, я придумал, что люблю ее? Да, она права, я придумал все... Да нет же, как я мог придумать? Любовь не придумывается... И бедный Ваня, теряясь в догадках, ломал себе голову над вечной проблемой.

А Синица каждый вечер продолжал свои нравоучения. Ему нравилось, что чужие мысли звучали в его устах как собственные и что он имеет такого внимательного и благодарного слушателя, как Ваня Бабушкин.

Настала осень. Дворницкой работы прибавилось. В институте начался учебный год, и Вячеслав Синица стал ходить на занятия. Правда, не часто, через день.

— Скучно там, — говорил он Ване. — Зачем мне этот язык, если он во мне... Никакой язык не заменит таланта... Так-то вот.

Однажды он протянул Ване рукопись.

— На, почитай. Один из нашего семинара пишет. Ерунда на тему любви. Если хочешь, сходим на обсуждение.

— А это можно? — спросил Ваня.

— Конечно. К нам всегда кто-нибудь приходит. Мастер не запрещает.

Мастером Синица называл руководителя семинара прозы, известного писателя. Правда, Ваня никогда раньше не слышал его фамилию.

Бабушкин внимательно прочитал рассказ, который назывался «Холостяк и алоэ». Сюжет его был таков: мужчина влюбился в цветок алоэ. Ради того, чтобы оказаться поближе к

цветку, а он находился в витрине магазина, мужчина познакомился с продавщицей. Возникла ситуация: женщина не могла понять, любит ли ее мужчина, а мужчина не догадывался, чего хочет женщина, ведь он до сумасшествия любит цветок.

— Это что, талантливо? — спросил Ваня.

— Я же сказал, ерунда, — махнул рукой Сеница. — Просто повыводываться хочет, сейчас так модно писать... Почитай Борхеса, вот он под него и пишет. Наш доморощенный Кортасар.

Ваня пошел с Сеницей на обсуждение рассказа. Он сидел робко, тихо, за самым последним столом и внимательно слушал, что говорили участники семинара.

Единственный, кто привлек его внимание, это Мастер — высокий худощавый мужчина с черными усами и тоскливым лицом. Бабушкину даже показалось, что Мастер либо скучает, либо чем-то серьезно болен. Время от времени Мастер просил выступить следующего:

— Ну, а что думает Света... Света, ты что, заснула? Скажи, о чем этот рассказ?... Петя, а что ты обнаружил в рассказе?... Теперь послушаем Сережу, только потише, пожалуйста... А может, наш гость что-нибудь скажет?..

Мастер неожиданно обратился к Бабушкину. Тот растерялся.

— Вы читали рассказ?

— Да, читал, — растерянно ответил Ваня.

— Ну, и что вы нам скажете?

— Я думаю... это рассказ о любви.

Бабушкин ощутил на себе настороженные и насмешливые глаза участников семинара. На него смотрели, как на какую-то диковинку. Ване стало стыдно, и он подумал, что сказал глупость.

— Не стесняйтесь. Мы слушаем вас.

— О любви, — продолжил Бабушкин. — Мужчина не знает, что такое любовь в окружающей его жизни, и пытается найти образ любви в цветке.

— Ха! — громко хмыкнула девица с первого ряда. — Мужчина, и не знает, что такое любовь?

— Вера, помолчи! — обрезал ее Мастер.

— Вот и все... — Ваня сел и залился пунцовой краской.

— Ну ладно, спасибо, — Мастер скривил губы, и Бабушкин понял, что ничего интересного он не сказал, только позабавил присутствующих.

Синица толкнул его локтем в бок: не расстраивайся, другие тоже ерунду говорят. Так надо, лишь бы о чем-то поговорить, для Мастера это безразлично. У него свои проблемы. Он над своими творениями голову ломает. А семинар, это для него так, подработок. Да и прихвастнуть, если где придется: вот, мол, ученики, моя литературная школа.

Ване почему-то не захотелось больше бывать в институте, хотя Синица усердно пытался затащить его на семинар поэзии.

— Там у них руководитель — старикан, стихи пишет дерьмовые, зато ребята есть интересные, познакомисься.

— Нет, я как-нибудь потом... — отнекивался Ваня, который с неприязнью вспоминал, как пришлось ему краснеть и как глядели на него молодые литераторы.

Свободное время Бабушкин заполнял чтением и бесцельным хождением по московским улицам. Ему нравилось вливаться в бесконечную реку прохожих и плыть в этой толпе, не зная, куда тебя вынесет. Иной раз вспыхивали в толпе выразительные девичьи лица. Особенно красивые держались в воображении Бабушкина день-два — потом новые вытесняли их...

По утрам трезвонил будильник, звал на работу. Ваня вскакивал, словно это было в армии, подходил сонный к батарее парового отопления и стучал по ней плоскогубцами. Будил Синицу. Затем шел в чулан и облачался в дворницкие «доспехи».

Были у Вани Бабушкина и некоторые бытовые неудобства. Не было в комнате платяного шкафа, не было кровати — спал

он на ящиках, подложив матрас. Техник участка — та самая ворчливая женщина — как-то заглянула в комнату Бабушкина и пообещала что-нибудь придумать, помочь.

— У нас бывает, — сказала она, — иной раз жильцы переезжают и оставляют старые вещи. Подождем немного.

Наступил декабрь. Работы по дворницкой службе стало навалом и даже больше. Прав был Синица, говоря летом: напашемся.

В один из вечеров, когда уставшие от рубки льда и разгребания сырого снега Синица и Бабушкин возвращались домой, в подъезде их перехватила техник.

— Вячеслав, — сказала она, — в десятом доме, в сорок третьей квартире есть топчан. Хороший топчан. И небольшой шкаф. Я специально для вас оставила. Там старик умер, а новые жильцы еще не вселились. Пойдите и заберите вещи для Вани. Хватит ему на ящиках мыкаться. Только с утра сходите, пораньше, чтобы жильцы меньше вас видели и языками не трепали. Держи ключи, потом мне вернешь.

— Красота! — толкнул Синица Бабушкина. — У тебя и топчан будет... Все удобства! Теперь можешь девушек в гости приглашать, любовь заводить.

И Вячеслав хитро подмигнул Ване.

На следующий день они проснулись в четыре утра. На улицах еще и прохожих не было видно, а они побрели по Садовому кольцу к дому номер десять.

— А это ничего, что покойник на нем лежал? — спросил Ваня, чувствуя во всем затеянном что-то нехорошее.

— Покойник это ничего. Клопы хуже.

— Какие клопы?

— Какие, какие! Обыкновенные клопы, — поясняет Синица, обернувшись к Бабушкину. — А ты что, клопов никогда не видел?

— Нет, не видел.

— Эх ты, жизни не знаешь, поэт! Переходи-ка лучше на прозу, тогда узнаешь, чем эти насекомые пахнут.

Еще минут десять они шли по кольцу, затем свернули в не-
большой переулок и попали в закрытый двор.

— Вот он, десятый, — показал Синица.

Здесь он бывал уже не раз, знает все ходы и выходы. Так же
быстро Вячеслав нашел нужный им подъезд. Тяжело, со скри-
пом, приоткрылись массивные двери. С лестничной площадки
первого этажа потянуло сыростью.

— Та-ак, — произнес Синица, — поднимешься на третий
этаж, сделаешь, как я сказал. Только быстрее, я на шухере по-
стою, на всякий случай. Не дай бог, если въехали жильцы, то
сразу деру даем... Понял?

Бабушкин согласно кивнул. Он понимал, что ничего страш-
ного они не совершают, но стало неприятно от мысли, что он
должен зайти в чужую квартиру, будто вор. Тем более туда, где
несколько дней назад лежал покойник.

Ваня осторожно, чтобы не было слышно шагов, поднялся
по лестнице. На третьем этаже света не было. Бабушкин чир-
кнул спичкой и увидел дверь с табличкой — 43. Он аккурат-
но вставил ключ, повернул, и дверь тихо открылась, так тихо,
словно ее и не закрывали.

В прихожей было темно.

Бабушкин нащупал выключатель, щелкнул им. Тусклый
свет залил пространство. Квартира была большая, потолки
высокие, стены оклеены желтыми обоями. На паркетном полу
в беспорядке валялись старые вещи, всякий хлам.

Ваня неожиданно вспомнил, что где-то читал: когда берут
вещи у мертвых, это называется... как его?.. мародерство. И
ему стало неприятно, выходит, и он — мародер? Нет же, попы-
тался убедить себя Бабушкин, мне только топчан нужен, и то
потому, что я сплю на ящиках. А денег, чтобы купить кровать,
у меня пока нет. Ведь я же не беру что-то ценное, это все без
меня растащили... Бабушкин остановился и услышал, как в од-
ной из комнат тикают ходики. Неужели их никто не взял, хотя
собственно, кому они нужны? И только он заглянул в комнату,
как из окошка ходиков выехала кукушка и сказала: ку-ку!

Бабушкин вздрогнул.

Странно, подумал Ваня, ведь в этой комнате уже никого нет, кто же завел часы? И все-таки почему их не забрали? Бабушкин ощутил, как легкие мурашки пробежали по телу. Ему показалось, что в комнате кто-то прячется.

— Кто здесь?! — громко спросил Ваня.

В квартире было тихо, только тикали ходики.

И тогда Бабушкин увидел топчан, старый, вытертый, но широкий. Рядом с ним стояла тумбочка. На ней много всяких пузырьков с лекарствами. Валялась на полу резиновая грелка.

«Видно, болел долго, пока умер», — подумал Ваня и представил, как старик лежал на этом топчане, принимал лекарства, может, и умер здесь... Больше и нигде ему было умереть. И Ване на какое-то мгновение показалось, что он видит призрачный силуэт лежащего человека, который тянет к нему руки. Но это только показалось. Встряхнув головой, словно прогоняя наваждение, Ваня заметил на тумбочке, рядом с лекарствами, фотоальбом. Он был раскрыт.

Бабушкин подошел и стал перелистывать его.

С пожелтевших фотографий глядел высокий, рослый мужчина в военной форме, видимо, хозяин этой квартиры. Ваня пригляделся к погонам. Хозяин был полковником. Быть может, это был армейский тренер? Вот он на лыжах, вот в бассейне, вот с нагрудным номером во время соревнований по бегу. Отдельной стопкой лежали грамоты и дипломы от спортивного общества «Динамо», видно, он работал в нем после того, как ушел в отставку.

На грамотах была и фамилия этого человека — Кочетов, но Бабушкина больше занимал фотоальбом. Он перелистывал страницу за страницей и думал: вот, умер одинокий человек, и жизнь его, как эти фотографии, никому больше не нужна. Как он жил, что думал, о чем страдал? Любил ли он? Ване, как никогда, стало грустно. Сознание того, что в этом хаосе вещей, которые завтра выбросят на свалку, окажется и альбом,

последняя память о жившем человеке, породило у Бабушкина скверное настроение.

Закрыв альбом, Ваня заметил под ним что-то завернутое в папиросную бумагу. Он развернул и на сером квадрате картона увидел изображенное цветными мелками лицо женщины. Нижняя часть лица была прикрыта легким шарфиком. Сквозь него проглядывала неуловимая улыбка. Большие глаза смотрели в упор.

— Красивая... — произнес вслух Ваня. — Неужели его жена?

Он снова стал перелистывать страницы альбома, но везде полковник был изображен либо один, либо в окружении мужчин, тоже военных. Ни одного снимка с женщиной, похожей на ту, что на рисунке, не было.

Нет, это не жена, решил Бабушкин. Но тогда кто она, эта незнакомка? А если... если ее вообще не существовало? Значит, полковник никогда не видел ее, но знал, что она существует, и он любил ее... Это та, которую он берег и любил в своей душе... Да, да, это та, которая была с ним до последней минуты, до последнего вздоха.

Ваня представил, как лежавший на топчане старик бережно разворачивал портрет, как долго смотрел на него, отыскивая нечто, знакомое только ему одному. Все это было так явно, что Бабушкин увидел этого старика, который протягивал ему портрет и шептал: «Возьми его, сынок, сохрани, он теперь твой».

И Ваня взял этот квадратик картона, на котором был портрет незнакомки. Портрет, с которого глядел образ любви, той самой настоящей, истинной любви, которая ведома немногим... Любви, которая согревала умершего полковника Кочетова и в конце жизни. И он один только знал — кто Она. А теперь... теперь это знает и Ваня Бабушкин. Он открыл удивительную тайну найденного портрета. Он счастлив, что незнакомка досталась именно ему, а не кому-нибудь другому. Бабушкин ощутил, как стало тепло у него на душе, как

по-новому осветилась комната, и странные мелодичные звуки зазвучали в ней...

Он не замечал мусора на полу, не видел той страшной пустоты, что царила в квартире, забыл и про топчан... Он стоял с портретом в руках и думал, что теперь ему открылось нечто новое, необъяснимое, но вместе с тем понятное, близкое... Эти необычные глаза, которые мягко смотрели на него с портрета, словно вели его за собой, звали к недоступной вершине... Он видел самого себя и эту вершину и был счастлив в эту минуту, удивительно счастлив!..

Ваня очнулся, когда услышал в прихожей шаги. Вошел довольный долгим ожиданием Синица.

— Ну, ты даешь! Я думал, случилось что... — забубнил Вячеслав. — Жду, жду, а тебя нет... Заснул, что ли? Забыл, что еще работа ждет?

Синица подошел к топчану, похлопал его по обшивке и произнес радостно:

— Красота! Если бы не ты, себе взял.

— Нет, Вячеслав, мы не будем брать топчан, — тихо произнес Бабушкин.

— Ты что, заболел, что ли? — недоуменно спросил Синица. Он даже присел, не понимая, что случилось с Ваней. — Какого черта мы тогда сюда перлись? Поднялись рано?..

Синица действительно рассердился. Ему такие выкрутасы не нравились. Он заметил, что Бабушкин держит в руках кусок картона, взглянул, что там.

— А это что за картинка?.. Баба какая-то!

— Да ты что?! Ты что?! — взорвался Ваня. Синица от испуга даже голову втянул. — Да как ты можешь? Ты же ведь писатель! Ты понимать должен... Это не баба!..

— Ты че, Ваня, белены объелся? Успокойся! — Синица и вправду был ошарашен.

Первый раз он видел Бабушкина таким и не мог понять, какая собака его укусила. Стараясь смягчить ситуацию, он усмехнулся и добавил:

— Не хочешь топчан, спи на ящиках. Я тоже подумал: неплохо после покойника брать. Верно ведь? А картинка что, разве я знаю кто там? Мне все равно.

Ваня Бабушкин молчал. Ему открылось, что окружающий мир не понимает его. Синица не понимает, и многие, многие другие. И все потому, что они не знают, кто такая Незнакомка и что такое любовь.

Двое не спеша спустились по лестнице, прошли через темный колодец столичного двора. Под валенками скрипел снег, сновали первые прохожие, сыпал мелкий снежок. Морозный ветер норовил ударить в лицо. Но Ваня не отворачивался, он смотрел прямо перед собой, вперед. Он знал, что у него на груди, под ватником, портрет прекрасной незнакомки. И это согревало его.

РАЗРЫВ- ТРАВА

Кузяхин отодвинул тарелку и внимательно посмотрел на собеседника.

— А ты знаешь, сколько стоит килограмм зверобоя? Или душицы? Рубль с мелочью, вот. При желании можно в день сотню килограммов заготовить. Если десяток дней повкалывать, неплохо на каждого выйдет.

— Трава, она же подсыхает, — заметил Долгушин.

— А как же? Не без усушки, — усмехнулся Виталий.

— Что ты предлагаешь? — Алексей взглянул на Кузяхина, не понимая, к чему тот клонит.

— Тебе нужны деньги, и мне нужны. Отпрашиваемся у старшего инструктора, пусть нас две недели в график не ставит. Полмесяца вот так хватит, — Виталий черкнул ребром ладони по шее. — Договариваемся и едем на стоянку к Юре Куделю. Каждый день ходим на яйлу, собираем травку. Затем я все вывожу мотоциклом. Не менее двух сотен на каждого, это железно.

Долгушин задумался. Может, в другое время он не стал бы связываться с этой травой, но деньги нужны сейчас, позарез. О причине он Кузяхину не сказал. Деньги нужны были Алексею на поездку в Ленинград, к девушке, бывшей туристке из

его группы. Конечно, для Кузяхина это бы прозвучало смешно. Большинство старых инструкторов к привязанностям такого рода имело свое особое отношение.

Виталий считался старым инструктором, четвертый сезон на турбазе. Долгушин только в этом году окончил курсы инструкторов туризма, на маршрутах работал впервые.

Мечта о поездке в Ленинград зародилась больше месяца назад. Девушка, поразившая его воображение, шла в группе Долгушина в начале июня. Звали ее Алена. Приехала она по профсоюзной путевке, надеясь увидеть море. Поход и горы ее не интересовали. Потом Алена сама призналась, что ходить с рюкзаком раньше не доводилось, и удивляется, как смогла преодолеть столько вершин и перевалов. И добавила, глядя на Алексея: только благодаря инструктору.

Долгушин поначалу растерялся. В любовь, конечно, он не верил. Когда в кругу инструкторов заходила речь об этом, многие отзывались пренебрежительно.

Растерялся Алексей потому, что неожиданно ощутил: разговоры — это одно, а отношения между мужчиной и женщиной — другое. Поскольку он впервые в жизни задумался об этом, ему было нелегко. Когда пришло время расставаться, он нерешительно признался девушке: мне без тебя будет плохо.

Алена рассмеялась. Она была старше Долгушина, и он ей нравился.

— Глупенький! Так я и поверила. У тебя в каждой группе такая любовь, как я. Разве не так?

Тут Алексей совсем смешался, не зная, что и ответить. И непонятно зачем стал объяснять, что работает на турбазе временно, только на лето, а так у него есть специальность, на любом заводе хоть сейчас возьмут. Алексей хотел было еще сказать, что в горы пошел из-за того, что любит ходить в походы, а вовсе не из-за девушек. Он не такой, как можно думать об инструкторах... Хотел сказать, но смолчал, стало стыдно.

Алена оказалась чуткой, она все поняла и решила помочь Долгушину.

— Вот что, милый инструктор, — сказала она, — если захочешь, приезжай ко мне в гости. Я тебя буду ждать. Если не забудешь, конечно, или не полюбишь кого больше, чем меня.

Она поцеловала Алексея, и они расстались. Алена уехала домой, а Долгушин ушел в поход с новой группой.

Время шло, а мысли о ленинградке продолжали донимать его. Тогда он понял, что хочет увидеть Алену. И Долгушин решил: надо ехать! На эту поездку и нужны были деньги. Такие, чтобы чувствовать себя в Ленинграде свободно и независимо, чтобы не считать каждый рубль. Однако зарплата на турбазе не скоро, да той и не хватит.

Кузяхин будто читал мысли Долгушина. Он глядел на Алексея, заранее уверенный в том, что тот согласится. Он видел: вот человек, который ему нужен, напарник для сбора трав. Немного простоват, наивен, словом, то, что надо. В прошлом сезоне Виталию сестра помогала, а сейчас она в больнице, сколько там пробудет, неизвестно, а травка в самом цвету. Упустишь время, через полмесяца поздно будет, травы перестоят, погорят, никому не нужные былки останутся. И тогда вся задумка напрасной окажется. Что он тогда Куделю скажет? Где деньги возьмет?

Будь Долгушин постарше, разбирайся получше в людях, он, быть может, уловил бы в голосе Кузяхина какую-то хитринку. Но Алексею было не до того. Все его мысли занимала Алена.

Он согласился и был доволен, что Виталий не спросил, за чем Долгушину деньги.

Коменданту стоянки Юре Куделю около сорока лет, но выглядел он гораздо моложе. Когда у него спрашивали, сколько ему, он смеялся и уклончиво отвечал:

— Сколько дадите — все мои. Походите с мое по горам, тогда поймете, почему так долго горцы живут. Я врачей с молодых лет не признаю, не лечат они, а калечат... Считай, в каждом лекарстве химия, а зачем? Природа сама в каждое растение силу лекарственную заложила.

Едва на стоянке появились собиратели трав, Юра завел речь о медицине, болезнях и лекарственных растениях. Го-

стей он принимал в комендантской палатке, оборудованной как домик.

В первый день ужинали втроем — Кудель, Долгушин и Кузяхин. После ужина Виталий затянулся сигаретой, с подчеркнутым вниманием стал слушать Юру.

— Травки разные бывают, — рассказывал комендант, прихлебывая чай из кружки. — Вот у нас в горах целый клад трав! А мы что знаем? Вы только зверобой и душицу собираете, а спроси, какие еще травы ценятся, так и не знаете ничего.

— Это ты брось! — возмутился Кузяхин. — Не один ты грамотный, что надо, то и знаем. Вон у меня бабка была, она такие травы знала, которые профессора еще не открыли.

— Какие травы? — вмешался в разговор Алексей.

Ему стало интересно, он придвинулся ближе, чтобы лучше видеть при свете керосиновой лампы Кузяхина и Куделя.

— Какие, какие, — пробормотал Виталий. — Слышал, может, есть такая разрыв-трава?

Кудель недоверчиво заметил:

— Я-то слышал, только выдумали люди эту травку, нет ее в природе... Сказки, поверье.

— Ну вот, выдумали, — недовольно протянул Кузяхин. — Может, и сон-траву выдумали?... Может, еще какие травы выдумали?

— А это не камнеломка? — спросил Алексей. — Я тоже о такой слышал. Она на камне растет, маленькая такая.

— Да не-е... — отмахнулся Виталий. — Разрыв-траву только моя бабка и знала. Как-то показывала мне, да разве запомнишь, я еще пацаном был. Только помню, что бабка говорила, если из этой травы отвар сделать, то с человеком неладное творится...

— Может, дурман какой? — улыбнулся Кудель.

— Сам ты дурман!.. — обиделся Кузяхин. — Если хочешь знать, от этого отвара человек со всеми разругаться может, семью бросить, друзей предать, даже Родине изменить...

— Ну, это ты загнул, — недовольно сморщился Кудель. — Бабка твоя брехать была мастерица, а ты уши развесил, до сих пор басням веришь.

— Выдумываю я, что ли? — взорвался Кузяхин. — Что бабка говорила, то и повторяю... Она всю жизнь людей травами лечила, к ней из самой Москвы ездили...

— Может, она у тебя экстрасенс была? — подначил Юра Виталия.

Между ними завязалась долгая и бессмысленная перепалка.

Пока они спорили, Алексей задумался о своем. Он представил, как едет в купейном вагоне, как встречает его на вокзале Алена, удивленная и не верящая, что он приехал, как гуляют они по Ленинграду...

— Ты что, заснул? — дернул его за плечо Кудель. — Иди-ка отдыхай... А хочешь — к костру, там гитара, девушки.

Идти к костру желания не было. Первый день работы на яйле вымотал Долгушина. Хотелось только лечь и уснуть.

Кузяхин с Куделем принялись играть в карты. Карточный спор у них давний, а играют, как дети, на щелчки.

Долгушин поднялся и вышел из комендантской палатки. Было темно, прохладно, из леса тянуло сыростью. Небо, от края до края, усыпали звезды. Значит, завтра будет жарко.

Алексей постоял немного и побрел к крайней палатке. Сюда собирателей трав определил комендант.

В палатке царил запах зверобоя и душицы, той, что собрали за день. Увязанная пучками, трава висела на перекладинах деревянного каркаса. Горьковато-сладкий запах кружил голову.

Алексей зажег свечу, и на брезентовой стене задрожали тени. Долгушин вспомнил рассказ Виталия о бабке и загадочной разрыв-траве. Подумал: вот бы отыскать эту травку! И тут же спросил себя: зачем? Что бы я с ней делал? И сам же ответил: посмотрел бы — и все, удостоверился, что она есть, что это не сказка.

Долгушин забрался в спальный мешок, задул свечу и ощутил, как приятно поплыло тело, растворившись в горькова-

то-сладком пространстве. Засыпая, он увидел большие карие глаза, длинные ресницы, услышал шум моря и нежный говор: приезжай, Алеша, буду тебя ждать.

На следующее утро проснулись рано. Умылись, позавтракали, мешки через плечо и неторопливо побрели по дороге. Она поднималась через лес на яйлу, к карстовым воронкам, где прятались заросли темно-фиолетовой душицы и желтого зверобоя.

— Ты далеко не уходи, — предупредил Виталий Долгушина. — Здесь потеряться можно.

— Чего это мы потеряемся? — удивился Алексей.

— Чего, чего! — недовольно бросил Кузяхин. — Туман разом сядет, черта с два чего разглядишь. Блукай потом с мешком, запросто в ущелье можно сорваться... Я в прошлом году сестру так потерял. Случайно разыскал, а думал все, крышка ей.

Собирать траву не просто — надо приноровиться. Долгушин поначалу зверобой ножом резал, а потом решил ломать руками, как это делал Кузяхин. Нагибает кустик в сторону, затем резко дергает.

— Смотри, только без корней, — посоветовал Виталий, заметив, что Алексей разошелся и выдергивает траву целиком. — На следующий год корни пригодятся, может, еще приедем.

От зверобоя руки у Алексея покрылись рыжими крапинками, потом стали коричневыми. Траву красилась, и Долгушин подумал: вдруг руки не отмоются, и он с такими руками в Ленинград поедет?

Постепенно работа увлекла Алексея. Он уже не обращал внимания на то, что от жары звенит в голове, а от бесконечных наклонов ноет поясница. Только очень хотелось пить. Набранная на стоянке фляжка с водой быстро опустела. Родников на яйле не было.

К обеду они набили мешки полностью и облегченно растянулись на них. Кузяхин, как обычно, задымил сигаретой, а Долгушин лежал и прислушивался к себе. Еще никогда так не болели у него мышцы рук и ног, не ломило в висках.

Солнце над яйлой было в самом зените. Жарко, душно. Хоть бы ветерок какой... Густеющий зной обжигал поверхность яйлы. Кажется, еще немного — и все вокруг запылывает огнем.

Алексей подметил, что Кузяхин почти не устал или делает вид, что не устал. Курит сигарету за сигаретой, молча пот с лица вытирает. Затем поднялся, пошел в ближайшие воронки посмотреть, много ли там травы. Определяет, куда завтра податься.

Долгушин задремал, не заметил, как подошел Виталий, толкнул его в бок:

— Поднимайся, тащить надо, трава погорит.

— Как погорит?

— А ты сунь руку в мешок — узнаешь.

Долгушин засунул руку вглубь спрессованной травы, ладонь обожгло, и он выдернул ее. Трава испускала жар, набранный от солнца.

— Ну вот... — засмеялся Виталий. — Понял? Через два часа и на сено годиться не будет.

Обратный путь показался долгим. Мешки тащили волоком, по склону, через лес, по старой листве. На стоянке их встретил Кудель.

— Привет охотникам за травами! — закричал он, увидев тяжело идущих Кузяхина и Долгушина. — Как успехи?

— Нормально, — глухо ответил Виталий и бросил мешок возле пожарного щита.

Только теперь стало заметно, что он устал.

Алексей привалил свой мешок рядом и побрел к роднику, напиться. Кузяхин присел на скамеечку, закурил. Отдохнув, они вытащили из палатки большой брезент, разостлали в тени, разбросали на нем горячую траву.

Комендант суетился рядом, помогал, словно ему от этого причиталась какая-то выгода.

После обеда, немного подремав, Кузяхин и Долгушин принялись вязать траву в большие пучки, развешивая их в палатке, а что не поместилось — под навесом столовой.

Когда сели ужинать, было темно. Кудель поджарил грибы с картошкой и теперь хвастался, какие блюда он умел готовить в молодости. Вновь после ужина завязался разговор о травах. Чуть ли не ругаясь, начали спорить об адамовом корне.

Алексей какое-то время слушал с интересом, но вскоре сник, ощутил во всем теле усталость. Комендант с Виталием взялись за карты, а он поднялся и отправился спать. Ему показалось, что вчера все было точно так же.

Долгушин подумал: хватит ли у меня сил выдержать еще восемь дней? Нет, должен выдержать, повторил он себе, должен, иначе я не попаду в Ленинград, не увижу Алену...

Мотоцикл сломался за селом, как только дорога пошла на подъем. Мотор несколько раз фыркнул и заглох. Кузяхин выругался. Обидно, до стоянки оставалось всего шесть километров.

Внизу, в урочище, раскинулось село. Спрятанные в садах домики, словно улы, облепили темно-зеленые склоны. Медленно сползало над горной грядой солнце, обливая все вокруг золотистым светом. Вечерело.

Настроение у Кузяхина было скверное. Мотоцикл замер, и возиться с ним не хотелось. Оставалось идти пешком.

Три дня мотался Виталий в город и обратно, вывозил подсохшую траву. Три дня загружал мешками коляску, три дня мотоцикл трялся по колдобинам, надрывался на подъемах. Может, потому и сломался, что устал?

И все же непредвиденная остановка, как ни странно, была Кузяхину на руку. Очень уж не хотелось ему на стоянку, не хотелось видеть Долгушина, объясняться с ним.

Он представил, как Алексей стоит на дороге и слушает, не гудит ли мотоцикл. Ждет денег, которых нет. Как ему растолковать, почему их нет? Нет, хотя за траву заплатили пятьсот шестьдесят рубликов, все как положено. Только нет их у Виталия. Нет, если не считать шестидесяти рублей, все что оста-

лось. И то — один червонец он уже истратил, купил кое-что для облегчения беседы за столом. А куда подевались пятьсот, полтыщи где?

От самого города думает Кузяхин, как отвечать на этот вопрос, нервничает, волнуется. А тут еще мотоцикл!..

Кузяхину стыдно, что придется унижаться перед молодым инструктором, врать, изворачиваться. А что поделаешь?

Даже если бы Алексей спросил, куда подевались деньги, Виталий никогда бы не признался, что ему надо было выплатить долг. Да, долг. Еще с зимы задолжал Куделю пятьсот рублей, брал на покупку мотоцикла. Рассчитывал к весне вернуть, но не получилось. Мать заболела, затем сестра, и все отложенные деньги разошлись. Кузяхин честно признался Куделю, что денег у него сейчас нет. Разговор состоялся серьезный. Срок был продлен до августа.

Оставалась одна надежда на сезон сбора трав. Но сестра опять заболела, стал нужен напарник. И Кузяхин нашел его.

Простой, доверчивый, слегка стеснительный, Долгушин как никто подходил Виталию. Такого и облапошишь — не станет здорово возмущаться. А раз так, то Алексей может потерпеть до осени, когда Кузяхин получит на турбазе расчет и все отдаст, без обмана.

Конечно, можно было перезанять пятьсот рублей. Но у кого летом найдешь такую сумму? А занимать по частям Кузяхину казалось делом унижительным и мелочным. Виталий договорился с Куделем, что тот будет молчать, ничего Долгушину про долг не скажет.

Нет, Алексей все-таки парень неплохой, подумал Кузяхин, даже обидно было заранее его обманывать... Правда, разговорчивый, все выспрашивает, словно первый раз в горах. Пристал с этой разрыв-травой: вспомни, какая она была? Может, бабка рассказывала, какие у нее цветы? Далась ему эта трава! Кузяхин и сам не помнит, рассказывала ему бабка или нет! Вроде рассказывала! А может, и нет, бог его знает.

А что, если Долгушин предчувствовал обман?

Вчера Алексей хотел с Виталием в город податься, но Кузяхин еле убедил его: оставайся, нечего волноваться, завтра к вечеру деньги будут. Долгушин как-то странно посмотрел, и Виталий заметил, что Алексей похудел, осунулся, на загоревшем лице скулы обострились...

Кузяхин еще раз взглянул на мотор, на край опускавшегося багрового солнца и решил катить мотоцикл вниз, в село, оставить у лесника.

Алексей и вправду в последние дни вымотался. Тяжким грузом накопилось в нем все: изматывающий сбор травы, жара, хлопоты, ожидание поездки, мысли об Алене, общество Куделя и Кузяхина.

Кузяхин разочаровал Алексея. Если раньше Долгушин считал Виталия деловитым, хозяйственным парнем, то теперь, слушая его каждый день, он все больше убеждался, что его напарник — ограниченный человек, интересы которого — деньги, бабы, выпивка. Только об этом они и говорили с комендантом, позабыв о травах. Кузяхин пошло острил и любил вспоминать «случаи» из своей инструкторской практики.

Алексей уходил, ссылаясь на усталость. Самое неприятное было то, что до недавнего времени Долгушин рассуждал точно так же. Правда, говорил он о женщинах с чужого голоса, с чужого опыта. Но теперь, когда существовало нечто иное в его понимании женщины, было стыдно за себя прошлого.

Долгушин чувствовал, что с ним что-то происходит, каждый день для него стал ожиданием, когда он получит деньги и уедет в Ленинград, подальше от этих неприятных людей.

Он даже принялся писать письмо Алене, но все написанное показалось ему пустым и холодным звуком. Разве по этим словам поймет Алена его чувства? Ведь она так и уехала, считая его случайным знакомым инструктором, у которого в каждой группе новая любовь.

Целый день в ожидании Кузяхина Алексей не находил себе места. Кудель ушел за грибами, а он остался один на стоян-

ке. После обеда подошли туристские группы, стало веселей. Алексей занялся уборкой в хозяйственной палатке, а сам все прислушивался: не тарахтит ли мотоцикл?

Если Виталий приедет засветло, думал он, то еще сегодня вечером добегу до села, а там попутным транспортом до города. А если Кузяхин приедет позже, тогда уйду со стоянки рано утром, а вечером уже буду в поезде.

День заканчивался. Мотоцикла не было. Комендант, озабоченно покачивая головой, высказал беспокойство.

— Чего-то пропал наш Кузя. Не загулял ли?

Алексей молчал.

Стемнело. Долгушин сидел на скамеечке рядом с дорогой и прислушивался. Кудель позвал его ужинать.

— Ты не расстраивайся, Кузя человек слова, сказал, значит, сделает, никуда не денется... Некуда ему деться... — и Кудель засмеялся.

Алексей поднялся и пошел за комендантом в палатку. Только они сели за стол, как дверь распахнулась, и появился Кузяхин, взъерошенный, мокрый, с рюкзаком за плечами.

— Во! Я ж тебе говорил... — обрадовался Кудель. — Ты, Виталя, прямо легок на помине... Только о тебе говорили, а ты как явление Христа... Бац! И появился.

— А я думал, вы меня не ждете, не переживаете, — Кузяхин натянуто улыбнулся.

— Я не переживаю, чего мне переживать? Это вот Алексей извелся, волнуется, думает, что пропал ты... — и Кудель хитро толкнул в бок Долгушина: ну, что я говорил, пришел.

Кузяхин развязал рюкзак, выставил на стол несколько бутылок.

— Вот, гостинцы из города. Мотоцикл у меня, братцы, забарахлил, оставил в селе. Завтра повозиться придется... Ну что, давайте отметим успех мероприятия?

Комендант достал стаканы.

Виталий пока говорил, внимательно следил за выражением лица Долгушина. Заметил, что тот обрадовался его появлению,

но, видно, в присутствии коменданта о деньгах не хотел спрашивать.

Кудель привычно разлил вино по стаканам. Алексей выпил и сморщился. В бутылках была «бормотуха», которую он не переносил. Лучше бы не пил, подумал Долгушин, теперь дурно будет.

Алексею не терпелось спросить о деньгах, сколько получилось на каждого. Однако Кузяхин тараторил обо всем на свете, но денег не касался. Кудель посмеивался, слушал глупости, которые рассказывал Виталий, а Долгушин терпеливо ждал. Ему было нехорошо, слегка подташнивало.

Зато Куделю и Кузяхину было приятно. Алексею даже показалось, что сейчас приятели достанут карты и начнут свою игру, а он пойдет спать, чтобы не скучать рядом с ними...

Нет, это все ерунда, Виталий должен мне сказать, сколько он получил за траву, и отдать деньги, подумал Долгушин. Он даже не обратил внимания на то, что Кузяхин шепнул Куделю: все в порядке, должок вернул, положил на твою книжку, как просил, можешь завтра спуститься, проверить в кассе. Довольный комендант похлопал Виталия по плечу, потянулся к новой бутылке.

Алексей пить отказался.

Он сидел и чувствовал, как тупая боль давит виски. Когда Кудель потянулся за колодой карт, Долгушин не выдержал:

— Виталий, выйдем на минутку, дело есть...

Кузяхин нехотя поднялся, метнул тревожный взгляд на Алексея. Кудель ухмыльнулся.

Они вышли из комендантской палатки, остановились неподалеку.

— Ты получил деньги? — спросил Долгушин.

Голос у него стал жесткий и неприятный.

— Да, получил... — замялся Виталий. Ему было досадно, что Долгушин таким тоном разговаривает с ним, старым инструктором. Он полез в карман, достал из бумажника оставшиеся пятьдесят рублей. — Вот, бери...

— Сколько здесь? — Долгушин не мог разглядеть, что за деньги протягивал Кузяхин.

Виталий решил не тянуть с объяснением. Он откашлялся и неуверенно начал:

— Тут, Алексей, мало... Такое дело получилось... — Кузяхин волновался, он побаивался, что Долгушин не станет его слушать. — Ты за деньги не волнуйся... За мной не пропадет... Понимаешь, вчера с дружкой в ресторан заглянули, сняли там двух девиц, так они, стервы, от нас чухнули прямо с хаты, и конверт с деньгами прихватили, у меня в пиджаке лежал...

— Где мои деньги? — хрипло перебил Долгушин.

— Так вот, послушай... — Кузяхин старался говорить спокойно, хотя чувствовал, что может сорваться на крик, наорать на этого «салагу». — Тебе получилось двести пятьдесят, двести я должен, а пятьдесят держи.

— Я спрашиваю, где мои деньги? — настойчиво повторил Долгушин.

— Я же объясняю, потянули деньги, я тебе осенью отдам, ей-богу, хочешь, могу расписку написать...

Алексей ощутил, как поднялась в нем злая ненависть к человеку, стоящему напротив. Не осознавая себя, Долгушин ударил Кузяхина в лицо. А когда тот испуганно хекнул, он ударил еще и еще.

Подняться Кузяхину было тяжело. Когда он все-таки встал и огляделся, Долгушина рядом не было, исчез.

Кузяхин, побитый и оплеванный в лучших, как ему казалось, чувствах, невнятно выругался: скотина неблагодарная, за все мое добро меня же и бить... Да я задавлю тебя, дрянь этакая!

В разгоряченном, хмельном сознании металась ярость: надо отомстить Долгушину, сейчас же, не откладывая... Бить его без пощады, начнет сопротивляться — убить... Кузяхину стало страшно и приятно от этой мысли.

Он позабыл, что в палатке дожидается Кудель, бросился к пожарному щиту, схватил держак от лопаты — и метнулся в лес. Долгушин ушел только туда, к роднику. А если нет?.. Ка-

кая разница — куда? Он найдет его, чего бы ни стоило... В лесу сейчас светло, луна вышла.

Кузяхин бежал по тропе, возле родника остановился, прислушался. Шум воды, казалось, заглушал все звуки.

От родника он выскочил на дорогу, пробежал по ней, остановился. Показалось, где-то внизу, по склону балки, шуршат шаги. Похоже, там идет человек. Это Долгушин, кому еще шлаться?..

Кузяхин бросился вниз, уворачиваясь от стволов деревьев, взгребая ботинками старую листву, предвкушая, как он столкнется с противником.

Он снова остановился, прислушался. Затем перескочил через упавшее дерево, быстро пересек склон. Возле дна балки, почти спустившись, Кузяхин зацепился ногой за коряжку и, не удержавшись, полетел вниз...

Прошло несколько секунд, прежде чем Кузяхин очнулся и понял, что жив. Тупо саднило в голове, боль разрывала руку, нельзя было согнуть ее и пошевелить пальцами. Он повернулся на спину и ощутил на лице что-то влажное, липкое. Ладонью здоровой руки попытался вытереться и неожиданно понял — это кровь.

Он сразу и о Долгушине забыл, думал только об одном, о том, что чуть не погиб из-за нелепой случайности, опрометчивой злобы, но не погиб, а остался жив! Жив!

Он попытался встать и не смог: кружилась голова. Кузяхин ощутил, что его тошнит, еще сильнее заныла рука. Виталий не сдержался и закричал:

— Помогите!.. Эй, помогите!

Да, Кузяхин бежал по следам Долгушина. Алексей не слышал погони, он шел, и его трясло — была нервная дрожь, он не мог успокоиться. Ему показалось: останься он рядом с Кузяхиным, могло бы произойти что-то страшное...

Алексей не верил ни одному слову напарника. Он понимал, что Кузяхин врет, да, врет, другого слова и не придумает.

маешь. Куда он девал деньги, Алексей и не собирался выяснять. Он только понял, что не существует поездки в Ленинград...

И все это перечеркнул Кузяхин, этот серый, жадный, ограниченный человек — да и человек ли он?

Алексей дрался редко, ему было противно бить человека, а теперь он был противен самому себе за то, что поднял на это ничтожество руку.

Мысли сменяли одна другую, хорошего в них ничего не было. От них — таких вот — Алексею становись только хуже. Он уже искренне каялся, что ударил Кузяхина, что сам опустился до такой низости... Он пытался оправдать себя: ведь это Кузяхин вынудил его на такое, он все поломал в ближайшей жизни Долгушина.

Зеленоватой полосой отсвечивала лесная тропа. Меж ветвей пробиралась полная луна. Лес казался недобрым, угрюмым. Куда и зачем он идет, Долгушин не знал, лишь бы подальше от стоянки.

На мгновение он остановился. Показалось, кто-то крикнул неподалеку. Затем еще раз. Алексей вслушался, разобрал слово: помогите!

Кричал мужчина.

Странно, мелькнуло у Алексея, кого это носит ночью в лесу? Может, из туристов кто? А что могло случиться?..

Голос раздался еще несколько раз и стих.

Алексей прикинул направление и пошел, чутко вслушиваясь, ожидая крика и почему-то боясь его.

С трудом он различал, куда ступать, пожалел, что нет с собой фонаря. В одном месте, перелезая через каменный уступ, он достал коробок спичек и подсветил себе.

Пламя на короткий миг выхватило поваленное дерево, россыпь камней, а на них... Алексею стало не и себе. Там темнела фигура человека. Он, слегка постанывая, шевелился. Спичка погасла.

— Кто здесь? — громко спросил лежавший.

Долгушин остановился как вкопанный. Звучал голос Кузяхина. Что с ним, зачем в лесу?

— Да помогите же? Что вы стоите? — голос Кузяхина звучал требовательно, но беспомощно.

Как он попал сюда? Ведь оставался на стоянке? Неужели искал меня? Зачем?

Первым желанием Алексея было оставить, уйти от Кузяхина: пусть подышает, зачем жить такому подонку? Долгушин даже ступил назад, но тут почему-то подумал: а вдруг это он так изувечил Кузяхина, а тот в горячке бежал за ним, пока не упал? Что теперь делать? Оставить эту мразь в лесу или вытащить, довести до стоянки?

Встревоженный молчанием Долгушина, Кузяхин тихо, с испугом спросил:

— Да кто это?

Он не мог разглядеть в темноте Алексея. Долгушин сделал несколько шагов вниз, к лежавшему, нехотя, через силу, произнес:

— Что, меня искал? Мало было? Теперь доволен?

Он заметил, как Кузяхин дернулся, видно, что-то искал, похоже, камень.

— Сволочь!.. Из-за тебя все, скотина! Ну погоди, ты еще получишь, салага!.. Я тебе припомню!

— Успокойся, дурак! — обрезал его Долгушин. — Я лежащих не бью... А припоминать себе будешь.

И Долгушин зажег спичку. Пламя выхватило лицо Кузяхина. Алексей заметил, что оно залито кровью. Непонятное чувство шевельнулось в нем, он разом позабыл, что перед ним враг.

— Придурок... Голову себе расколотил... — растерянно произнес Алексей. — Теперь в больницу с тобой тащиться...

— Пошел ты... Без больницы обойдусь, сам выберусь!

Злой и недовольный Кузяхин попытался встать, но застоял и упал снова на камни. Долгушин подошел ближе.

— Так, закрой рот и молчи... Я тебя выведу к стоянке, а там пусть тебя Кудель спасает... Давай руку!

— Не надо... — пытался противиться Кузяхин.

— Помереть хочешь? — усмехнулся Алексей. Теперь ему было жаль Кузяхина, но за усмешкой он пытался скрыть это. — Успеешь помереть... Поднимайся!

И Кузяхин, который час назад собирался убивать своего напарника, молча послушался, постанывая, приподнялся, оперся на плечо Долгушина, а тот, придерживая его за пояс, осторожно стал подниматься по склону балки.

Кузяхину было стыдно и больно. Чувствуя жуткую слабость, он старался не думать о том, что ему сейчас помогает Долгушин. Человек, которого он обманул и который избил его за это, унижил. А теперь снова унижает его, помогает выбраться из балки.

Склон закончился, вышли на поляну перед родником. Лес расступился, при свете луны стала видна дорога. Слышна была журчащая вода.

— Ладно, здесь я сам, — буркнул Кузяхин и отпустил плечо Алексея.

Несколько секунд он стоял молча, не двигаясь, словно не решаясь сказать.

— Значит, так... — невнятно произнес Виталий. — Денег у меня нет, это правда... А осенью я тебе все верну, понял?

И, отвернувшись, побрел к стоянке. Алексей остался один.

Он постоял немного и вернулся обратно, к лесной тропе. Лес уже не казался таким угрюмым. Алексей свернул с тропы, стал взбираться по склону. В одном месте он остановился, обратил внимание на слабый розовый свет, что растекался с небольшого взгорка. Сначала Алексей подумал, что это светятся гнилушки, но, сделав несколько шагов, замер — светом исходило небольшое растение, кустик с метелочкой наверху.

Долгушину показалось, что это мираж, видение, он даже рукой перед глазами помахал. Растеньице по-прежнему источало свет, оно было рядом, в нескольких метрах.

А вдруг это она, та самая трава, о которой рассказывала бабка Кузяхина. Только зачем он ее увидел? Что теперь делать? Может, подойти и сорвать?

Значит, она есть — разрыв-трава. И, выходит, вовсе не обязательно пить ее отвар, достаточно только подумать о ней, как она подействует. Вот их с Кузяхиным, словно врагов, в разные стороны развела...

Нет, скорее отсюда прочь! Он не сорвет ее, да он и глядеть на нее больше не станет. Прочь, прочь отсюда!

Зачем, зачем она ему открылась эта недобрая трава? Почему именно ему показалась?

Долгушин уходил, не оглядываясь, обещая, что никогда и никому не расскажет о том, что видел в лесу,

А с девушкой из Ленинграда он так и не встретился.

КОЕ-ЧТО О ХОЛОДЕ

Генка Щекалин по специальности каменщик-монтажник высокого разряда. Такие люди на каждом строительстве требуются. Только вот одна слабость у парня — холода не переносит. Генка объясняет так; мол, у нас в Крыму зимой до двадцати градусов тепла дотягивает, хотите — верьте, хотите — нет. Если мороз и случается, то по ночам. И то — день-два и не более. Теплынь стоит, сырость, туман...

Ребята Генку слушают и смеются, небось, там у вас в Крыму апельсины с бананами растут? А ты, Щекач, в январе в море купаешься и на пляже загорает?

Ребята по-доброму смеются. Они мужики хорошие, хотя и разные — со всего Союза в бригаду подобрались. Заключили договоры, приехали в Москву строить олимпийские объекты. Кто с надеждой в столице потом остаться, кто денег заработать, а кто и сам не знает, зачем приехал.

Генка Щекалин тоже из тех, кто по своей охоте «неизвестно зачем» приехал. Конечно, и о деньжатах мысли были, и большой город посмотреть хотелось — одним словом, разные мысли.

Жил Щекалин в общежитии. Изредка, раз в месяц, приходили к нему письма — писали мать и сестра. Они жили в степном селе. Мать за Генку особенно волновалась, он был единственный мужчина в семье. Отец семь лет назад умер.

Генка на письма отвечать не любил. Не умел он их писать. Сидит, бывало, голову над листом бумаги свесит, губами шевелит: «Здравствуйте, мама и сестрица! Привет вам из Москвы...»

А дальше дело не идет. Мучается он, мучается и начинает про погоду писать — какие здесь, в Москве, жуткие морозы, с крымскими не сравнить. «Спасибо тебе, маманька, за свитер, я поверх его ватник надеваю, и мне не холодно... У вас, поди, сейчас тепло и печку дома топить не надо...»

Затем он быстро дописывал приветы всем родственникам и знакомым и в конце письма спрашивал: не надо ли чего, хоть и знал, что мать ничего просить не станет — не любит этого.

Так вот, это в феврале было. В столице тогда морозы отменные стояли, за нос и уши так хватало — жуть одна! Как-то потру шел Генка с ребятами мимо вахты общежития, на работу.

— Щекалин, погоду минутку! — окликнул его вахтер дядя Сеня.

— Чего? — недовольно остановился Генка.

— Тебе вот... Телеграмма... — вахтер протянул бланк, а сам спрятал глаза, отвернулся.

Сердце у Щекалина екнуло. Он в первую минуту ничего не подумал, просто смутно стало — телеграмм никогда и ни от кого он не получал.

— Я счас! — крикнул Генка товарищу, высокорослому Васе Коновалову. Тот стоял возле двери, ожидая.

— Чо, на свадьбу приглашают? — спросил Вася, кивнув на бланк, который Генка зажал в руке — ладонь его будто заклинило.

Все-таки Щекалин развернул телеграмму и прочитал: «Гена мама заболела сердцем положили больницу сказали плохо скорей приезжай Люся».

— Ты идешь или нет? — раздраженно спросил приятель.

Генка молчал. В нем словно что-то застыло, и показалось: вокруг никого нет, только тихо как-то. Затем резко хлопнула дверь, и звонкий женский голос сказал:

— Доброе утро, Семен Ильич! — это пришла кастелянша Лена.

Щекалин подумал, что стоит возле вахты очень долго — на самом деле все происходило быстро. Генка еще раз прочитал текст телеграммы и, как невменяемый, вышел следом за Коноваловым, не заметив приветствия и улыбки кастелянши — и ее недоуменного взгляда в спину.

— Ты че, Гена? — испуганно спросил Василий, догадавшись, что что-то случилось.

Щекалин остановился.

— Понимаешь... Это... Маманя заболела... Вот, телеграмма... Это... Мне ехать надо...

— Да-а, дела... — соболезнующе протянул Коновалов, прочитав телеграмму.

Он растерянно крутил ее в руке, не зная как быть и что посоветовать.

— Так ты того... Если так — поезжай, — сказал Василий, не зная, что еще говорят в подобных случаях.

— Так я поеду... Самолетом... А кто ж меня отпустит? — хлопая глазами, спросил Генка.

— Как кто? Прораб отпустит... Предупредишь бригадира и полетишь... У тебя ж вот, — и Коновалов вернул ему телеграмму.

Щекалин взял бланк и как-то рассеянно, будто во сне, сунул его в карман куртки; просто сунул в карман — и все.

— Ну что? Поехали? — подтолкнул его Василий. — Да ты не волнуйся, все обойдется... Выздоровеет мать, вот увидишь, ты приедешь, а она уже дома сидит.

Друзья втиснулись в подошедший троллейбус, который по-вез их к ближайшей станции метро — на кольцевую линию.

Переодеваться Генка не пошел — около бытовки он вяло пожал Коновалову руку и направился искать прораба Григория Борисовича, по прозвищу Гэбэ.

Гэбэ сидел в конторке за потертым столом и водил карандашом в табеле нарядов — конец месяца, и надо прикинуть, что еще можно успеть сделать.

— Здравствуйте... — произнес Щекалин, остановившись в дверях.

— Здоров, коли не шутишь, — бодро ответил Гэбэ.

— Я к вам по этому... По делу... — замялся Генка, тиская в руках шапку.

— А без дела ко мне и ходить нечего, — так же бодро ответил прораб, озабоченно почесывая затылок.

Затем он полез в ящик стола, достал пачку папирос и закурил.

— Чего стоишь, проходи, — нетерпеливо бросил Гэбэ, досадуя, что его отрывают. — Какое дело-то?

Щекалин стянул перчатки и полез в карман куртки — ладонь ощутила холод и пустоту. Генка привычно полез в другой — подумал, что перепутал, — и там то же самое. Телеграммы не было.

— Чего моргаешь-то? Зачем пришел? — уже требовательно спросил прораб.

Когда он разговаривал, лицо его морщилось и сжималось.

Телеграммы не было — и это было страшно. Куда она подевалась, Щекалин и предположить не мог, ведь он сам ее в карман куртки положил, карман глубокий, захочешь — не вытащишь.

«А что если я ее мимо кармана сунул? — испуганно мелькнуло у Генки. — И она сейчас там, у общаги валяется... Может, подобрал кто?... А чего этому говорить?»

— Понимаете... — начал Щекалин. — Такое дело... У меня мать заболела. Сегодня утром телеграмма пришла, у нее сердце, понимаете... Мне хотя бы три дня... Ну, это...

— Ладно, не нукай, давай телеграмму, — прервал его объяснения прораб и протянул руку.

— Я это... Потерял ее... Возле общаги вышли, а я ее мимо кармана сунул... — и Генка покраснел, ему стало стыдно, словно он обманывает прораба, а тот не верит.

— Нда-а... А ты случайно не с похмелья? — спросил Гэбэ, и его прищуренные глаза замерли на ЩекаLINE.

— Не-е... Я не пью... То есть, вчера не пил... — начал оправдываться растерявшийся Генка.

— А как же тебя понять? Приходишь ко мне, говоришь — мать заболела, телеграмма пришла, а сам мимо кармана сунул... Коли б не с похмелья, мимо не сунул.

— Да, ей-богу, была телеграмма... Вы на вахту, в общагу, позвоните... — голос у Генки сорвался, и он засипел.

— Слушай, парень... как тебя?... — прораб приподнялся над столом, стряхнул в корзину пепел.

— ЩекаLINE... Геннадий.

— Так вот, Геннадий, ты зачем в Москву приехал? Работать или отгулы себе устраивать? Ты понимаешь, что сейчас конец месяца, у нас объект горит, каждый человек дорог, ты понимаешь?

— Понимаю... — придавленно произнес ЩекаLINE.

Он неожиданно ощутил себя очень маленьким, а Гэбэ, большой и высокий, словно вырос над ним.

— А если понимаешь, иди и работай... Нечего ерунду выдумывать, постыдился бы... Мать заболела... Да разве такими вещами шутят? Совесть надо иметь.

Довольный, что вопрос исчерпан, прораб опустил голову в табель нарядов и позабыл о ЩекаLINE.

Генка вышел. Он рассеянно шел по коридору опустошенного двухэтажного особняка и чувствовал, как свободно разгуливал по этажу холодный ветер.

«Вот сволочь! — подумал Генка о прорабе. — Я ж ему правду сказал... Да разве такой поверит? У него объект горит... Что-бы ты сам сгорел!»

Как Щекалин ни ругался — теплее не становилось. Надо было что-то думать. И тут Генка вспомнил, что месяц назад был на больничном — продуло его на верхотуре. Бригадир в поликлинику послал, дали ему тогда три дня и в больничном листе написали — ОРЗ.

«Может, у меня и сейчас это ОРЗ?» — подумал Генка и попробовал кашлянуть. Кашля не получилось, зато он ощутил, что першит в горле. А что, если попробовать? Кашель он изобразит, а вот как с температурой быть? А вдруг и температура есть?

Щекалин потрогал лоб — он показался ему горячим. Точно, есть температура. Стало как-то полегче.

До поликлиники, что обслуживала их общежитие, пришлось добираться около часа. Старое, приземистое здание стиснули новые двенадцатизэтажные дома.

Возле регистратуры толпился народ — по всему коридору поликлиники разносилось монотонное жужжание. Генка стал в очередь и терпеливо дождался, пока приблизится к окошку.

— Мне к терапевту, — попросил он.

— После обеда...

— А раньше — никак?

— Если есть температура, без очереди...

— Да, есть, — обрадовался Щекалин.

— В десятый кабинет. Измерите температуру — подойдете на запись. Следующий!

В десятом кабинете сидела медсестра с крупным угреватым лицом.

— Садитесь, — заученно произнесла она, несколько раз встряхнула и протянула Гене градусник. — Фамилия, адрес, где работаете?

Генка назвал. Градусник был холодный, и ему показалось, что медсестра специально такой дала — такой и не нагреется. Вот если бы его потереть, чем-нибудь шерстяным... Щекалин вспомнил, что однажды, когда служил в стройбате, пришел в санчасть, взял у фельдшера градусник, тот куда-то вышел, а

Генка потер градусник о шинель, так сразу за сорок подскокило. Пришлось обратно стряхивать, а то бы фельдшер не поверил... А у этой, угрястой, попробуй натри — и не выходит никуда, уставилась в книгу, тоже мне, грамотная... И кому ты нужна такая?

— Давайте градусник, — медсестра протянула руку. Генка хотел было сам взглянуть — сколько? — но постеснялся.

— Температура нормальная... Тридцать шесть и семь, — и медсестра записала данные в журнал.

Щекалин всколыхнулся.

— Не-е, девушка, мне не нужно нормально... Лучше ненормально, хоть тридцать семь с мелочью сделайте...

— Как это — сделайте? — медсестра удивленно приподняла глаза. Генка смутился.

— Ну, это... Надо чем-нибудь шерстяным потереть, он и подскочит.

— Что потереть? — не понимая, спросила девушка.

— Ну, этот... градусник... — и Щекалин, засмутившись, начал неловко ломать свои толстые, будто расплющенные, пальцы.

— Вы что, хотите, чтобы меня с работы выгнали? — серьезно спросила медсестра.

— Нет, не хочу, — Генка наклонил голову набок и понял: все бесполезно, не согласится угрястенская «набивать» температуру. Значит, больничного листа он не получит, как ни упрашивай. — Понимаете, у меня мать заболела, мне уехать надо, а прораб не отпускает... Конец месяца, объект горит, понимаете?

«Зачем я это говорю? — подумал Щекалин. — Какая ей разница? Разве этим ее проймешь? Еще подумает, что я выдумываю...»

Девушка сочувственно посмотрела на него — и ему показалось, в ее глазах мелькнула теплая искра.

— Знаете, — сказала медсестра, — я, в общем, не имею права так делать... Запишитесь к невропатологу, и когда он будет вас спрашивать, скажите, что подняли тяжелое, а после этого

появилась боль в позвоночнике... Скажите, что иногда она исчезает, затем появляется... Только не говорите, что я посоветовала.

— Не скажу, спасибо! — радостно выпалил Генка и, забыв даже сказать «до свиданья», выскочил в коридор.

Очередь возле регистратуры не убавилась.

Невропатолог, дородная женщина с причудливой прической, сидела за столом и что-то писала. Рядом, за другим столом, сидела худенькая женщина, она перебирала карточки и, заметив вошедшего Щекалина, спросила фамилию. Затем переспросила у той, которая с прической:

— Роза Михайловна, а что Крючкову записать?

«Ишь ты, — подумал Генка, — Роза... Тут не роза, а целая клумба... Как только она в кресле помещается?»

— Что беспокоит? — хриловато спросила эта самая Роза Михайловна, и Генка заметил, как блеснули у нее две золотые «фиксы».

— Это... Я вчера ведро поднял с раствором, я на стройке работаю, каменщиком, так вот, я ведро поднял...

— Что болит? — безучастно повторила врач, изучая карточку Щекалина.

— Боль какая-то в спине... Разом появляется, а затем нет...

— Раздевайтесь, — бросила Роза Михайловна и, когда он разделся до пояса, приказала: — Наклонитесь... та-ак, болит?

— Не-е... Счас как-то не болит.

— Подойдите ко мне. Повернитесь.

Генка подошел, повернулся, ощутил, как неприятные холодные пальцы выстукивают его по позвоночнику.

— Где была боль? Здесь?

— Да, там... — неуверенно произнес Генка. — Не знаю, когда шел, болело, а сейчас вроде нет.

— Ладно, одевайтесь, — и врачиха сказала медсестре какое-то мудреное название. Щекалин не разобрал, но ему стало хорошо — он понял, что болезнь его признали и сейчас дадут больничный лист.

Роза Михайловна подняла на него глаза и, смешно кривя губами, сухо произнесла:

— Ничего страшного... Несколько дней тяжести не поднимать. Будете ходить на прогревание, направление сейчас выпишут... Можете после работы. Мы вам даем справку на легкий труд.

— Да где ж у нас легкий труд? — упавшим голосом спросил Генка.

— Это пусть ваше начальство решает. С таким диагнозом мы больничных листов не выдаем...

— А что вы вообще даете? — неожиданно прорвалось у Щекалина; он понял, что все безнадежно, и нехорошая, жгучая злость охватила его.

Врачиху словно передернуло.

— Молодой человек, кто вам позволил грубить? — голос у Розы Михайловны стал жестким и властным. — Выйдите отсюда! Научитесь прежде вести себя, хам!..

«Сука ты, роза-мимоза! — выругался про себя Генка и в сердцах хлопнул дверью. — Пошли вы все к чертовой бабушке! У меня мать болеет, а я перед всякой сволочью унижаюсь, три дня выпрашиваю... Да чихать я хотел, пусть прогулы записывают, пусть выгоняют... Я без вашей стройки проживу, сто лет я ее видел...»

Щекалин ругался и чувствовал, как гнетущий груз постепенно освобождает его, и, когда решил, что теперь ему все равно, то поехал в общежитие. На это ушел еще час.

В комнате он открыл тумбочку, достал паспорт и мыльницу, придавленную кипой старых газет, — в ней Щекалин хранил наличные деньги. Остальные, что Генка получал, он клал на сберкнижку, еще часть отсылал домой. Переодеваясь Щекалин не стал, только захватил небольшой чемодан, подумал, что, если где апельсины увидит, обязательно для матери купит.

Апельсины продавались у станции метро «Новослободская». Генка взглянул на часы — дело приближалось к сумер-

кам. В столице сумерки наступают рано, уже в четыре часа над городом повисает сизый туман.

Очередь за апельсинами двигалась медленно — продавщица была одна, она возилась с ящиками, спорила с покупателями, доказывая, что апельсин вовсе не гнилой, просто в этом месте шкурочка чуть помягче — а так они все такие.

Генку возмутило, что на таком холоде, на морозе, они еще и спорят. И не сдержавшись, громко сказал:

— Граждане, давайте там побыстреей!.. Дома будете разглядывать — годится или нет.

Очередь недовольно зашевелилась, и спорившая с продавщицей женщина брезгливо произнесла:

— Житья просто нет... Понаедут всякие гэкалы — и ничего спокойно купить нельзя.

Щекалину стало неприятно, захотелось обозвать эту накрашенную куклу каким-нибудь неприличным словом. Но очередь продолжала шипеть — и он ничего не сказал. Поежил-ся и стал ждать.

В чемодан уместилось восемь килограммов — крышка закрылась плотно.

До станции метро «Юго-Западная» Щекалин добрался минут через сорок. Выйдя на воздух, спросил: как проехать в аэропорт «Внуково»? Какая-то женщина, не успев ответить толком, побежала за остановившимся такси. Генка снова поинтересовался, теперь у майора. Военный неопределенно пожал плечами, ответил, что где-то здесь ходит в аэропорт автобус-экспресс, только он не знает, где его остановка.

Щекалину было холодно стоять, начали замерзать ноги. И тут он заметил черную «Волгу» с зеленым огонечком — поднял руку. Машина притормозила.

— Куда? — высунулось мясистое лицо водителя.

— Во Внуково надо, срочно...

— Что я буду иметь? — равнодушно спросило лицо.

— А что надо? — наивно переспросил Генка.

— Пятерку сверху кладешь?

— Кладу... — растерянно бросил Генка и подумал: смотри, какой добренький, за пятерку и дверцу сам открывает... Вот жучило, это ж сколько он в день захаптурить может? Ладно, подавись ты этой пятеркой, лишь бы в аэропорт на самолет успеть.

Расписания вылета самолетов Щекалин не знал. Он помнил, что вечером есть рейс на Симферополь, но боялся, что его могли отменить, расписание он смотрел еще летом.

В аэропорт ехали долго. Генка еще подумал, что за это время можно было бы до Крыма долететь.

Когда «Волга» вкатила на площадь перед аэровокзалом, Генка молча взглянул на счетчик, добавил «пятерку сверху» и сунул деньги в ладонь водителя. Затем подхватил чемодан и устремился к стеклянным дверям.

Гам, толчея, яркий свет несколько ошеломили его. Где тут искать кассы? И неожиданно он услышал объявление по радио:

— Начинается регистрация билетов на рейс Москва — Симферополь.

Диктор назвала еще какой-то номер, но Щекалин его не запомнил — громко и отрывисто заколотило сердце... Тот самый рейс! Надо срочно искать кассы... Если все делать быстро, то можно успеть... Надо успеть!

Генка побежал наперерез идущим пассажирам. Толкаясь, сбивая кого-то, он выскочил к дверям с номерами, где стояли длинные цепочки людей. Это были пропускники — места, где у пассажиров проверяли билеты и багаж и запускали в накопители, откуда вели на посадку.

— Скажите, — обратился он взволнованно к пожилой женщине в синей форме, — а где здесь эта... Посадка на Симферополь?

Женщина указала на дверь, от которой тянулась длинная очередь пассажиров — все они улетали в Крым.

Щекалин протиснулся к самым дверям — там стояла женщина в темном пальто, молодая и симпатичная, а рядом с ней мужчина, который ставил чемоданы пассажиров на стол.

— Женщина! — закричал Гена. — Гражданочка! Где можно купить билеты на Симферополь?

И он просунул голову в дверь, чтобы его видели.

— Потише там! — громко отозвалась женщина в пальто. Она проверяла билеты и удивленно обернулась на голос Щекалина. — Билетов вы уже не возьмете, через десять минут заканчивается посадка.

— Да я успею, где только? — Генка кричал, не стесняясь, не обращая внимания на веселое оживление в очереди.

Женщина еще раз обернулась:

— Я же сказала, не кричите!.. Касса в соседнем зале, но билет вам никто не продаст, регистрация заканчивается.

Генка, не дослушав ее, сорвался с места. Он выскочил в соседний зал и увидел окошечки касс — к каждой из них тянулся хвост очереди. Сердце у Щекалина упало — он понял, что если становиться в очередь, то он уже точно никуда не улетит.

Не осознавая, что на него нашло, отодвигая стоявших людей, Генка полез к окошку.

— Не толкайтесь, аккуратней...

— Молодой человек, вы куда?

— А где ваша очередь?

— Послушайте, остановите его!..

И началось. Такое началось, хоть уши закрывай. Но Щекалин успел пробиться к окошку и, когда отошел пассажир, взявший билет, сунул в него голову и громко спросил:

— Девушка! У меня самолет в Симферополь, можно один билет? Миленькая, только один билет...

Кассирша смотрела на него молча, холодными глазами. Когда Щекалин выдохнул последнюю фразу, казенно ответила:

— Билет я вам не продам... Во-первых, вы без очереди, люди возмущаются, во-вторых, регистрация уже закончилась... Вы никак не успеете.

— Миленькая, успею, вот, ей-богу, успею!.. — чуть ли не заголосил Генка и обернулся к очереди. — Товарищи! Граждане!

У меня мать заболела... Мне в Симферополь надо... Поймите, мне телеграмма пришла.

Женщина в очках, стоявшая сбоку, серьезно произнесла:

— С телеграммой положено без очереди.

— Да нет у меня телеграммы! — чуть ли не вскрикнул Щекалин. — Нет!.. Потерял я ее! Честное слово, потерял!.. Поверьте мне, я вас не обманываю.

В очереди кто-то засмеялся.

— Знаем мы таких! — громко возмутился один из стоявших мужчин. — Всем лететь надо, у всех мать заболела, становись в очередь, как все, и бери билет!

— Да ей-богу! Я не вру!.. Девушка, милая, ну дайте мне билет... Ведь улетит же самолет... Мне к матери...

Возле окошка стоял грузный мужчина в фетровой шляпе и с черными, аккуратно подстриженными усами. Он недовольно поглядывал на Генку, затем не выдержал и похлопал его по плечу:

— Дарагой, зачэм шумыш? Нада былэт, бэры! Нэ нада шумэт... Давай былэт! — требовательно сказал он кассирше.

— Да не успеет он, посадка закончилась... — повторила девушка.

— Успею! Я бегом! — Генка радостно сунул в окошко паспорт и деньги. — Спасибо, товарищ! — обернулся он к черноусому.

Очередь продолжала волноваться, недовольные роптали.

— Нэ нада спасыба — чэловэк чэловэку памагат нужна!..

Кассирша, кисло сморщившись, выписывала билет. Протянув его Щекалину, заявила:

— Если не посадят, я здесь ни при чем... Будете сами переформлять на утро.

Но Генка не слышал ее, он уже мчался к дверям, где несколько минут назад пропускали на посадку. В одной руке у него был билет, другую оттягивал чемодан.

Двери пропусканика были закрыты. Щекалин растеряно притормозил и стал долбонить в них кулаками.

— Пустите!.. Пустите, я опоздал!

Дверь открылась, показалась та самая женщина в пальто.

— В чем дело? Что вы хулиганите, молодой человек?

— У меня билет, вот... На Симферополь.

— Ну и что? Посадка закончилась, куда я вас пущу?

— Как... закончилась? — отказываясь верить, спросил Генка.

— Обыкновенно, закончилась — и все. Я вас предупреждала... Интересно, кто вам билет продал?

— Женщина, миленькая, пустите! — Щекалин уже не просил, он умолял, не слыша своего голоса. — Мне в Симферополь... Там у меня мать, она в больнице, ей очень плохо, понимаете?... Женщина, родненькая, пустите!

— Да автобус ушел, куда же я вас?

— Я бегом... Догоню... Я быстро.

— Молодой человек, я же вам русским языком объясняю, посадка закончилась, полетите завтра утром...

Откуда-то из-за перегородки появился капитан милиции, высокий и худощавый, в серой шинели.

— Что за шум? Что случилось?

— Да вот, Володя, разберись... Требуется, чтобы я его на посадку пустила, готов за самолетом бежать.

— Тэ-эк, гражданин, освободите, пожалуйста, помещение... Здесь люди работают, вы мешаете.

— Товарищ капитан, у меня мать в больнице, мне в Симферополь надо, у меня билет...

Щекалин ощутил, как загорчило в горле, и он неожиданно заплакал. Генка плакал навзрыд, не стесняясь, пытаясь что-то говорить, размазывал по лицу слезы, просил, умолял... От стоявших вокруг Щекалина людей веяло таким страшным холодом, что его до самых костей пробирал мороз. Он видел застывшие, недоуменные глаза женщины, капитана, который выглянул в двери и кого-то позвал...

Появился еще один милиционер — молодой сержант.

— Витюша, — сказал капитан, — забери-ка этого парня с собой, кабы чего он тут не вытворил с горя... Да и документы заодно проверь.

— Пошли, — сержант подтолкнул Генку, и тот послушно поплелся рядом, волоча чемодан и ни на что больше не надеясь.

Он уже не плакал — какое-то равнодушие появилось в его душе — и уже пустыми белыми глазами смотрел на окружающих людей.

Они прошли в пункт милиции, и сержант, показав на скамью, приказал:

— Садись!

Щекалин послушно сел. Сержант поднялся и, подойдя, спросил:

— Что у тебя в чемодане?

Генка молча открыл его, пара апельсинов выскочила и покатились по полу.

— Никак торговать едешь? — улыбнулся сержант.

На столе затрезвонил телефон. Сержант поднял трубку и стал что-то кому-то объяснять.

Щекалин сидел, словно замороженный. Он даже не шевелился.

В комнату вошла пожилая женщина в халате — в руках у нее были ведро и швабра. Она пришла убирать. Неторопливо протерла под ногами у сержанта, подошла к Генке.

— Что, сынок, замерз? Ничего, сиди-сиди, отогреешься... Здесь-то тепло, а на улице, знаешь, как морозит?

...В Симферополь Щекалин прилетел утром следующего дня. В районную больницу он попал к обеду. Заведующий успокоил его, сказал, что худшее позади, и, посмотрев на помятое лицо Генки, посоветовал ему поспать. А к матери прийти завтра, сегодня ее волновать не стоит.

Щекалин молча выслушал его, согласно кивнул головой. Ничего больше не спросил. Вышел из кабинета и побрел по

больничному коридору. Возле столика дежурной медсестры он остановился, открыл чемодан и достал несколько апельсинов, положил их перед растерявшейся веснушчатой девушкой.

— Это мне? — спросила она.

— Вам, — произнес Щекалин и, не оглядываясь, быстро пошел на выход.

Он уже знал, что мать его никогда не умрет, и она обязательно еще погуляет на Генкиной свадьбе, хотя бы с вот этой веснушчатой девчонкой.

ПАРЕНЬ ИЗ ДОЛИНЫ МХОВ

Об этом парне потом говорили разное, но известно было только одно — что он из Долины мхов, с той стороны яйлы.

Кое-кто из инструкторов утверждал, что раньше видел его пастухом в предгорье, другие говорили, что парень бродяжничал на побережье, мол, встречались с ним в Солнечном.

Все это были инструкторские толки, которые Валера внимательно слушал и невозмутимо молчал.

Всякий раз, когда речь заходила о парне, он менялся в лице и пытался перевести разговор на другую тему. Ему, тридцатилетнему мужчине, было неприятно всякое упоминание о последних днях августа на туристской стоянке.

Он работал тогда комендантом стоянки и хорошо помнит, как появился этот парень.

После обеда пролился дождь, звонкий и по-летнему быстрый. Ветер нагнал с яйлы темные тучи, они опрокинули на склоны влагу, и вскоре их снова затянуло в горы.

Валера лежал в комендантской палатке, небольшой временке, сооруженной из досок и брезента, и лениво читал книгу. Заниматься было нечем, и в последние дни его одолевала скука.

Настойчивый стук у входа в палатку раздался неожиданно.

В первую минуту Валера подумал: опять пришли из туристской группы жаловаться на протекающие палатки. Вчера уже прибегали, плакались. А чем он может помочь, если турбаза выдала такие палатки, а новых палаток на складе нет, появятся только на следующий сезон.

Стук повторился, и Валера догадался: это не туристы, они так не стучат. Они стучат тише и не так настырно. Похоже, это кто-то из знакомых.

— Там открыто! Входите! — отозвался комендант.

Вход распахнулся, и в проеме показался парень в плащ-накидке; высокий, худощавый, даже в сумрачном свете выделялись резкие черты лица.

— До ущелья далеко? — глухо спросил незнакомец.

Валера отложил книгу, поднялся с кровати. Он с любопытством разглядывал вошедшего путника.

С откинутого капюшона тонкими струйками стекала вода. Глубокие морщины возле носа и на лбу придавали лицу выражение натянутости и ожидания. Интересно, откуда его занесло в такую погоду на стоянку? Видно, что издалека идет. Может, из поселка? Или от пастухов, с яйлы?

— Ущелье?... Нет, недалеко. Пойдешь от стоянки по дороге и увидишь родник. От него тропинка наверх. Прямо по ней и никуда не сворачивай. Она прямо в ущелье выводит.

— Спасибо, — отрывисто бросил парень и собрался было выйти.

— Эй, послушай! — окликнул его Валера. — Куда ты в такую погоду? Пережди немного... Обсохни чуть, отдохни. Хочешь, перекуси со мной?

Глаза незнакомца при упоминании о еде странно забежали, и комендант догадался, что он голоден. Только признаться, видно, стесняется.

Валера достал из шкафчика котелок с холодным супом, отрезал кусок хлеба, выложил все это на стол и придвинул парню.

— Рубай, только суп остывший, долго разогревать.

Парень молча присел к столу, ухватил ложку и, опустив голову как можно ниже, стал хлебать из котелка.

Затем, словно что-то вспомнив, тихо спросил:

— А ты не будешь?

— Да я только перекусил, ешь, не обращай внимания.

И, чтобы не смущать парня, Валера вышел из палатки.

Дождь закончился. Было видно, как с листья старой груши срываются последние капли. Они падали на деревянный настил, укрытый полиэтиленом. Капли звонко хлопали по нему, и казалось — кто-то выстукивает пальцами дробь.

— Как тебя зовут? — спросил Валера парня, когда тот выглянул из палатки.

Незнакомец неизвестно почему замялся; похоже, произносить свое имя ему не хотелось. А может, он и не привык, чтобы его называли по имени.

— Степан... — нехотя выдавил парень.

— А идешь откуда?

И опять пауза, будто сказать лишнее слово — в опаску; не часто, видно, ему приходится объяснять, что он делает в горах. Или скрывает что-то?

— Я на перевале был, грибы собирал.

— И что, есть? — оживился Валера.

Парень толкнул ногой мокрый рюкзак, лежавший у входа, и неторопливо развязал его. Перед комендантом появились два белых горных гриба, большие, чуть ли не с человеческую голову.

— Ишь ты! Вымахали... — восхищенно протянул Валера.

— Возьми, если хочешь... — предложил Степан.

Валера слегка растерялся; грибы, если честно, он любил, но собирать их ему всегда казалось делом надоедливым, скучным: ходи по лесу и тыкайся под каждый пенек.

Даренные грибы, да еще такие красавцы, вызвали необъяснимую симпатию к парню. Валере не хотелось оставаться в долгу, только он не знал, что предложить Степану.

— Слушай, а зачем тебе в ущелье?

Парень ничего не ответил. Глаза его вновь забегали, кажется, еще тревожней, словно Степан боялся, что из него могут вытащить какую-то тайну. Он даже как-то пригнулся, словно пытаясь спрятаться в себя, уйти от вопроса.

— Знаешь, Степан, оставайся у меня. Если тебе спешить некуда, погости денька два... Сегодня вечером грибочки поджарим, к ним еще кой-чего найдется... Оставайся... Переночевать есть где, вон палатка пустая стоит.

По лицу Степана было видно, что в его сознании происходит странная, загадочная работа, видно, ему было нелегко решить: оставаться или нет?

Валера обнадеживающе подмигнул Степану:

— Ну, как? Уговорил?

Парень приподнял голову и первый раз открыто поглядел на хозяина стоянки. Коменданту показалось, что в маленьких черных глазках скользнула усмешка.

— Если просишь, останусь...

— Вот и отлично! Располагайся, снимай плащ, пусть подсохнет... А пока я делом займусь, ты отдыхай.

Валера захватил рюкзак гостя и направился к кухне, оставив парня одного, возле груши.

Дождь в окрестностях стоянки прекратился. На близлежащих склонах радостно улыбалась умытая зелень. Небо очистилось, и в бирюзовые окна полился вечерний свет. Темные ключья дождевых облаков медленно уползали на яйлу.

Мир был чист и радостен, и потому Валера ощутил, что настроение его заметно улучшилось; незнакомый парень не казался уже таким мрачным, как поначалу, белые грибы ви-

делись коменданту шипящими на сковороде, а последние дни пребывания на стоянке уже не представлялись такими скучными и однообразными...

Валера еще подумал: если Степан задержится подольше, можно будет оставить его вместо себя, а самому на пару дней смотаться в Светлокаменск, навестить родителей, к Леночке в гости заглянуть...

Замкнутый и неразговорчивый парень, так неожиданно появившийся на стоянке, неизвестно почему вызвал у него доверие. Хотя Валера был из числа людей постоянно сомневающих, Степан его чем-то подкупил. Простотой ли? Естественностью?..

Комендант еще раз взглянул на гостя, который стеснялся подойти к кухне — там суетились дежурные, девушки-туристки.

Степан ощутил, что на него смотрят, отвернулся.

«Неужели стесняется?» — подумал Валера. Это еще более укрепило доброжелательное чувство к незнакомцу,

Вечером, сидя за столом и нахваливая жарено из грибов, комендант посетовал:

— Эх, шашлычка бы тебе предложил, Степа, да нету. За все лето так и не довелось попробовать... Туристы какие-то не активные, никто барашка купить не может.

Через день Валера объяснял гостю, как принимать приходящие туристские группы, что показывать на стоянке, какие документы сдают инструкторы, предупредил, чтобы с утра обязательно пересчитывал снаряжение, посуду и только затем отдавал маршрутный лист, удостоверившись, что на стоянке чисто и все на месте.

Степан кивал головой, казалось, он все понимает с полуслова.

— Радиостанцию не трогай, — предупредил Валера. — Это на крайний случай, если что случится... Травма или плохо кому... Ты тогда попроси инструкторов, они сами знают, как им на связь выходить.

Комендант собирался домой, в город. Он упаковал в рюкзак картонный ящик с ягодами кизила, в боковые карманы рассовал банки тушенки и сгущенки — то, что оставляли ему инструкторы, проверил, не забыл ли ключи от городской квартиры.

Степан молча наблюдал, как он укладывается.

Парень заметно освоился на стоянке, хотя его замкнутость и молчание порой раздражали.

— Все будет в порядке... — пробурчал Степан, выслушав последнее наставление.

Он проводил Валеру к дороге, что спускалась в долину, к плантациям виноградников. Пожали друг другу руки: комендант протянул первый и ощутил, что ладонь у парня цепкая, ухватит — не вырвешься.

— Смотри тут, командуй... Дня через два я вернусь... Пока группы на стоянку не придут, хозяйство не бросай, — посоветовал напоследок Валера и скорым шагом, не оглядываясь, пошел вниз.

Степан долго смотрел ему вслед, ждал, пока синяя майка и красная кепка не исчезли за кустами шиповника.

Только тогда, неторопливо, свободно разогнувшись, Степан побрел на стоянку; лицо парня стало мягче.

А Валера, пока спускался в долину, пока трясся в автобусе до Светлокаменска, все переживал: не бросит ли Степан без присмотра стоянку? Вдруг станет скучно, соберется — и поминай его как звали. Отвечать ведь не ему, а коменданту, если что пропадет.

И сам себя успокаивал: нет, не должен уйти, парень, похоже, честный, обязательный, не мог я ошибиться.

Степан никуда не ушел.

Когда на третьи сутки, весь мокрый, вспотевший после подъема, Валера вышел к родной стоянке, то первым, кого он увидел, был Степан. Он стоял возле комендантской палатки и поправлял седло на лошади, привязанной к стволу груши.

«Откуда лошадь? Может, пастухи приехали?» — подумал Валера.

— Привет!.. Как ты здесь? Живой?

Степан радостно отозвался, изобразив на лице загадочную ухмылку. Непонятно было, рад он возвращению коменданта или ему все равно. Может, лучше бы Валера вообще не приходил?..

Комендант слишком устал, чтобы обращать внимание на такие тонкости, да и мало ли о чем иногда говорит лицо человека.

— А лошадка откуда?

— Пастухи с яйлы оставили... Дня через три отгоню, — ответил Степан, снимая уздечку.

— Небось, от туристок отбоя не было, — пошутил Валера. — Всех на лошадке перекатал?

— Прокатил тут одну... — ощерился Степан и первый раз тихо засмеялся; смех оказался повизгивающий. Щенячий.

Валере даже показалось, что парень смеется над ним.

— Ты чего? — удивленно спросил он.

Степан осекся, потупил глаза; догадался, что его смех неприятен коменданту. Что-то буркнул и снова стал возиться с лошадью.

Пока Валера умывался, перекладывал из рюкзака в шкафчик принесенные из дома вещи, Степан побывал на кухне, переговорил с дежурными, принес котелок с макаронами, которые успел подогреть.

«Интересно, о чем он с девушками разговаривает?» — подумал комендант, когда сели за стол и молча принялись за еду.

— Пастухи барашка предлагают, — обронил негромко Степан, царапая ложкой стенки котелка.

— За сколько? — спросил Валера.

Степан ничего не ответил, он только ниже нагнул над столом голову; прядь волос упала в сторону, и стал заметен продольный розовый шрам на затылке.

— Так сколько они хотят за барашка? — повторил комендант.

— Они... за барашка? — Степан рожал слова туго, словно с мыслями собирался. — Они ничего не хотят за барашка... Родич у меня там, обещал так дать.

— Да ты что, правда? — засомневался Валера.

Ему как-то не поверилось, что так запросто можно получить целого барашка. Хотя, если у Степана там родственники, почему бы и нет?

— Так что, на яйлу завтра ехать? — Степан вопросительно буравил коменданта глазами.

— Какой разговор? — удивился комендант. — Если предлагают, надо ехать. Прямо с утра собирайся, к обеду привезешь. Вечером будем шашлык пробовать. Я как раз пару бутылочек винца из города захватил.

Валера подмигнул Степану, и тот подобострастно заулыбался.

— Значит, я еду? — еще раз переспросил парень, пытливо взглянув на коменданта.

«Чего это он? — подумал Валера. — Может, барашек и не нужен ему, только ради меня старается? Зачем?.. Все-таки странный парень. Может, у него с психикой нелады?»

— Да-да, поезжай, — кивнул Валера, отодвигая котелок.

«Ладно, через день-два он соберется и уйдет туда, откуда пришел, перестанет мне докучать, — рассуждал комендант, — а пока еще потерпеть можно, пусть едет за бараном...»

Валера попросил у Степана лошадь, и тот оседлал ему. Чтобы развеяться, комендант отправился покататься в окрестности. Лошадь оказалась смирная, шла неторопливо. На подъеме она взбиралась хорошо, а на спуске боялась, корчилась.

На стоянку Валера вернулся поздно. Сумерки уже укрывали палаточный городок, и было видно, как Степан собирает неподалеку от груши хворост для костра.

Парень уехал рано. Туристский лагерь еще спал. Валера слышал, как кто-то шумно вошел в палатку и хриплый голос предупредил:

— Я поехал, буду после обеда.

— Да, поезжай... — пробормотал комендант, перевернулся на другой бок и снова уснул.

Второй раз его разбудили дежурные по кухне. Они загремели посудой и стали о чем-то громко спорить. Валера выругался, открыл глаза, потянулся; тут только он ощутил, что давно наступило утро. Он вспомнил, как заходил Степан, и подумал о шашлыке, который ожидает его вечером.

Голосов на стоянке становилось больше, похоже, что туристские группы позавтракали и готовились на выход. Комендант мысленно представил, чем занимаются туристы: делят и раскладывают продукты по рюкзакам, сносят в инструкторскую палатку спальные мешки и одеяла, дежурные моют посуду, отдраивают до блеска алюминиевые котлы — иначе комендант не примет. Все было как обычно, по заведенному на всех туристских стоянках порядку.

Валера полежал еще немного, вспоминая приятные часы, проведенные в Светлокаменске. Ему даже не верилось, что еще позавчера он ощущал домашний уют, объятия подружки... Господи, как ему здесь не хватает Леночки! Еще в начале сезона, в июне, она прожила на стоянке неделю своего отпуска. В горах ей не понравилось. Погода выдалась скверная, дождливая: было холодно и сыро. И как потом Валера ни уговаривал девушку, она больше не соглашалась ехать на стоянку.

Скорей бы конец сезона, тоскливо подумал Валера, надоело уже все до чертиков! Даже подниматься неохота.

Валера выждал еще несколько минут и нерешительно оторвался от постели, распахнул вход.

День обещал быть жарким. Небо выдалось чистое, без единого облачка. Где-то за горными отрогами еще укрывалось солнце, но присутствие его ощущалось с каждой минутой, нарастал густеющий зной.

Комендант представил, что будет в полдень, когда придется спасаться от жары и назойливых мух в тени старой груши.

Валера зашел за палатку, налил из ведра в рукомойник воды и, громко фыркая, стал умываться. Голоса туристов не умолкали, от инструкторской палатки слышен был громкий и требовательный бас.

Комендант прислушался и понял, что выясняют вопрос о количестве снаряжения.

— Ира, сколько было спальников?

— Я принимала двадцать один.

— Одного не хватает. Посмотрите в палатках, может, где-то под матрасами?

«Куда-то спальник задевали, — догадался Валера. — Кто-то ночью луной ходил любоваться и забыл, видно, в кустах. До чего ж рассеянный народ... Ладно, пусть считают, пусть ищут».

Комендант увидел, что к нему торопливо идет инструктор группы Шура Былинкин, худой юноша в круглых очках с толстыми линзами.

— Слушай, Валера, спальник пропал...

— По кустам смотрели?

— Все облазили, нет.

— Может, кто из другой группы взял?

— Ходили, считали, у них комплект.

Былинкин вопросительно посмотрел на коменданта, в линзах очков мелькнула растерянность.

Валера усмехнулся: он знает, что Шура считает себя опытным инструктором и болезненно переживает, когда в его группе что-то случается.

— Что делать, куда он мог подеваться?

Коменданта не интересует, куда делся спальник. Группа получила под расписку инструктора комплект снаряжения, комплект она и должна сдать.

— А ты что, не знаешь? Первый раз в походе? — иронично спросил Валера.

— Что? — недоумевая, переспросил Былинкин.

— Как что? Спальник стоит тридцать рублей. Можешь заплатить из своего кармана. Не хочешь — пусть туристы собирают.

— А-а, понял! — радостно кивнул головой Шура и побежал к группе.

Размахивая нескладными руками, он начал что-то объяснять, слышались недовольные реплики туристов.

— Кто-то потерял, а мы отвечаем...

— Да стащили его, я говорю, стащили...

— Юра, сдай за меня полтора рубля...

Былинкин прибежал в комендантскую палатку, запыхавшись, взволнованный.

— Вот, пересчитай, — он вывалил на стол монеты и скомканные бумажки; одна монета покатилась и упала на пол. Шура торопливо нагнулся, поднял.

— Ровно тридцать рэ, — заключил Былинкин.

— Можно и двадцать восемь, — заметил Валера, вспомнив точную цену спального мешка.

— Ладно, оставь себе, — Шура доволен, что так легко выпутался из сложного положения. Он осторожно намекнул Валере: — Только не рассказывай никому, а то будут болтать, что у меня спальник пропал...

— Никому не скажу, — пообещал комендант, направляясь к кухне принимать посуду.

Через час стоянка опустела, туристы ушли на маршрут. Тишина продержится недолго, к обеду подойдут другие группы. И так — каждый день.

Валера внимательно прошелся по палаточному городку, проверил комплекты спальных мешков — точно, одного не хватает. Куда они его затащили? Надо походить подальше от стоянки, посмотреть, бывало, что лежит где-нибудь в траве, под кустом...

День разгорался быстро. Августовское солнце не жалело тепла.

Валера снял рубашку, разделся до плавок, выплеснул на себя несколько ковшей холодной родниковой воды. Слегка просохнув, нырнул в прохладный полумрак старой груши. Настил он выложил матрасами, лежать здесь мягко и спокойно. Валера попытался читать книгу, перевернул два листа и задремал...

— Эге-ге-гей! — раздалось откуда-то сверху.

Комендант нехотя разлепил глаза, pokrutil головой: кому это делать нечего, орет во все горло? Он покинул уютное местечко под грушей и вышел босиком на открытую площадку перед навесом столовой, увидел: на скалистом мысу над стоянкой замер всадник.

Это был Степан. Он радостно кричал, оповещая, что вернулся.

«Странный парень, ей-богу, — подумал комендант, — то слова от него не дожدهшься, то орет, как ребенок...»

Валера подождал, пока Степан спустится вниз. За лошадью на веревке бежала овца — шерсть на ней была короткая, видно, не так давно обстригли.

— Вот и барашек, — доложил Степан, спешиваясь.

«Удивительно, — подумал комендант, — видно, хороший у Степана родич, если не пожалел такого упитанного барашка».

Парень предложил заняться овцой сразу, не откладывая.

— Тебе помочь? — спросил Валера.

— Нет, не надо.

Степан привязал лошадь, взял цинковый таз, нож, потащил заупрямившуюся овцу к роднику; та упиралась, словно чувствовала, что ее ожидает.

Валере почему-то стало жаль бедное животное.

Он снова устроился на прохладный настил под грушей и время от времени поглядывал в сторону родника. Ему казалось, что оттуда должен донестись рев умирающего барашка, однако было тихо.

Коменданта отвлекли негромкие голоса; по склону, по натопанной тропинке спускалась туристская группа. Лица у

туристов были измученные, переход выдался нелегким, под палящим солнцем, да еще с тяжелыми рюкзаками.

С бараньим мясом вышло как нельзя более удачно. Когда Степан нес тушу на стоянку, кто-то из туристов увидел и тоже загорелся желанием отведать шашлыков. К Валере подошел инструктор группы, и после небольшого торга половина туши была продана за сорок рублей.

— Можете и кости взять, на шурпу, — предложил Валера.

Степан в торг не вмешивался. Когда комендант спросил его, можно ли продать часть мяса, лишь кивнул головой.

Валера пересчитал деньги и протянул две красненькие бумажки парню. Тот удивленно поднял глаза.

— Зачем это?

— Бери, половина твоя, заработал.

— Не-е, это много...

— Да бери ты, чудак-человек!

Степан протянул руку и, словно опасаясь порезаться, взял одну бумажку.

— А еще червонец?

— Мне хватит, не надо... — парень поспешно сунул деньги в карман и отвернулся.

«Странный, ей-богу, странный, — подумал комендант. — Может, он ненормальный? Ладно, еще денек потерплю и вы провожу со стоянки, чтобы не надоедал...»

Валера спрятал деньги в сейф из-под радиостанции, где хранил личные документы, ключи и охотничий нож.

Шашлык мариновали вдвоем: Степан резал мясо, а Валера перекладывал куски в эмалированное ведро, перемежая слоями лука, лаврового листа, посыпая солью и перцем, обрызгивая уксусом.

Парень делал свое дело привычно, мастерски. Ведро, полное мяса, закрыли крышкой, которую придавили тяжелым камнем, и отставили на несколько часов за палатку.

Вечером комендант пригласил на шашлык инструкторов — двух парней, ровесников Степана.

Расположились под грушей, превратив настил в стол. Валера наполнил стаканы вином и придвинул ребятам, которые переворачивали над тлеющими углями шипящее мясо, выбирали прожаренное, сдирали зубами с кизиловых шампуров и нахваливали.

Степан внимательно разглядывал возбужденные лица, без явной охоты жевал шашлык, от вина отказался и, видно, испытывал удовольствие от того, что сумел сделать хорошо другим.

— Ты просто молодец, Степа! — похлопывал его по плечу раздобившийся Валера. — Слушай, оставайся на стоянке до конца сезона... Мы с тобой такие дела будем крутить, ух!.. Сейчас виноград идет, договоримся со сторожами, они за бутылку нам полный рюкзак набьют, туристам продадим или на тушенку обменяем...

Парень слушал Валеру, и прежняя загадочная улыбка не сходила с угрюмого лица. Он молчал.

— Ну что ты, как немой, молчишь и молчишь? Может, обижаешься?

После второго стакана Валера совсем расслабился. Шашлык кончился, и ребятам надоело слушать коменданта, который рассказывал городские новости и о том, какая у него чудесная невеста, которая не любит гор. Инструкторы извинились и поднялись к костру.

— Пойдем? — спросил Степан Валеру.

— Конечно, пойдем, — и комендант попытался встать, но ощутил неожиданную слабость. — Не-е, ты иди сам, там песни, девочки, а я спать останусь...

Степан помог Валере взобраться на настил, принес из палатки одеяло и укрыл им сверху. Комендант сразу уснул. Парень сидел рядом и о чем-то думал; неподалеку горел туристский костер, там пели песни. Яркие блики иной раз выхватывали из-под груши угрюмое скуластое лицо.

Утром у Валеры страшно болела голова. Когда Степан растолкал его, он чуть было не выругался, потом сообразил, что парень уезжает.

— Я в поселок, потом к сторожам, на виноградник...

— Какой поселок?.. Какой виноградник? — комендант не мог вникнуть, что ему объясняет Степан.

— Я поехал, вечером буду.

— Ладно, давай... — и Валера облегченно вздохнул: парень явно его утомил, надо было от него как-то избавляться.

Вновь начинался день; самое неприятное было то, что каждое утро повторялось одно и то же, все три последние месяца.

Комендант смочил холодной водой голову, проглотив таблетку цитрамона, попытался до ухода групп немного подремать. Он уже чувствовал, как начинает накаляться воздух, виски гудели, и лекарство не помогало.

Только к обеду боль слегка отпустила. Валера вновь попытался вздремнуть, как неожиданно услышал лошадиное ржание и подумал, что вернулся Степан. Но ржание было сверху, с дороги.

На стоянку выехало двое всадников. Это были пастухи. Одного из них, Василия, Валера знал. Месяц назад он оставался ночевать у коменданта, когда возвращался из поселка. Второй — незнакомый.

— Здоров, Василий! — поднялся навстречу Валера.

— Здоров, коли не шутишь! — улыбнулся пастух. — А где этот... из Долины мхов?

— Степан, что ли?

— Да, Степка...

— За виноградом поехал, к вечеру будет.

Всадники спешили и с интересом рассматривали коменданта, особенно второй, незнакомец.

— Ну, как ты здесь? Девоч молодых много приходит? — засмеялся Василий.

— Да нужны они мне! — пожал плечами Валера.

— Тогда давай оставим Федора, — Василий ткнул кнутовищем напарника, тот гыгыкнул.

— Надоест, — заметил комендант.

— Ему? Не-е... Он мужик здоровый, на нем пахать и пахать, — видно, пастуху было приятно хвалить товарища. — А как барашек? Сам выбирал для Степки...

— Вчера оприходовали, до сих пор голова гудит, — пожаловался Валера.

— А ты подлечись, подлечись... — посоветовал Федор, глуповато улыбаясь.

— Степан все просил: пожирней выбирай... Ты меня тоже выручил. Мне без спального мешка нельзя, я как на охоту иду, завсегда в лесу ночую... — сказал Василий.

— Какого мешка? — не понял комендант.

— Да ты что? Сам знаешь, мы со Степкой договаривались, ты мне спальный мешок, а я вам барашка.

— А-а, мешок... — словно позабыв, протянул Валера; комендант почувствовал, как по телу прошел легкий озноб.

— Ладно, бывай, мы в поселок, на обратном пути заскочим. Ты нам тут невест приготовь, — улыбнулся Василий.

Его напарник опять загыгыкал.

Пастухи уехали.

Валера как стоял, так и остался на месте, не зная, что ему теперь делать. Замешательство длилось недолго, комендант бросился снова пересчитывать снаряжение: спальные мешки, одеяла. Все было на месте, кроме пропавшего вчера спальника. Тогда Валера устроил проверку в своей палатке, заглянул в сейф; все цело, ничего не тронуто.

«Зачем же он так? — подумал комендант. — Я ведь поверил ему, а он взял и обманул... Украл спальник и обменял на барашка... Ведь я же ничего не требовал с него? Живи, развлекайся. Только зачем же такую подлость делать? Разве я ему делал что-нибудь плохое?»

Сам того не ожидая, Валера растравил давно запрятанное чувство, и ему стало стыдно и неприятно, словно его самого поймали на чем-то мерзком и отвратительном. Ему вспомнилось, при каких обстоятельствах появился парень, его угрюмость и замкнутость, загадочные ухмылки — все становилось на места.

Валера даже ощутил, что презирует себя за недалёковидность, что ещё раньше не сумел раскусить проходимца, хотя чувствовал, что с ним что-то не то... И когда он на яйлу за барашком собирался, то ведь специально переспрашивал: ехать или не ехать?.. Ну и хитрец! Ведь это он специально меня в дело втягивал, мол, я разрешил, а он украл... Да и мясо тогда, выходит, ворованное... А деньги, как же я забыл про деньги? Ведь за спальный мешок взял тридцать рублей, и ещё за барашка... Может, он специально от червонца отказался, знал, сколько стоит спальник? Якобы откупился от меня... Как же быть с ними? Тридцать рублей, это понятно, в бухгалтерию, за спальник, а остальные тридцать? Не догонять же группу Былинкина, не раздавать каждому полтора рубля?..

Комендант понял, что запутался. Так ничего и не решив, он подумал о парне: что делать с ним, когда вернется?

А что думать? Гнать в три шеи со стоянки, пусть катится на все четыре стороны и дорогу пускай сюда забудет... Господи, и откуда на земле такие люди берутся?

Это была мысль, после которой Валере стало легче, и теперь он знал, как ему поступать дальше. Оставалось ждать вечера.

Хлопоты с пришедшими группами отвлекли коменданта, но он не забывал поглядывать на дорогу: не едет ли Степан? Он мысленно повторял все те слова, которые скажет парню, прежде чем прогонит со стоянки, с удовольствием представляя, как все это будет сказано и какое произведет впечатление.

...Только под вечер, в сизые сумерки, поднялись на стоянку Василий и его товарищ; глаза их живо поблескивали, и неуверенные движения говорили о том, что в поселок они съездили с определенной целью.

— Привет, начальник! — сипло заорал Федор.

— Эй, хозяин, забери добро, — позвал Василий коменданта, снимая с седла полный рюкзак.

Комендант узнал его — это был вылинявший старый рюкзак Степана.

— Что там? — встревоженно спросил Валера.

— Бабку одну уколошили, в рюкзак положили, — засмеялся диким смехом Федор.

— Шутит паря, это Степка велел тебе передать, виноград, — спокойно ответил Василий.

— Подарочек, начальник, Степка тебя ублажить хочет! — опять заорал второй пастух и засмеялся.

— Федор, прекрати ржать, — цыкнул на него Василий и снова обернулся к коменданту. — Слушай, у тебя закусить найдется?

— Да, конечно, — растерянно выдавил Валера, не зная, что делать с рюкзаком.

Пастухи зацепили лошадей уздечками за пожарный щит и, тяжело топая кирзовыми сапогами, таща через плечо полотняную сумку, прошли под грушу.

Комендант засуетился; на столе появились рыбные консервы, тушенка, хлеб. Василий открыл бутылку, разлил по стаканам.

Валера все хотел спросить о Степане, но чувствовал, что это будет неловко и не ко времени.

— Будь здоров! — протянул стакан Василий, и они чокнулись.

Федор не стал дожидаться, он без слов выпил и горбушкой хлеба начал вытирать губы.

— Хороша, едрёна корень, — и опять глупо засмеялся.

— А Степан, он куда подевался? — решился спросить комендант.

Василий недоуменно посмотрел на Валеру.

— А че, разве я не сказал?... Ишь, забыл... Дело такое, Степка к себе в село поехал, у него там мать захворала, ему в поселке кто-то из своих передал... Мы его у виноградника перестрели... Он хотел сам заехать, предупредить, да ишь, времени маловато, пока он к Долине доберется, считай, день кончится...

«Так я и поверил, — подумал Валера, — мать заболела. Может, у него и тетку радикулит схватил? Нашел бы что другое соврать, а то и мать припел... Вот бестия!»

— Не везет Степке, — тихо произнес Василий. — Я ведь его мальцом знаю... Ему с малых лет не везет.

Пастух достал пачку «Примы», угостил напарника, протянул коменданту. Затянувшись, продолжил:

— Ихняя семья от нас неподалеку жила... Мать на ферме работала, а батя — беспробудный пьяница... Таких алкашей сейчас поискать надо... Батяня его после войны в тюрьге сидел, а как домой вернулся, пить начал, не просыхая... А как зальет глаза, начинает жену бить, сынишку...

Василий тяжело вздохнул, словно припомнив что-то нехорошее и горькое, с ним самим бывшее.

«Для чего это он рассказывает... Ведь никто его не просил. Кому это интересно?» — подумал Валера.

— А когда Степка подрос, он мамку защищать стал... Однажды в отца табуреткой бросил, за мать вступился, так тот его кочергой по голове саданул... Степку — в больницу, а батю — в тюрьгу, по новой... Он там где-то и загнулся... А Степка поправился... Только после того случая озлобился на всех, волчонком на людей смотреть стал... В армию его не взяли, из-за головы, боли часто бывают... Вот и живет с матерью, зимой в совхозе шабашничает, летом по горам болтается... Весной у меня в кошаре два месяца прожил...

— Ну, чо, еще по одной? — нетерпеливо перебил Федор.

— А-а, давай, лошадки вывезут, — невесело махнул рукой Василий.

Разлили вторую бутылку, и Валера выпил, настойчиво пытаясь осознать сказанное пастухом о Степане.

— Так ты говоришь, летом по горам шатается? — спросил он Василия.

— Да, не любит он в селе... У нас в Долине люди на него косятся, а он на них... В горах ему спокойней, травку лечебную

собирает, грибы... Мать, ежели не хворает, то на рынке все это продает... Хороший парень, только жаль его... Людям не верит, боится их, все стороной старается обойти...

«Как же так? — подумал Валера. — Выходит, про заболевшую мать — это правда? Разве станет Василий обманывать? Да и про жизнь Степкину он не стал бы так расписывать, значит, все это было, раз про отца парня вспомнил, про побои, про кочергу... Так я же сам на затылке шрам у него видел».

Комендант почему-то представил, как добирается Степан к себе в село, уж и дороги не видно, пешком идет, лошадь за уздечку тащит; до села еще далеко, а парень торопится, надо успеть к единственному, близкому и родному человеку, которого он любит... А кто, кроме матери, кто любит его самого?..

Валера спросил себя неожиданно и подивился этому вопросу. А ведь правда, кто любит его, этого несчастного и затравленного жизнью парня? Кому он нужен?

В сознании коменданта что-то произошло, куда-то улетучилась его злость, все недовольство Степаном, и все слова, которые он готовил для парня, показались глупыми.

Василий говорит, что Степан на людей волчонком смотрит. Значит, не верит никому?... Но ведь тебе, тебе-то он поверил, и ты ему поначалу поверил... «Значит, что-то произошло, раз он к человеку потянулся? А я, чем я ему ответил? Дескать, молодец Степан, стоянку сохранил, барашка привез — молодец!.. Ах, спальник украл, — негодяй, вор, мерзавец! Вон отсюда!»

Комендант и сам не заметил, как начал задавать себе мысленно вопросы, которые, похоже, никогда раньше не волновали его.

Неужели нельзя любить человека просто за то, что он человек? Неужели нельзя делать добро человеку хотя бы потому, что ему страшно больно и одиноко, тяжело от того чувства, что никто не понимал его и не поймет на этом белом свете?..

Словно гром в ясную погоду, поразили эти простые и обычные вопросы; комендант в растерянности провел ладонью по лбу, словно пытаясь отогнать их, как наваждение.

— Что, опять голова? — участливо спросил Василий.

— Нет, нет... — отмахнулся Валера.

Так неужели только я один мог понять и спасти этого парня? Неужели только я один мог открыть его душу для добра?... Но ведь я не знал и не знаю, как это делается!.. Боже мой, ведь я даже не думал об этом... Не думал!

И Валера испугался последней мысли. Она была настолько пронзительной, что он мгновенно ощутил себя жалким и самым ничтожным человеком в мире.

Комендант неожиданно поднялся, лицо его сделалось бледным, и мелко затряслись руки.

— Ты че, начальник? Никак перепил? — оскалился Федор.

— Мужики, где... Степан где?

— Я ж сказал, домой поехал, мать захворала... Обещал через неделю лошадь мне пригнать... — Василий удивленно посмотрел на переменившегося в лице коменданта.

— Мужики, мне надо найти его, сейчас... Я виноват перед ним, понимаете... Он ко мне с добром, а я не понял... Найдите его, мужики... Я виноват, понимаете, виноват!

— Да ты че, рехнулся? — зло оборвал его Федор. — Где мы его искать будем? Ну, ты даешь! И это после пары стаканов, а если еще налить? Гэ-гэ!

И пастух засмеялся.

Тяжело поднялся Василий, закинул на плечо сумку.

— Ладно, Федор, заткнись... Поехали, уже поздно... Счастливо тебе! — кивнул пастух коменданту.

Валера понял, что они уезжают и надо решиться, что-то сделать в эту минуту.

— Пойдите! — закричал он Василию и опрометью бросился в свою палатку.

Лихорадочно открыл сейф, сгрэб все деньги, что были, убежал к дороге, где стояли всадники.

— Вот, передай Степану, это его деньги, скажи — для матери... Если не будет брать, засунь ему силой в карман... Это его, его деньги... — поспешно говорил Валера.

— Да ты че, правда? — недоверчиво спросил Василий.

— Правда, только отдай ему... — произнес комендант, не зная, что он еще может объяснить пастухам.

Цокая подковами, потянулись вверх по дороге лошади. Дорога на яйлу была долгая.

Плотные сумерки обхватили горы. День как начинался быстро, так и угасал быстро. На стоянку напознала ночь — последняя ночь августа.

ДАЧНАЯ ИСТОРИЯ

Толпа дачников терпеливо ждала, пока автобус высадит пассажиров и развернется у обочины. Накрапывал дождь — мелкий и холодный. Автобус прокатил дальше положенной остановки и, словно бы сделав одолжение, остановился. Один из стоявших в конце унылой очереди не выдержал. Рослый парень в темно-зеленой куртке, не оглядываясь, обходя всех, пошел к автобусу.

Очередь зашевелилась, загудела. Кто-то из мужчин попытался схватить парня за рукав куртки, остроноса женщина ругнулась вслед, но было бесполезно. Многие из них двинулись следом.

— Граждане!.. Товарищи! Куда же вы?! — возмущенно закричала остроноса.

Но водитель открыл обе дверцы автобуса, и все смешалось, стало непонятно — кто первый, кто последний.

Парень, который нарушил очередность, стоял поодаль автобуса и, глядя на давку, брезгливо улыбался. Он зябко поводил плечами и цедил сквозь зубы:

— Так вам и надо... дачнички... вашу мать.

Дождь не прекращался. Приближался воскресный вечер.

Туфли промокли насквозь. Куртка и кепка тоже. Но он не замечал этого. Он шел и бранился. Он ругал себя и всех окружающих, ругал неустроенный мир и непогоду, свою беспомощность.

Под ногами тускло отсвечивало полотно дороги. Шагать до станции было не близко, и он уже пожалел, что передумал лезть в автобус. Не захотелось задыхаться в одуревшей дачной толпе. А на попутную машину денег не было. В кармане звенела жалкая мелочь.

Осадок после прошедшей ночи отозвался неприятной дрожью в теле. Он поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то согреться. Морозящий дождь вызвал неприятное чувство. Лучше бы он пролился по-настоящему, как из ведра, исхлестал бы его, идущего, разлился бы по всей земле, утопил бы ту дрянную злость, которая в душе и от которой никуда не убежишь. Чтобы ничего не видеть, ничего не слышать, ни понимать...

Он выругался про себя и, оглянувшись по сторонам, неожиданно заорал хриплым голосом:

— Я дура-ак!.. Слышите?! Я дура-ак!

От истошного крика стало чуть полегче. Он остановился и подумал о том, что было вчера, позавчера и много дней назад. Перед глазами встало бледное лицо старика, который буравил его глазами и ехидно улыбался. Показалось, что это наяву, он даже вздрогнул. Опять стало плохо на душе. Он побрел дальше, машинально переставляя ноги и надеясь, что скоро появится железнодорожная станция, город, электричка.

Над дорогой низко висели сумрачные облака.

Федор позвонил утром. Давно его не было слышно, а тут позвонил: бери, мол, Татьяну и катим на дачу — у меня юбилей, четвертак разменял... Дача Веркиной подруги, Ларисы, ну ты ее помнишь, рыжая такая...

Татьяна не слышала разговора. Она спала на кухне, куда ушла с раскладушкой после вечерней ссоры.

— Федька, — пробурчал Митя в трубку, — а если один, без нее, ничего?

— Мне все равно, — отозвался именинник. — Можешь прихватить симпатичную девочку. Я не возражаю. Собираемся через час, на вокзале. Не опаздывай.

Митя осторожно положил трубку и стал торопливо одеваться. Он снял с вешалки куртку, кепку, достал бумажник и обнаружил в нем только три рубля. Вспомнил, что зарплата в понедельник. А он рассчитывал до понедельника с трешкой продержаться. Но для дня рождения этого мало. Растерянно походил по комнате и вспомнил, что Татьяна свои деньги прячет в шкаф, в коробку из-под духов. Он сам ненароком видел, как она засовывала эту коробку в стопку чистого белья.

Какое-то мгновение колебался, а затем убедил себя: если заметит, верну послезавтра, а не заметит — все равно верну, конечно, верну... Не буду же я из-за червонца унижаться?

Он оглянулся на кухню, там было тихо, и осторожно, без скрипа, открыл дверцу шкафа, отыскал в белье картонную коробку. В коробке лежала небольшая пачка денег. Он хотел, было, пересчитать их, но показалось, что на кухне что-то звякнуло. Он быстро вытащил красненькую бумажку и вернул коробку на место. Затем гулко прошел через комнату в коридор — и с силой, как мог, хлопнул входной дверью. Ему хотелось, чтобы получилось громко и чтобы Татьяна проснулась, обнаружила, что его нет. Пусть поразмышляет — куда он делся? Может, в следующий раз подумает, прежде чем языком лапать...

Митя и сам не мог понять, что произошло с Татьяной в последние месяцы. Ее словно подменили. А ведь целый год жили спокойно, без ссор и ругани. И чего она от него хочет? Ведь предлагал ей: давай уйду, и все будет спокойно. Так нет, она сразу в слезы, говорит, что привыкла, не может без него... Разговора о женитьбе у них никогда не было, еще когда сошлись,

договорились, что без загса обойдутся. Она сама согласилась. И, слава богу, что не жена, без росписи в паспорте хватает обид и придирок. Недавно разговор о ребенке завела. Так кто против? Рожай себе, воспитывай! Это дело женское, личное — самой решать, самой рожать. А разве не так?

Если б на этом только замкнулось, так нет! Взяла в привычку своей квартирой попрекать, тонко, ехидно: мол, она хозяйка, а он — нахлебник... Да провались ты со своей квартирой!

Когда она первый раз об этом речь завела, Митя от обиды в общежитие к другу подался ночевать. Думал даже комнату снять, а затем прикинул: накладно получается. Да и Татьяна через день успокоилась, а он сделал вид, что ничего не случилось. Она все-таки девка неплохая, и если без ругани, то жить можно. Каждый день приготовит что-нибудь, обстирает, да и денги почти только свои тратит. Ну, чем ей не семья?

Разве плохо им было без хлопот, без обид и каких-то глупых требований? Нет же, надо было обязательно ложку дегтя в бочку с медом добавить... Первый раз он простил ей, думал, случайно, не подумав, языком ляпнула. А оказалось, она об этом постоянно думала, выжидала... И выждала.

Вчера ужинали, сидели, о пустяках болтали. Он еще пошутил над чем-то. А она ни с того ни с сего буркнула: легко на бабей шее вам, мужикам, живется... Все вы, альфонсы!

У него чуть было кусок в горле не застрял, а ей хоть бы хны! Специально масло в огонь подлила: да-да, то, что слышал, много сейчас таких альфонсов развелось, только и название осталось, что мужики.

Он чуть было не ударил ее; хорошо, что сдержался. Это он-то альфонс? Он, который от нее ничего не требует? Он, кому глубоко наплевать на ее квартиру и все это дешевое благополучие? Так это ж она специально, чтобы уколоть, и слово подобрала такое — мерзкое, собачье. Нет, Федор вовремя позвонил. Оставаться с Татьяной на субботу и воскресенье — значит, новый скандал. Такую обидную кличку он ей просто так не простит, хватит, договорилась!

Митя вышел из лифта, приоткрыл дверь подъезда и уныло взглянул на небо. Оно было серое, плотно затянутое облаками, без единого просвета.

Сумрачное осеннее утро не радовало.

Думали, что народу соберется больше, Федор приглашал многих. Оказалось — почти никого. Сам именинник с женой, подруга Лариса, на дачу которой ехали, и еще одна девушка, с работы Федора. Именинник представил ее: Марина.

Митя обратил внимание, что ноги у Марины длинные и плотно обтянуты джинсами. Густые черные волосы падали на белый свитер и красную куртку. Глаза смотрели мягко и томно. Когда она улыбнулась, левый угол ее рта нелепо искривился.

О Татьяне никто не спросил: ни Федор, ни Верка. Видно, что именинник предупредил жену, мол, без расспросов.

Пока ждали электричку, Федор отвел Митю в сторону и сообщил, что хотел Марину с одним парнем познакомить, сыном писателя, но тот не приехал, скорее всего из-за непогоды.

— А зачем ты мне это говоришь? — спросил Митя.

— Ну, мало ли, — пожал плечами Федор. — Может, интерес какой появится... Ладно, смотри сам.

Девушки, чтобы не скучать, подтрунивали над именинником. Особенно старалась жена, Верка. Поводом были появившиеся гости.

— Да, слабый нынче мужик пошел, слабый... Обещали, а никто и не явился.

— Слабый мужик, — поддакивала Лариса, худосочная девушка с рыжей крашеной головой. — Сырости боится.

И все трое смеялись.

Митя вспомнил, что Верка раньше такой не была. Они тогда с Федором на стройке работали, монтажниками. Митя видел, как Федор встречался с Веркой, на свадьбе у них гулял. Он тогда только-только с Татьяной познакомился. Верка тогда тихая была, а Федор все подзуживал: может, и ты следом? Чего теряться? А теперь вот видно, что с ним стало, весь под каблу-

ком у жены. Похоже, и Веркины родители на него придавили. После свадьбы Федор ушел со стройки. Тесть в НИИ устроил, лаборантом. Федор сам хвастался: теплое помещение, тишина и покой, сиди над аппаратурой и колдуй. Да и зарплата приличная, обещают добавить.

Ему хорошо, подумал Митя, залез в семейное болото, и ничего не волнует. Жена, друзья... Интересно, как это он еще про меня вспомнил? Митя поднял голову и заметил на себе изучающий взгляд Марины. Смутился и отвел глаза. Чего это она? Может, недовольна, что знакомство не состоялось? Пообещали сына писателя, а привели работягу? Митя сморщился, ему стало неприятно. Когда сели в вагон и электричка тронулась, он еще подумал: может, зря я поехал? Лучше бы к Володе, в общежитие.

Дачный поселок показался пустынным и заброшенным. Повсюду царила нестерпимая тишина. Голоса пришельцев тоннули в густых зарослях шиповника, смородины, рябины. За живой изгородью прятались домики и фруктовые сады. Хозяйева дач не торопились собирать урожай. На тяжело обвисших ветвях блестели крупные яблоки.

Первой не удержалась Верка. Она стряхнула на себя облако водяной пыли, заойкала, но все-таки дотянулась и сорвала красное сочное яблоко. За ней потянулись Лариса и Марина.

Федор, нагруженный сумками, недовольный, попытался навести порядок, уgomонить разошедшихся девушек.

— Ладно вам, чего набросились?! Сейчас хозяин выйдет, как даст солью из ружья... Не голодные ведь? Зачем я шашлык нес? Выброшу его к чертовой матери!

Верка, хрустя яблоком, подсмеивалась:

— Правильно, Феденька, выброси его! Зачем он нужен!

А Лариса делала вид, что застывает:

— Не слушай ее, глупости болтает. Все съедим — и шашлык, и именинника... Ха-ха!

Всем было весело, все смеялись. Мите надоело слушать пустую трепотню, ему хотелось быстрее попасть на место

и бросить пузатую сумку с бутылками, от которой ломило руку. Он торопливо прошел дальше и остановился, опустил сумку на влажную траву и стал поджидать неугомонную компанию.

Напротив, за изгородью, стояла двухэтажная дача. Фасад ее был украшен цветной мозаикой, над крышей поднялась высокая печная труба. Митя залюбовался этим домиком и вдруг представил, что это его собственный. Да, его собственный, о котором он мечтал всю жизнь. И ничего ему другого не надо. Он мог бы жить здесь зимой и летом, все время. Зимой бы он топил печь, читал книги, катался на лыжах, а летом бы ходил по ягоды, за грибами, на рыбалку, — Лариса говорила, что где-то рядом есть речка.

Стоило подумать о домике, как аукнулась ссора с Татьяной, вспомнился ее язвительный голос вчера: все вы альфонсы! Митя оглянулся, словно услышал его рядом, и в довершение всех бед ступил в глубокую лужу, зло выругался.

Компания остановилась у покосившейся калитки. В саду разместились два домика: один большой, недостроенный, другой поменьше, времянка.

Лариса вытащила из сумочки связку ключей и передала Мите. Федор тут же провозгласил его ключником. Митя долго возился с замком, покрывшимся ржавой плесенью. Кроме замка на калитке, было еще много всяких замочков на дверях, ставнях, на большом деревянном коробе, где хранился садовый инструмент.

— Митя, а главное забыл открыть, — недовольно протянул Федор.

— Чего еще? — недоуменно спросил Митя.

— Как — чего? Уборную...

Все засмеялись. Даже Марина — и та прыснула: ха-ха! Митю это покорило: кто бы уж смеялся, только не эта, длинноногая!

Митя ухватил сумку и понес ее в большой недостроенный домик. Здесь были две просторные комнаты, пахло свежими

сосновыми досками, стоял диван, стол, несколько скамеек. В пристройке разместился шкаф, забитый посудой, и газовая плита с баллоном.

Девушки торопливо принялись хозяйничать, разбирать содержимое привезенных кульков, пакетов, банок. Федор выставил из сумок бутылки с вином и водкой и шутливо приказал, чтобы без него не начинали. Сам он отправился в сад, искать дрова для костра, ему не терпелось заняться шашлыком.

Митя оказался без дела и принялся осматривать комнаты. На одной из стен он заметил детские рисунки.

— Это чья выставка? — спросил он Ларису.

— А-а, это мои племянники... Летом рисовали.

Митя подошел ближе. На рисунках были неумело изображены зеленые елочки, синяя полоска реки, красные мухоморы с белыми кляксами, люди в плавках и с зонтиками. Племянники Ларисы рисовали все, что видели перед собой. Митя представил, что все это было недавно, летом, а теперь уже осень, сыро и холодно, в дачном поселке никого нет, все уехали в город, все опустело и приуныло. Ему стало грустно. Он выглянул в окно и увидел: по саду бродит Федор и собирает обломки досок. Доски были черные, прогнившие. На одной из них печально застыл кленовый лист.

Затем Мите показалось, что время стало раскручиваться очень быстро, как в кинофильме, когда проектор поставили на большую скорость. Замелькали кадры: чадающий костер, первый тост за именинника, стол с закусками, второй тост, снова костер, суевающийся возле шампуров Федор, третий тост — за прекрасную половину человечества. Все жуют пригоревший шашлык и смеются. Марина улыбается. Лариса разыскивает где-то под кроватью запыленный патефон и кипу пластинок. Все идут в сад, танцуют у костра. Митя танцует с Верой, Ларисой, с Мариной. Пластинка закончилась, а он танцует. В какой-то момент он остановился и осознал, что они остались вдвоем с Мариной, все ушли в домик.

Тихо, безветренно. Шипит на патефоне пластинка. Мечутся тени от разгоревшегося костра. Обступившая темнота кажется мягкой и уютной. Ничего и никого вокруг нет.

Мите почудилось, что они одни в этом мире, в этой черной бездне, которая обхватила их. Он обнял Марину и неловко притянул к себе, поцеловал. Марина вздрогнула, опустила ему на грудь руки.

— Зачем?

Голос прозвучал слабо, безвольно. Он еще раз поцеловал ее. Ветер наверху разогнал синие разводья, высыпали желтые блески звезд. Из темноты резко потянуло сырым воздухом. Терпко и свежо запахло землей.

Из двери большого домика косым углом падал свет. Видно было через окно, как Лариса разбирала диван-кровать, ставила раскладушку. Мелькнул с бутылкой в руках Федор. Громко засмеялась Верка. Митя вспомнил, что еще днем забрал ключи от временки.

— Там холодно, — предупредила Лариса.

— Не замерзну, мне одеяла хватит.

Лариса только улыбнулась, ничего не ответила.

Митя услышал, как необычно громко застучало его собственное сердце и, наклонившись к Марине, шепнул:

— Идем со мной.

— Куда?

— Идем.

Во временке света не было. Митя достал коробок спичек и чиркнул. Он помнил, что где-то здесь стоит тахта. Спичка осветила детскую коляску, велосипед, тумбочку. Тахта была возле самого окошка. Митя нашел в темноте Марину, прижал к себе и стал подталкивать ее вперед.

— Перестань!.. Ты что?

Голос у Марины стал строгий, и у Мити мелькнула мысль: это она специально, унижает его, ломается. Ведь сама знает, зачем ехала. Он грубо поцеловал ее и, толкнувшись ногами о тахту, сел и посадил рядом Марину, притиснул к себе.

— Прекрати! Не надо!

Митя почувствовал, как в нем забурилась досада; он переносить не может, когда вот так выделяются. Он еще крепче прижал к себе Марину и представил, что она сейчас расслабится, станет послушной и податливой в его руках...

Но девушка резко выпрямилась и оттолкнула его так, что он чуть было не свалился с тахты.

— Тебе что, жены мало?

— Какой жены? — глупо переспросил Митя.

— Той, от которой на дачу сбежал. Ты думаешь, я про тебя ничего не знаю? Верка все рассказала.

— Да какая жена... Чего она плетет? — пробормотал Митя.

— Не знаю, не знаю... Все, поигрались и хватит. Я спать хочу, — и Марина решительно толкнула дверь, вышла из временки.

Митя остался один. Ошеломленный, он несколько секунд не мог собраться с мыслями. Затем в отчаянье схватил детскую скамеечку и запустил ею в стену. Жалобно хрустнула ножка.

Боже мой, какой я дурак, подумал Митя. Я приехал забыть об этих бабах, успокоиться, ни о чем не думать, а тут все сначала... А Верка, скотина, что она наплела этой стерве? Про какую жену? Это Танька-то жена? Боже мой!

На душе стало гадко. Митя поднялся, отыскал брошенную на пол куртку и вышел в сад. Костер уже прогорел. Тлеющие угли подмигивали красными глазами. Над головой нависли темные ветви. Свет в большом домике был погашен. Похоже, спали. Синие разводья наверху затянуло, и распластанное черное небо прижало к земле дачный поселок.

Митя тяжело вздохнул, открыл калитку и вышел в переулок. Он побрел наугад, словно по туннелю. Дорога была сырая и грязная. Он скользил по ней и размахивал руками, чтобы не потерять равновесие и не упасть. Он уже не думал о том, что произошло, вернее, он хотел забыть об этом. Митя был зол только на себя за то, что согласился поехать на эту проклятую дачу. А ведь ехал с мыслью развеяться, забыться!

Митя шел и говорил себе обидные слова. В одном месте он поскользнулся и угодил коленом в лужу. Опершись рукой о липкую грязь, он поднялся и заметил в синеватом тумане за оградой двухэтажный домик, ту дачу, на которую обратил внимание днем. Митя облокотился на изгородь, и что-то горькое заныло в его душе, с обидой подумал: почему я не живу в этом доме? Я бы прожил в нем до самой старости, без людей, без никого, и женщин не надо, которые только портят нервы... Митя нашел калитку, толкнул ее и вошел во двор. Он и сам не понял, чего хотел. Еще бродил в голове хмель, расплывались призрачные контуры, висели перед глазами темные гроздья рябины.

Повинуясь неведомому чувству, Митя пошел дальше. По ступенькам крыльца он поднялся к веранде, остановился у двери и тронул ручку. И неожиданно заметил: на петлях висел разомкнутый замок, словно кто-то ненадолго вошел в дом и забыл про него. Напряженно заколотило сердце, и вновь Митя испытал чувство смешанного волнения.

Откуда-то из глубины здравый разум подсказывал: уходи отсюда, нечего тебе здесь делать. Это чужой дом. Мало ли кто в нем? Может, там воры? Или хозяин забыл закрыть дверь? На Ларискиной даче сейчас тоже все открыто... Может, здесь тоже отмечали какой-либо праздник?

Митя надавил ручку, и дверь приоткрылась. Ему даже показалось, что все это он видел в каком-то фильме... Вот так же преступники пробирались в какой-то дом.

Он осторожно прошел веранду, ступая мягко и бесшумно. В темное нутро комнат вела широкая прихожая. Митя подумал: может включить свет? Но не решился. Достал коробок спичек и чиркнул одной. Пламяхватило просторную комнату, зеленый абажур, круглый стол и лестницу, что вела на второй этаж.

И снова вспомнился фильм, момент, когда преступник подкрадывается к жертве. Митя ощутил себя преступником. Он даже и не подумал о том, есть ли кто в доме на самом деле.

Митя подошел к лестнице и стал на ощупь подниматься наверх. Теперь он представлял, что он — хозяин дома, и слышал

со второго этажа подозрительные звуки, которые разбудили его. Дверь на второй этаж надсадно скрипнула. Митя вздрогнул и остановился.

Затем с опаской чиркнул спичкой. Верхняя комната была поменьше. Вокруг царил хаос. Возле окна, выходявшего в сад, стоял диван, заваленный тряпьем.

Митя зажег еще спичку и... чуть не вскрикнул. Мешки на диване шевельнулись, под ними укрывался человек. Он спал. Мите стало страшно неловко, и мелькнула мысль: бежать! А за ней другая: что, если проснется? Кто этот человек на диване? Почему он оставил дом незапертым и разлегся здесь как хозяин? Митя представил, что сейчас человек проснется и спросит:

«Кто такой, что надо?»

А потом затеет шум, посчитает его за вора, скрутит, потом объясняй, какая нечистая сила занесла ночью в чужой дом?

В голове стало проясняться. На ум полезли гадкие мысли, почудилось, что кто-то ехидно спрашивает с дивана: «Размечтался? Зашел в чужой дом и считаешь — он твой? Эх вы, мужики! Только и умеете, что мечтать...»

Голос показался знакомым, где же он слышал эту интонацию? Ну да, это же Татьяна! Откуда она здесь?

Спящий человек всхрапнул, заворочался.

Митя попятился, боясь что-либо опрокинуть. Он быстро миновал нижнюю комнату, веранду и только на крыльце вздохнул свободно. И тут же появилось злорадное чувство: чего это я испугался? Ну и пусть бы проснулся, пусть шум поднял... Да и пьян он, куда ему проснуться, если весь дом нараспашку бросил... А может, это и не хозяин вовсе, а так, бродяга приبلудился, негде было ночевать, вот и забрался... А замок этот любым гвоздем можно открыть — все равно, что плюнуть.

Митя поддел пальцем висевший замок, крутнул в руке, размахнулся и швырнул его в глубину сада. Про себя хозяев выругал: особняк отгрохали, а денег для врезного замка пожалели, тоже мне, владельцы! Он еще долго стоял на крыльце, пока не ощутил, что наваливается усталость и клонит ко сну. Митя

взглянул на небо, и странное чувство безысходности охватило его. Нестерпимо захотелось закурить, хотя он эту привычку еще в армии бросил. Митя посмотрел на тусклый, смутно расплывающийся дачный переулок, и он показался ему мертвым, холодным, словно несуществующим. Тишина дачного поселка была угнетающей. Мите стало не по себе, он растерянно вздохнул и пошел в сторону Ларискиной дачи. Под ногами чавкала грязь и хлюпали зеленые лужи. Где-то за поселком, за лесом, намечался туманный рассвет. А здесь, над дачными домиками, еще царила безрадостная ночь.

Митя так и не понял, разбудили его или он сам проснулся. Жутко болела голова. Во рту было сухо и хотелось пить. Неприятно покалывало в левом боку. Интересно, который час? То, что во дворе день, можно догадаться по слабому свету, который сквозил в окно. Во времянке было сыро. Митя подтянул одеяло на грудь и почувствовал, как зябнут ноги.

Из-за стены, из сада, послышался смех. Следом затараторил Федор. В домике проснулись, подумал Митя. Припомнилось все вчерашнее: пережаренный шашлык, тосты за именинника, скрипящий патефон, танцы в саду, Марина... тьфу ты!... чужая дача, незнакомец...

В дверь постучали, прозвучал голос Ларисы:

— Дмитрий, ты живой? Проснулся?

— Да, проснулся, — неохотно отозвался Митя.

Лариса появилась с хитроватой улыбкой, и он догадался, что она, скорей всего, знает о происшедшем с Мариной. Они, бабы, такие — не могут, чтобы не посплетничать! Интересно, чего эта рыжая на меня так поглядывает?

— Какой час? — спросил Митя.

— Половина второго. Мы сами в двенадцать поднялись.

Митя озабоченно почесал голову, досадуя, что день почти прошел.

— Завтракать будешь? — спросила Лариса.

— Не-е, не хочу. Голова разламывается.

— Федор тоже мучается. Бедные вы, мужики!

— Зато вы счастливые! — огрызнулся Митя.

— А к нам гости с утра приехали, — радостно сообщила Лариса, продолжая хитро улыбаться.

— Это кто же, сын писателя, что ли? — ухмыльнулся Митя. — Видно, распогодилось, что решился? Нельзя же случай упускать, такая девушка...

— Нет, не угадал, — остановила его Лариса. — Ладно, пусть Федор скажет. Он сейчас тебе лекарство принесет.

Лариса вышла. Митя полежал еще минуту, размышляя, кого это к имениннику принесло, затем нехотя поднялся, чувствуя, как боль в голове усиливается.

Дверь распахнулась, и вошел Федор.

— Привет, мужик! Ты здесь не замерз?

Митя увидел, что в руке он держит бутылку и стакан.

— Давай подлечимся.

— Откуда коньяк, вчера ведь не было?

— Спасительница привезла...

— Какая такая спасительница?

Митя взял протянутый стакан и быстро опрокинул в себя. Обжигающая жидкость заполнила изнутри грудь.

— Держи конфетку, закуси.

Митя съел конфету и вопросительно посмотрел на Федора.

— Так кто приехал?

Федор выпил, затем задумчиво выглянул в окно.

— Понимаешь, старик... Тут такое дело, я, собственно, ни при чем, это все Верка, она...

— Чего ты резину тянешь, говори толком.

— Ну, в общем, она вчера, после меня, позвонила твоей Татьяне, сказала, куда мы едем... Вот Татьяна и приехала.

— Что-о?! — Митя поперхнулся и закашлялся.

— Старик, я не виноват, честное слово!

Митя тяжело задышал, ему показалось, что голова сейчас расколется пополам. Он прикусил губу и дернул из рук Федора стакан.

— Налей... еще...

— Старик, я Верку предупредил, что у вас что-то не то...

— Да пошел ты со своей Веркой...

— Старик, я сам этого не ожидал. Она к двенадцати приехала, пока разыскала нас, разбудила... Слушай, может, это к лучшему? Хочешь, я с ней сам поговорю. Она с бабами в комнате сидит, они там что-то готовят... Она две бутылки коньяка привезла, все класс, старик!

Митя поднялся с тахты и презрительно посмотрел на Федора. Тот показался каким-то жалким и убогим.

— Эх ты, друг... Сгниешь со своей Веркой.

— Не понял, — растерянно произнес Федор.

— Подрастешь, поймешь.

Митя ногой толкнул дверь и вышел в сад. Там никого не было, все находились в домике. Не дай бог встретиться, подумал он и быстро прошел к калитке.

— Ты куда? — выскочил из временки Федор.

И, не услышав ответа, в недоуменье замер. Затем снова закричал:

— Ты что, обиделся?... Во псих!

Митя даже не обернулся на его вопли. Хотелось быстрее уйти от этих людей, от Татьяны, которая притащилась специально, чтобы посмотреть на его унижение, а может, и пристыдить при людях. Что, если она обнаружила исчезнувший червонец?..

Ноги сами несли Митю и так же невольно остановили его возле той дачи, в которую он забрел ночью. Еще засомневался, может, не она? Но разглядел резную вязь над крыльцом и понял: она самая, похожей дачи поблизости нет.

Митя без робости подошел к калитке, отворил ее и прошел мимо сияющей осенним золотом смородины к веранде. Он успел сделать несколько шагов и остановился: в саду возился человек. Это был старик, в серой телогрейке и соломенной шляпе. Он старательно вдавливал в землю лопату, откидывал и разбивал черные маслянистые комья, окапывал яблоньку. Митя разглядел, что у старика редкая клочковатая борода, крючковатый нос.

Неужели это он спал ночью на диване?

Митя растерянно затоптался у веранды, не зная, идти ему дальше или повернуть обратно? Может, подойти к старику и спросить. А что спросить?

Старик приподнял голову и заметил Митю. Он аккуратно воткнул лопату, стряхнул землю с сапог и неторопливо направился к неожиданному гостю.

Лицо у старика было бледное, сморщенное. Спрятались в нем маленькие глазки, которые, словно буравчики, сверлили Митю насквозь.

— Чо надо? — с хрипотцой спросил старик.

Митя совсем растерялся.

— Это... Как ее? Колонка с водой где?

— Колонка? — переспросил старик. — Колонка через два дома будет, на той стороне... А еще чо надо?

— Ничего, — Митя пожал плечами.

— Тады ступай, неча по дворам шастать, — буркнул старик и, повернувшись, широко расставляя ноги в кирзачах, побрел к оставленной лопате.

— Иди, иди! Неча тут зыркать! — уже обернувшись с тайной угрозой в голосе, бросил он Мите.

Митя стоял, оглушенный головной болью, приездом Татьяны и грубостью старика. Затем он очнулся и побрел через весь дачный поселок к сосновому бору, за которым пролегла дорога. Там была остановка и три раза в день ходил автобус.

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ЛЮБВИ

Вагон качнуло, и он увидел, как мягко поплыли за окном тени. От светящихся фонарей пролетевшего полустанка рассыпались искры. Кто-то из женщин тяжело вздохнул:

— Слава богу, кажется, тронулись...

Тут же сбоку встрял старческий голос:

— Помолчала бы, сглазишь еще...

Говорившая возразила:

— Да сколько можно? Целый день стоим, не дай бог еще ночь доведется... Это ж с ума сойти.

В вагоне повисла тишина. Люди еще не верили, что поезд и в самом деле тронулся с места.

Движение было радостное, и он ощутил это в душе. Если бы еще можно было забыть весь долгий и томительный день, забыть и стряхнуть его с себя так, словно ничего и не было.

В темном окне отсвечивала мокрая блеклая листва деревьев и кустарников. Поезд шел медленно. Над лесопосадкой

проступали пятна темно-багрового неба — где-то поблизости раскинулся большой город. Пассажиры замерли, уткнулись в окна. Ждали, когда увидят причину столь длительной остановки — следы железнодорожного крушения. Так им объявили. Они должны были увидеть, наверное, испытать нечто такое, чего раньше никогда не испытывали, — так он думал, глядя на них.

С мыслью о том, что опоздал в столицу, он свыкся и успокоился. Опоздал на сутки. Хотя какое это имеет значение? Ничего страшного не случилось. Надо только эти сутки затормозить в самом себе, вычеркнуть и забыть. Ничего не было за эти сутки. Не было, разве только... крушение. Но его еще надо увидеть. Интересно, о чем думают пассажиры? Например, вот эта девушка, симпатичная, даже красивая. Она вчера улыбнулась ему, когда он появился в вагоне. Она тоже не спит, сидит у окна и ждет, когда же проедут место крушения.

Напротив них расположилась супружеская пара. Жена залезла на верхнюю полку и тербит мужа.

— Витя, если увидишь, разбуди...

Муж, со свежей щетиной на подбородке, успокаивает:

— Ладно тебе, спи... Разбужу.

Жену зовут Оля. Она опустила с полки руку, и муж гладит ей ладонь. Витя не хочет спать. Он целый день рассказывал всякие ужасы про аварии и даже хвастался, что в Подмоскovie один раз уже наблюдал крушение поезда. Можно представить, как этот Витя, дождавшись желанного момента, будет потом рассказывать, что был свидетелем двух крушений.

Когда эта пара вошла в вагон, Витя был более чем скромен. Он больше молчал, а за него говорила жена. От этого она казалась умнее. Еще тогда ему подумалось: о чем они говорят перед сном, дома, когда одни? Витя ведь такой неинтересный и скучный. Не будь его рядом, можно было бы мило побеседовать с его женой, тем более чувствуется, что ей небезразлично внимание мужчин... Нет, это, конечно, все глупо, так нельзя думать. Но для чего тогда стройные загоревшие ноги и кру-

глые коленки, ненароком выглядывающие из-под короткого цветастого халатика?

Он медленно посмотрел вдоль прохода. Торчали чьи-то головы, босые ступни, высывались чемоданы и сумки — все было как в тумане. Но все это двигалось — лица, тела, вещи, — и становилось легче. Пусть движутся, лишь бы время не замирало на одном месте. Иначе они так томительны, эти минуты, секунды...

Поезд начал сбавлять ход. В вагоне притихли. Знакомый старческий голос проворчал:

— Я же говорил, дура, не каркай, сглазишь...

Начались пересуды и в других местах, набирая обороты, загудели голоса.

— До чего же год неудачный... Все аварии и аварии. Разве такое было когда?

— Было, — выдал чей-то уверенный голос. — Все было, только тогда мы этого не знали. Сейчас гласность, а тогда от народа все скрывали, все молчком...

Он поднялся и пошел в тамбур — решил перекурить. Заметил, что улыбавшаяся ему девушка тоже поднялась, направилась следом. Он приостановился, придержал дверь и пропустил ее вперед.

— Спасибо, вы очень любезны...

«Причем тут любезность? Зачем она эту глупость сказала? И голос тонкий, знакомый... почти Катин».

И тотчас от всех мыслей отрешился, крушение стало далеким и нереальным, а девушка стояла близко и улыбалась. Он сразу не понял, чему она улыбается, и только догадался, что она что-то спрашивает.

— У вас есть спички?

— Ах, да... спички, — спохватился он.

Потом они закурили, и невзначай завязался разговор — опять же об авариях и крушениях. Стали пересказывать друг другу то, что слышали. Он рассказал, что буфетчица сообщила, будто восемь вагонов перевернулись и упали в болото. Она

возразила: не вагоны упали, а два поезда сшиблись, кто-то не туда стрелку перевел.

Они говорили всякую ерунду, и ему было приятно стоять рядом с этой девушкой. Дверь из вагона была открыта. За насыпью темнела лесопосадка, изредка проходили люди. Прошла женщина в оранжевой безрукавке, и он поинтересовался:

— Не скажете, когда поезд пойдет?

— Путь расчистят — и тронется... — буркнула женщина.

После этого несколько минут они курили и молчали. Девушка что-то спросила, и он снова разговорился. Он знал, что умеет интересно рассказывать. Она слушала, вздыхала, улыбалась, опять вздыхала и удивленно охала. И тут он понял, что нравится ей. Да, именно нравится. Это, конечно, плохо по отношению к той, к кому он едет... И ему эта девушка понравилась, сейчас, в этот момент, когда он должен быть в Москве рядом с другой. Тогда почему он стоит с этой девушкой? Может, она ему как избавление дана? Но от чего? От мыслей, от дурацких страданий?

Не понял сам, как получилось, что протянул руки и положил ей на плечи. Бережно привлек к себе, ощутил теплый привкус губ — и оба замерли, растерянные, недоумевающие.

Дернулась дверь, и в тамбур кто-то вошел. Они отпрянули друг от друга. Мужчина перешел в соседний вагон, и он опять притянул ее к себе, услышал шепот:

— Не надо... Сейчас кто-нибудь войдет.

Шепот обжег его, он был томный, и показалось, что они вдвоем в комнате, никого нет, и только лиловый полумрак окружает их. Они одни, и никто им не нужен. И еще он услышал голос — вздернутый, со злобинкой, обвиняющий его во всех смертных грехах. И он отчетливо вспомнил, как на стене появилась большая тень.

Большая тень появилась на стене, потому что настольная лампа стояла на полу, а она, раздетая, присела на край дивана.

— Ты свое получил и больше не трогай меня. Между нами все кончено. Ты это понял? Мне от тебя ничего не надо.

Он растерянно молчал. Что ему было сказать? Она права, только по-своему, по-женски. Но разве так можно рассуждать? Произойди бы это все позже, пусть на день-два, что бы изменилось? Ведь он теперь еще лучше, теплее относится к ней... Теперь для него она самый дорогой человек. Так почему же теперь он превратился для нее в ничтожество?

— Прости, Катя, но так нельзя жить... так, как ты сейчас живешь. Ты совсем не хочешь подумать, что будет завтра.

Сказал и не поверил, что это он сказал. Нет, это кто-то другой, чужой, это не его слова.

— Я ничего не хочу. Мне не нужно завтра. Я прекрасно знаю, что было сегодня. Этого мне достаточно, и все ясно. Давай прекратим болтовню, я хочу спать...

Он почему-то представил, что она сейчас оденется и уйдет. И они больше никогда не увидятся. А может, это и к лучшему — уйдет, и ничего не останется. И на душе станет легче.

— Пойми, ты не безразлична мне. Я целый год думал о тебе, ждал этой встречи...

— А ты мне безразличен. Давай спать. Хватит. Ты свое уже получил. Чего тебе еще надо?

— Прекрати! — он не сдержался. — Иначе я скажу гадость.

— Ах, вот мы какие! Мало того, что ты сделал гадость, теперь еще хочешь меня оскорбить? Ну что ж, валяй! Говори!

— Нет, я ничего тебе не скажу...

— Тогда потерпи до утра. Скажешь утром. Можешь не волноваться, никуда я сейчас не уйду... Сейчас я хочу спать, а утром улечу домой. Думаю, ты не будешь возражать.

— Но ведь ты сказала, у тебя еще три дня отпуска? Мы хотели поехать к морю и там отдохнуть...

— Ты что, ничего не понял? Я ведь русским языком объяснила, что между нами уже ничего не будет!

— А что было?

— Ничего не было.

Он помолчал и неизвестно зачем спросил:

— Как же ты будешь жить? Развелась с мужем, о будущем думать не хочешь...

— Не твое дело. Моя жизнь меня устраивает. И хватит болтать, я устала.

— Катя... — он потянулся к ней, хотел поцеловать.

— Что еще? — неприязненно спросила она. — Прекрати, надоело... Да пойми ты, надоело мне это все! Надоело!

Ее слова показались ему криком. Жалобным и беспомощным. Они замолчали. Господи, что еще ей можно сказать? Чем пробить стену, за которой должно быть человеческое сердце? Нет, не пробьешь. Он сам виноват, она права. Он нетерпелив и всегда привык опережать события в этой своей глупой жизни. Бесплезно исправлять совершенную ошибку. Она упряма, она не захочет начать все заново. Она из тех, кто с характером. Противоречивая, заблудившаяся женщина. Таких особ он уже встречал. А ведь ей только двадцать пять лет. Три месяца назад она оформила развод с мужем, по ее словам — недотепой. Затем уехала в отпуск, на обратном пути заглянула к нему. Просто так, как к старому знакомому. Случайному знакомому. Она даже не подозревала, как ждал этой встречи он, как томился. Писем, которые он от нее получал, ему было мало. И поэтому произошло то, что бывает, когда мужчина и женщина остаются одни... Это он так захотел. Ладно, пусть это произошло, но ведь от этого они стали только ближе. И, тем более, подобное происходило у нее не раз. Она сама обыденным тоном проговорила, что ей не впервой общаться с разными мужчинами... А разве приятно ему было это слушать? Так почему сейчас между ними выросла стена, откуда это холодное равнодушие и презрение к мужчине, которому она очень и очень не безразлична? Он и сказал ей об этом, честно и откровенно — ты мне нужна как друг, как человек, как женщина...

А она ответила, не задумавшись: «Между нами все кончено!»

Что кончено? Ведь ничего и не начиналось...

«И не начнется!» — засмеялась она.

Это бесило. Захотелось надавать ей пощечин, выгнать на улицу. На душе было мерзко, потому что он догадался — она его считает ничтожеством.

Но ведь оно есть, это чувство, которое живет в нем и, словно кислота, разъедает душу, не дает покоя. И тогда он испуганно признался: Катя, неужели ты не понимаешь, что я люблю тебя? Я не могу произнести эти слова вслух. Я знаю, что ты ответишь мне на это: когда любят, так не поступают. А как поступают? Я не знаю, и откуда мне знать, что такое любовь? Все, что я испытывал раньше, это напоминало глупую игру в чувство, про которое пишут в книгах или показывают в кино. А сейчас я не могу объяснить, что происходит со мной. Мне плохо без тебя. Мне одиноко. Это как безумие, как бред... Катя, почему ты молчишь? Ты ведь рядом, неужели ты не можешь прочитать мои мысли? Ну, скажи хоть слово.

Она недовольно потянулась, ощутив на плече его руку:

— Чего ты еще от меня хочешь? Не надо...

— Не надо, — произнесла девушка, освобождаясь из его рук. — Что-то стало прохладно, я пойду, возьму свитер. И сигареты прихвачу, у меня еще пачка в сумке. Неужели мы сегодня так и не поедем? Это как пытка — ждать...

— Да, как пытка... — рассеянно произнес он.

И подумал: если бы она была на месте Кати? Смог бы он почувствовать к ней то же самое? Ведь она ничем не хуже, даже приятнее и покладистей, верит каждому слову, хотя он и не клянется, что говорит правду.

А Кате он хотел сказать и сказал правду, но услышал в ответ: мне от тебя ничего не надо.

Почему? Разве ты не человек? Разве тебе не нужен друг? Разве женщине не нужен мужчина, который должен любить ее, оберегать, защищать от несправедливости и неприятностей?

Он ей сказал: неужели тебе не нужен друг, обладающий высокой жизненной потенцией? Она усмехнулась: спасибо, у

меня самой достаточно жизненной потенции. Как-нибудь без защитников проживу. Дай бог от таких, как ты, защититься.

Это она на остановке сказала, утром, когда он провожал ее в аэропорт. Она села в автобус и даже не взглянула в его сторону...

— А ты знаешь, почему произошло крушение? — спросил он вернувшуюся девушку. — Потому что я не так давно совершил плохой поступок. Когда человек совершает плохие поступки, в окружающей жизни случается какая-либо неприятность.

Девушка улыбнулась.

— А что, кроме тебя, никто больше не совершает плохих поступков?

— Я пошутил... — тихо произнес он.

— А я подумала — серьезно, — голос девушки звучал живо. Ей хотелось поговорить с ним, поиграть или, как он называл это, «поумничать». — Я вчера тоже совершила плохой поступок. Не отправила маме телеграмму. Специально, чтобы еще два дня побыть у подруги. У нее есть дача, и мы туда выезжаем компашкой. Знаешь, как весело!

Кому весело? Ей и ее друзьям? Ну да, весело... Девушка неожиданно стала ему неинтересной, такой же, как все. И тут он поймал себя на мысли: неужели после той ночи точно так же подумала о нем Катя? Такой же, как все мужчины! И после этого она перестала верить его словам, не захотела слушать...

Молчание длилось долго. Девушка докурила сигарету и, видимо, ждала, когда он начнет рассказывать ей смешные истории, потом будет целовать, и им будет хорошо. И не надо думать о крушении, что поезд стоит больше суток, что ему плохо и скорее хочется попасть в Москву. Чтобы сказать то, чего он не успел, не смог сказать тем утром.

Утром они не разговаривали. Катя молча оделась, равнодушно позавтракала, подошла к зеркалу и стала причесываться.

— Я тебя провожу, — сказал он.

— Как хочешь, — она пожала плечами.

Он подумал о том, что надо продолжить ночной разговор. Но по тому, как Катя решительно собирала вещи, он догадался, что ей этот разговор не нужен.

Она перекурила, и они вышли на улицу. Жухлая трава на газонах еще пыталась согреться под солнцем. Как-то не верилось, что недавно еще было лето.

В аэропорт ходил автобус-экспресс.

Он подумал, что можно сделать путь длиннее. Предложить ей поехать на троллейбусе, с пересадкой на железнодорожном вокзале. Это даст ему возможность побыть с ней еще полчаса. Но зачем, для чего? Если она сейчас уедет, ему же станет легче. И он спокойно скажет себе: финита ля комедия. Поиграли в любовь — и баста!

На остановке экспресса он произнес:

— Не волнуйся, через двадцать минут будешь в аэропорту.

Она оставила чемодан и зашла в кассу, напротив остановки, посмотреть расписание. Чемодан у нее был старый, потрепанный, перетянутый ремнями... Он усмехнулся: сколько же ты с ним объездила, лягушка-путешественница... На остановке стоял морской офицер, рядом с ним красивая женщина с букетом цветов. Он вспомнил, что Катя не взяла цветы. Вчера, встречая ее, он купил букет красных роз. Она оставила их в комнате, в кувшине. Он забыл об этом букете, она же оставила специально. В прошлом году, когда они случайно познакомились, провожая, он подарил ей букет хризантем. Она потом в письме написала, что хризантемы так долго стоят в вазе и не вянут. И добавила, что есть такая примета: если цветы долго не вянут, то их подарил добрый человек.

Катя вышла и невозмутимо сообщила, что рейсов на Москву предостаточно и каким-нибудь из них она улетит. Она говорила с подтекстом: его присутствие рядом не обязательно.

— Автобус через пять минут, — сказал он. — Если моя помощь не нужна, то я пошел...

— Нет, не нужна, — ответила она и отвела глаза в сторону.

«Не нужна...», — отпечаталось у него. Как все просто: иди, мол, ты мне больше не нужен. А кому ты нужна? Кому? Стало обидно, и захотелось сказать ей что-нибудь горькое, колкое.

— Знаешь... Знаешь, кто ты?

Катя презрительно посмотрела на него.

— Ну, что еще?

Подкатил автобус, и он ничего не сказал. Поднял ее чемодан, хотел было подать руку, но она вошла в автобус сама. Он равнодушно, как мог, бросил:

— Пока! Счастливого полета!

Она села возле окна и не захотела взглянуть на него.

Все, подумал он, никакой надежды. Ничего нет. И ничего не было. На душе стало скверно. Он пошел бродить по улицам, невыспавшийся, с тяжелой головой. Ходил долго, пока не понял, что ему не хватает Кати, этой бездушной женщины, этой... Он стал придумывать ругательства в ее адрес, но легче не становилось. Ему нужна была только Катя, только она. Чем больше он ругался и проклинал ее, тем больше в его душе освобождалось места именно для нее. Никем другим это пространство заполнить было нельзя. Так же, как невозможно было избавиться от этого треклятого чувства.

Он быстро зашагал к остановке автобуса-экспресса, подумал, что, может, она не уехала. Может, она все поняла, прочла его мысли, раскаялась и вернулась обратно? Сидит где-нибудь на скамеечке в сквере и ждет, что он разыщет ее.

На остановке и в сквере никого не было. Значит, все-таки она уехала. И теперь в аэропорту.

Он сел в подошедший экспресс. Автобус покатил через город. Он прикидывал время: прошли часы, могла ли она уже улететь? Надо было взглянуть на расписание, а он не догадался.

До аэропорта оставалось немного, и вновь жуткое сомнение посетило его: что он ей скажет? То, что говорил ночью? Но она отказалась поверить ему. Сможет ли он сейчас убедить ее?

Ведь все, что произошло между ними, глупость... Так бывает у каждого мужчины... Почему у каждого? И как это все

будет выглядеть: он упрасивает женщину, чтобы она поверила в искренность его чувств. И простила его. Этого, что ли, он от нее хочет?

Он не доехал до аэропорта. Вышел в пригородном поселке, пересел на троллейбус и вернулся в город. Через два дня взял железнодорожный билет в столицу.

Москва встретила его зимним холодом. Он зябко поежился, достал из дорожной сумки свитер и куртку. Семейная пара распрощалась с ним, пообещав, что на следующий год снова вырвутся на юг и обязательно разыщут его. Оля потребовала адрес, а Виктор дружески похлопал по плечу. Девушка, с которой он целовался ночью, вышла рано утром в Орле. Он попросил разбудить его, когда она будет выходить. Но она не разбудила. Это и лучше. Значит, не сочла нужным.

Курский вокзал закрутил и поднял его, понес в потоке пассажиров к себе в чрево. Сразу же стало неудобно. Он слишком нетерпеливо ждал этого приезда в Москву, а теперь подрастерялся. Не знал, кому раньше звонить: старому другу или сразу ей? И звонить-то не хотелось, все вокруг было какое-то чужое.

Где-то в записной книжке номер ее рабочего телефона. Она должна быть сейчас в своем институте. Как было бы легко, если вычеркнуть последнюю встречу! Тогда бы он сказал в телефонную трубку: «Привет! Узнаешь? Это я приехал».

Она бы не узнала его, конечно. Откуда ей помнить? И тогда бы он рассмешил ее, сказав, что звонит тот самый человек, который когда-то на пустынном берегу моря предложил ей горячий кофе. А она удивилась: откуда здесь кофе? Ну что, теперь вспомнила? Последует несколько секунд молчания, и растерянный голос спросил бы:

«Так это ты? В Москве?»

Он бы снисходительно пожал плечами и ответил:

«А почему нет? Я проездом. Понимаешь, командировка на Север, и решил позвонить...»

И уже совсем ненавязчиво предложил бы встретиться...

Он долго рылся в карманах, искал двухкопеечные монеты. Вдоль стены подземного перехода прилепились телефоны.

Набрал номер и стал ждать. Трубку взяла женщина. Было слышно, как рядом заплакал ребенок.

— Кого? Володю? Его нет, он еще на работе... Что передать? Кто спрашивал?

— Друг...

— Какой друг? Вы можете сказать?

Его разобрала злость. Он не любил, когда его так дотошно расспрашивали.

— Старый друг. Я позвоню позже.

И опустил трубку, чтобы не продолжать бессмысленный разговор. Вспомнил: Володя еще год назад писал, что собирался жениться... Может, это его жена или теща?

Достал еще одну двухкопеечную монету.

— Алло! Можно к телефону Катю Чернецову?

— Нет Чернецовой, — ответил мужской бас.

— Как нет? — удивился он. — Она что, не работает у вас?

— Работает. Только ее с утра отослали в управление. Будет после обеда.

— Спасибо.

Он взглянул на часы. Было двенадцать. Хотелось есть. Вспомнил, что где-то неподалеку была столовая. Тяжело вздохнув, подумал, что сумку лучше оставить в камере хранения. Не таскаться же с ней по Москве. Тем более по такому холоду.

Хотелось в тепло, с головой под одеяло и ничего не видеть и не слышать.

Когда он позвонил снова, ответил тот же бас:

— Подождите минуту...

И словно бы из небытия возник ее голос:

— Алло? Кто меня спрашивает?

Он растерялся, что и как ей сказать?

— Я слушаю, что вы молчите?

— Здравствуй, Катя. Это я.

— Ну и что дальше?

— Катя, я хочу с тобой встретиться.

— Зачем? Честное слово, ты какой-то странный. Я же сказала, что все. Между нами все кончено. И ничего не было, понимаешь? Не звони мне больше, у меня много работы.

Она положила трубку. Он ощутил себя маленьким и брошенным, стоял в телефонной будке и не знал, как быть. Для чего он приехал? Хотел поговорить с ней, объяснить, доказать...

Снова ответил знакомый бас:

— Кого?.. Чернецова, опять тебя.

— Да, я слушаю.

— Если ты бросишь трубку, я стану звонить непрерывно. Выслушай меня.

— Хорошо, я слушаю.

— Нам надо встретиться, хоть ненадолго...

— А я не хочу с тобой встречаться.

— Не перебивай. Давай встретимся и поговорим. Мне нужно сказать тебе что-то важное. Ради этого я приехал. Давай встретимся, а потом поступай, как сочтешь нужным.

Она молчала, думала.

— Ладно, жди меня в пять у метро «Баррикадная», на выходе.

— Я буду раньше.

— Это твое дело. Все? Мне надо работать.

Теперь он ее увидит. Теперь он спокоен. И он скажет все, что думает. Точнее, что думал последние дни после ее отъезда. А если она не поймет, не захочет понять... Тогда что? Он этого не знает. И не хочет знать. До встречи еще три часа. Масса времени. Его надо убить. Только как?

Когда он добрался до станции метро «Баррикадная», времени по-прежнему оставалось много...

Погода окончательно испортилась. Над столицей клубились сизые сумерки, моросил дождь. Когда он вышел на Садовое кольцо, сверху посыпались хлопья мохнатого снега.

Куртка промокла, только теплый свитер спасал его. Он вернулся к станции метро и несколько раз обошел ее вокруг. Ему

вспомнилось, что где-то поблизости должна быть пельменная. Пора, в конце концов, поесть.

Пельменную разыскал быстро. Дверь приоткрылась, и на него пахло теплом и кухней. Через весь зал к выходу тянулась очередь. А он не переносит очередей. Вышел на улицу и попытался вспомнить, где тут поблизости может быть кафе. Кажется, в зоопарке. Когда-то два года назад летом с товарищем заходили в зоопарк и в небольшое кафе на его территории.

Он взял билет и прошел через ворота. Билета никто не спросил, контролер куда-то отошла. Он вспомнил, что ему дали два билета, один на старую территорию, другой на новую. Кафе должно находиться на старой территории.

Впереди, сквозь заштрихованный снегом воздух, темнел большой, обмерзший по краям водоем. На его смолистой поверхности толпились утки, лебеди, гуси... Птицы словно бы специально собрались сюда, в центр столицы, чтобы переждать холодное время года. Одна из птиц пронзительно закричала. Это был крик, похожий на стон женщины. Крик завис над тягучей тишиной зоопарка.

На двери кафе висел замок, оно оказалось летним. Через стекло было видно: перевернутые плетеные кресла громоздились на столах.

Не спеша он побрел вдоль ярких плакатов, призывающих беречь зверей и птиц, мимо пустых клеток, обитатели которых спрятались от холода. Так он обошел старую территорию и перешел на новую.

Посетителей было немного. Три мамы водили по тропинкам тщательно укутанных детишек. Он услышал, как маленькая девочка спросила:

— Это северный медведь?

— Да, это белый медведь, — рассудительно ответила мамаша. — Не будешь меня слушать — он тебя съест.

Ветер поутих, но продолжал моросить дождь. Кажется, потеплело. Он устал, захотелось присесть. Скамейки были

сырые. Тогда он прошел по аллее, в самый дальний конец, и уселся на спинку скамейки, напротив вольера.

На табличке было написано, что здесь обитают ламы. Небольшое стадо красивых животных бродило вдоль сетки, подбирая разбросанное клочьями сено.

Он подумал, как должно быть одиноко им здесь, вдали от родных мест. Если у них есть душа, то в ней царит такая же грусть и тоска, что и у него.

Чей-то взгляд странным образом привлек его внимание. Вплотную к сетке подошла лама, она смотрела на него в упор, не мигая. Он вздрогнул. Ему стало жутко от мысли, что на него смотрит другой человек.

Словно во сне, он закрыл глаза и увидел самого себя. Худощавый молодой мужчина в мокрой зеленой куртке и спортивной шапочке сидит на спинке скамейки и безразлично смотрит на окружающий мир. И тут он понял, что видит самого себя глазами ламы. И она сочувствует ему — человеку. Человеку, обреченному на вечные мучения от непонимания, не знающего, где искать выход. Человеку, безнадежно ожидающему покоя, того покоя, который приходит с дождем и снегом.

Он еще раз взглянул на ламу. Она уже отошла к стаду и лениво подбирала клочки сена. Теперь он знал, как ему жить дальше. Он не пойдет на свидание, оно ему не нужно. Ему нечего ей сказать. Все, что надо было сказать, он сказал самому себе. Он осознал, что вопрос отношений между ним и Катей, между мужчиной и женщиной, решил сам собой, остался где-то позади. Как все то, что мучило его. А быть может, его никогда и не было? Может быть, ради этого и стоило сюда приехать?

Снег сыпал чаще. Снежинки большими белыми шарами опускались на землю. Приятное оцепенение охватило его.

Он сидел и ждал, когда перестанет сыпать снег и снова пойдет дождь.

НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ ОДНОГО

Худощавый мужчина в потертом плаще долго ждал, пока тепловоз протянет весь состав, пришедший с юга, и затормозит у зловеще красного огня. Сухо лязгнули стыки вагонов. Мужчина заспешил в самый конец состава, где затерялся вагон с двенадцатым номером. По пути он оглянулся на окна, прихваченные пленкой первых заморозков, разглядел расплывчатые лица.

Вывалили на перрон пассажиры. Облаченные в пальто и куртки, измученные дорогой, судорожно вцепившись в чемоданы, они ринулись сплошной толпой ему навстречу, сбивая друг друга.

— Посторонись! — раздался зычный голос носильщика.

Мужчина втянул голову и торопливо отсчитывал: восьмой, девятый...

Опять на него натолкнулись, выругали, обозвали олухом, а он не ответил, так как знает, что она уже там, возле вагона.

Стоит и беспомощно озирается по сторонам, разыскивая его взглядом. Еще подумает: а вдруг телеграмму не получил или, не дай бог, случилось что?

— Саша!.. Сашенька! — прозвучал родной голос, словно теплый воздух лицо ополоснул.

Он закрутил головой. Совсем близко завертелись в заиндевевшем воздухе снежинки, а еще ближе — лицо матери, ее добрые глаза, окруженные сеточкой морщин.

И вот они рядом, эти глаза, взволнованные и растерянные. Снова смотрят на него, как тогда, когда мальчуганом бегал по саду, когда возвращался с разбитым носом после уличных потасовок, когда приносил дневник с двойкой. Как смотрели участливо и спасительно, когда лежал в больнице и мучался от нестерпимой боли, и ничто не помогало, даже лекарство. Но когда видел эти глаза, становилось легче.

— Здравствуй, мама... — смущенно произнес он. — Как хорошо, что ты приехала.

И улыбнулся ей по-детски, а она, маленькая и сухонькая, почти невесомая, прижалась к нему и чмокнула в щеку. Затем, застеснявшись, начала тереть платком ставшие влажными от негладанных слез глаза.

— Ну, чего ты, мама?.. Все хорошо ведь, ничего не случилось.

А сам ощутил, как пересохло от волнения в горле, запершило горько и остро, и, чтобы утихомирить перестук сердца, глотнул прерывисто холодный воздух.

— Пойдем, мама, пойдем...

Он подхватил ее старенький, памятный ему с детства чемодан — отец после войны еще покупал — и, придерживая мать за руку, слился с поредевшим водоворотом пассажиров. Они окунулись в подземный переход, в недра вокзала. И, решив ехать не на метро, переводя дух от тяжести чемодана, он вышел к стоянке такси и пристроился в хвост очереди.

— Как добралась? Что дома? Как отец? — потирая покрасневшие руки, спросил он.

И мать, никогда не любившая железную дорогу — досталось помыкаться в молодости, — начала рассказывать о попутчиках, кто куда ехал, затем об отце, который один дома остался, за хозяйством присматривать, сожалея, что у него льготный билет пропал. Предлагала и ему поехать, но не согласился.

— А что, Вадим Николаевич заходит к вам?

Мать отрицательно головой качнула и стала рассказывать, что Вадим Николаевич, сосед, бывший его учитель математики, месяц как в больнице лежит. Опять что-то с почками, говорят, на этот раз серьезно, операцию будут делать. В последний раз его видели, так он совсем высохший и желтый; лица на нем нет.

Очередь почти не движется, и он начал нервничать: мать ведь с дороги устала, а тут еще приходится на ногах стоять.

Мать покосилась на него и робко спросила:

— Может, в метро поедем? Так давно на метро не ездила.

И ему стало стыдно, словно жаром прохватило. Подумал тут же со стыдом: ко мне в кои веки мать приехала, первый раз в большом городе, а я по-человечески встретить не могу, в легковой машине провезти, без толчеи и сутолоки.

— Ты, мама, постой, я сейчас, мигом!

И, поймав ее жалостливый взгляд, заторопился на другую сторону привокзальной площади, где автомобильные «калымщики» крутятся, пассажиров перехватывают.

— Куда надо, гражданин?

И подойти не успел, как разглядели, ухватили — ну и дошлый же народ! — и один, самый напористый уже цену заламывает, «пятерик» просит. Да что он, торговаться с ним будет, что ли? Мать к нему в столицу приехала впервые с тех пор, как обосновался здесь. Что же он, для нее денег пожалеет? Все равно их не было и нет, а если чего — в долг у ребят перехватит. Это же не на бутылку, а для матери.

А сколько она за свою жизнь на него потратила?хлопоты и заботы, разве все деньгами оценишь? Да о чем речь, она и

сейчас, видно, полный чемодан домашней снеди привезла. Он уже догадывается, что там и куры, и яблоки, и шмат копченого сала. Это уже отец постарался — посолил, подкоптил, сало свежее. Мать сама в последнем письме рассказывала, что все лето кабанчика откармливали, а недавно зарезали.

— Саша, зачем это? — недоумевая, спросила мать, когда он подхватил чемодан и подвел ее к черной «Волге», распахнул дверцу. Он ощутил себя таким настоящим, серьезным мужчиной, который знает, как вести себя. Ему хочется, чтобы и мать почувствовала, что сын в большом городе другим человеком стал. Самостоятельным и независимым. Что все хорошо у него и не так уж он плохо живет, как, вероятно, думает мать о нем там, у себя дома.

— Садись, мама, все договорено, — он положил чемодан в багажник, затем устроился рядом с ней, на заднем сиденье; так хочется ему, чтобы она поверила, что все у него устроено и благополучно, что он преуспевает в жизни.

Машина мягко покатила по Садовому кольцу, затем свернула в узкие проулки между кирпичными зданиями, вновь выскочила на простор. Мать, тихая и безмолвная, словно застывшая, сидела слева и не отрывалась от окна. Ему хотелось заговорить с ней, а он и не знал — о чем?

Проехали Суцевский вал, и тут он слегка оживился. Стал рассказывать, показывая на корпуса «Правды», что в этих зданиях печатают все центральные газеты. Мать пристально взглянула на сизые коробки, оставшиеся за окном, и, быть может, подумала: неужели именно отсюда в их почтовый ящик по Нагорному переулку, шесть, приносят все новости мира?

Она спросила его. И он, уцепившись за вопрос, начал рассказывать, как печатают газеты. Но она осторожно перебила и поинтересовалась, как в столице с продуктами. Удивленно вскинула глаза, узнав, что можно без очереди, войдя в магазин, купить сколько тебе надо говядины или свинины. И тут же вспомнила, что у них в Светлокаменске народу много, а магазины тесные — без толкотни и давки ничего не купишь.

Если что и лежит, то на рынке, где стоит очень дорого, да еще в комиссионных магазинах. Конечно, лучше свое иметь, хоть небольшое, но хозяйство.

Стала рассказывать, сколько у них сейчас с отцом кур, сколько уток и сколько это хлопот стоит. А отец хочет на следующий год кроликов завести. Кто-то ему насоветовал, мол, выгодно, мясо да еще шкурки можно сдавать. Только кто с ними возиться будет? Ведь еще и за садом присматривать надо.

Мать вздохнула, и он услышал в ее голосе — «вот, видишь, Саша, как тебе повезло». Ну конечно, она счастлива за него. Конечно, он в таком городе живет, где все есть, только выйди на улицу. Мать так думает, но никогда этого не скажет, так как, заметно, стесняется сына. Стесняется, потому что годами они не видятся — мать и сын.

Миновали Савеловский вокзал, промелькнула знакомая «пивнуха» на Хуторском. За Дмитровским проездом свернули влево. Еще несколько переулков — и приехали. Он небрежно протянул водителю пятерку и заметил, как вопросительно глянула мать — чего так дорого? Понял, успокоил ее взглядом, подал руку, помог выбраться из машины.

Мать неловко оглянулась. Высотные дома ей непривычны. В небольшом проеме сизых сумерек нарисовалась Останкинская башня.

— Сынок, а это что ж такое? — ахнула она и замерла, не может понять, снится ей такая громадина или наяву?

Он поставил чемодан на мокрый асфальт и пояснил с гордостью:

— Это Останкинская телевышка. Ты вот дома сидишь, телевизор смотришь, а все отсюда показывают.

— И программу «Время»?

— Да я ж говорю тебе — все, — снисходительно добавил он. И, показав на темное пятиэтажное здание, которое рядом, за сквером, сказал: — А вот здесь я живу. — Немного помолчав, пояснил: — Я там на квартире... Понимаешь, в общежитии

тяжело... Я тебе писал... На квартире спокойнее, без шума и гама.

И почувствовал, что объясняет неуверенно, словно оправдывается, словно боится показаться неубедительным. Чтобы преодолеть стеснение, он подхватил чемодан и заторопился.

— Пойдем, мама. А на телевышку я тебя свожу, захочешь — на самую верхотуру поднимемся.

— Да упаси господь! — испугалась мать. — У меня и так голова кружится... Я уж издали боюсь, не то что сблизу.

Не спеша они направились к подъезду. Он шел первым, ощущая себя хозяином. Она неслышно семенила следом, боясь отстать. Они вошли в полумрак подъезда, в запах созревшей ветоши и табачного дыма, поднялись по истертым ступеням на второй этаж. Мать тяжело дышит, видно, слишком ослабело у нее сердце.

Вот и дверь с облезшей краской, кнопка звонка. Он опустил чемодан и достал ключ. Дверь скрипнула и открылась.

— Заходи, мама, — и он первый протиснулся в узкий коридор. — Заходи, мама, не стесняйся, здесь я живу.

Он нащупал выключатель, и бледный оранжевый свет приоткрыл тесное пространство прихожей. Мать невольно пригнулась, словно опасаясь, что потолок окажется низким и она ударится.

Одна из дверей в коридоре хлопнула. Появилась Варвара, худосочное создание с прозрачным лицом. На ней висел «мышинный» халат, который она считала аристократическим. Оставив дверь нараспашку, словно не замечая его и матери, держа в вытянутой руке ковшик, она прошла на кухню. Его присутствие она игнорировала специально. Возле дверей кухни она приостановилась и, сделав глаза в сторону, тонким голосом сообщила:

— Приходила Марья Степановна. Она уже отыскала нового жильца. Просила вас к завтрашнему дню освободить квартиру. Еще велела сказать, чтобы вы навели порядок. Ей не понравилось, что вы развели в комнате такую грязь.

Последнее слово она особенно выделила — «грязь», чтобы уколоть его, видимо, догадываясь, что к нему приехала мать. А его всего аж скрутило, он чуть было не прорвался криком. В долю секунды подметил, как жалостливо, испуганно взглянула на него мать. Он безвольно опустил чемодан и тоскливо оглянулся.

А Варвара, словно специально, продолжала галдеть из кухни:

— Марья Степановна завтра утром будет. Просила вас никуда не отлучаться. Она сказала, что вы ей еще двадцать рублей задолжали...

— Ладно, хватит вам! — резко оборвал он соседку. — Я сам с Марьей Степановной разберусь, без вас. Могли бы и помолчать, словно не видите... Мать ко мне приехала.

Варвара высунула тусклое личико, сделав вид, что только сейчас заметила кого-то рядом с ним.

— Здравствуйте, — тихо кивнула мать, опасливо поглядывая на соседку.

— Здравствуйте, — безразлично и холодно бросила Варвара, словно одолжение сделала.

Ему даже захотелось ударить эту лахудру, которая за здорово живешь все враз перепортила, все хорошее смазала. Он выругался про себя и сдержался, чтоб чего лишнего не сказать.

— Пошли, мам, пошли, — и он быстро прошел в конец коридора, открыл дверь в свою комнату.

— Чего это она? — испуганно спросила на ходу мать.

И он понял: мать уже встревожилась, в глубине души побаивается, как бы ее сына, а вместе с ним и ее не выгнали из этой квартиры. Она беспокоится, что им придется болтаться по гостиницам, а то, если мест нет, еще и на вокзале где-нибудь ночевать, как в годы ее молодости. Ему стало нестерпимо стыдно, так стыдно, что начало знобить, видно, еще простуда сказывается.

— Это моя комната, — сказал он и включил свет.

За окном уже сумерки. Мать оглянулась вокруг и сразу подметила всю неустроенность, в какой живет ее сын и ка-

кая, вероятно, бывает у многих одиноких мужчин. Пыль на подоконнике, которая, видно, не вытиралась с тех пор, как он здесь поселился. Разбросанные по спинкам стульев и на диване вещи, остатки еды на столе с гнутыми ножками — все подметила. Подметила и молчит, вздыхает.

— Ты, мама, располагайся, а я сейчас чайку поставлю, перекусим чего-нибудь... Слушай, мам, а может, тебе с дороги ванну сделать, помоешься?

— Не-е, — замахала она руками, — господь с ней, с ванной-то, я перед отъездом в бане была, чистая я.

И ему неловко стало, что мать сконфузил. Может, ей и хочется в ванну, но она стесняется, не желает по квартире шастать, а то еще на глаза этой соседке попадешься, опять чего-нибудь неприятное выслушаешь. Он все это понял. И легче от этого ему не стало.

Он взял чайник и вышел, оставив мать возиться с чемоданом. Она выкладывала на стол какие-то свертки и пакеты.

На кухне все еще вертелась Варвара, она мыла посуду. Соседка по-прежнему делала вид, что не замечает его.

— Я попрошу вас, — обратился он к ней, — я вас попрошу, пожалуйста, — он особенно выделил это слово, — пожалуйста, при матери мне ничего больше не говорить. Вы меня поняли?

Варвара молчит. Она почувствовала в его голосе угрозу. Она предусмотрительна. Конечно, лучше не нарываться. Мало ли что ему взбредет в голову? Она старательно протирала тарелку.

— Так вы меня поняли? — повторил он.

— Знаете что?! — не удержавшись, вскрикнула Варвара. — Вы со мной так не разговаривайте! Сами разбирайтесь с хозяйкой, я здесь ни при чем. Она из комнаты вас выгоняет, а не меня. Если так дальше пойдет, я вообще запрещу ей держать квартирантов, я имею право. Это и моя тоже квартира, в конце концов, здесь не проезжий двор. Я не позволю себе нервы трепать!

— Да тихо ты! — прикрикнул он на Варвару, и та послушно умолкла. Он направился в ванную комнату, набрал чайник, поставил его на плиту, зажег газ. — Ишь, раскричалась! Я тебя предупредил...

— Себя предупреждай! — бросила в ответ Варвара.

Варваре, если он не ошибается, сорок пять, он ее на шесть лет моложе. Еще когда на квартиру устраивался, хозяйка пошутила: вот тебе и невеста, одинокая молодая женщина, серьезная, задумаете свадьбу сыграть — пригласите. А он когда рассмотрел, сразу же подумал: не дай бог на такой жениться. Хватит, лет десять назад женился уже. На год только этого счастья и хватило. Да и усвоил надолго, что создан он для одинокой жизни.

Мать все из чемодана выложила и, дожидаясь его, сидела, разглядывала скудную обстановку комнаты. Стол был завален ее гостинцами.

— Слушай, Саша, а может, ты ведро какое принесешь с водицей и тряпочку? Я бы вытерла у тебя немного, — и посмотрела на него озабоченно.

Ему опять стало не по себе.

— Зачем это, мама? Ты же в гостях! Какая уборка? Я сам завтра утром и подмету, и протру.

— А почему эта говорила, что хозяйка тебя с квартиры выгоняет? — робко спросила мать.

Он в растерянности замолк. Ему представилось, как завтра утром придет хозяйка с новым жильцом, как откроет своим ключом дверь и увидит, что у него гости, затем, невзирая на присутствие матери, начнет распекать его. Нет, такое нельзя позволить. Надо что-то придумать.

— Нет, мама, не выгоняет. Просто я сказал ей, что эта квартира меня не устраивает, буду искать новую. Вот она переполох и устроила. Обиделась и теперь настаивает, чтобы я раньше уходил, мол, ей невыгодно такого жильца держать. Я ей сказал, что уйду через месяц, как с новой работой устроюсь. А соседка ничего не знает, только языком молотит...

— А что за двадцать рублей ты должен? Может, у тебя денег нет, так я дам. Я с собой двести рублей взяла. Сколько тебе надо, Саша?

Он почувствовал, как его снова бросило в жар, ему стало стыдно.

— Не надо, мама, есть у меня деньги, есть. Да ты не слушай соседку, брешет она все, не двадцать я ей должен, а десять. Я завтра-послезавтра все и отдам.

Мать замолчала. Он вышел за чайником, и тут ему неожиданно пришла идея — позвонить Марье Степановне, сейчас, сегодня, у него где-то и телефон ее записан. Она у дочки живет, за внуками присматривает. Позвонить и договориться, может же она еще недельку подождать. Уговорить подождать. Должна же она согласиться?

— Вот и чай! — радостно сказал он, внося чайник с кипятком и стаканы.

Мать выложила из кулька жареную курицу, вареные яйца, пирожки с мясом. Вид стола стал таким соблазнительным, что у сына, с утра голодного, в голове закружилось.

— Кушай, Саша, это все тебе, — мягко сказала мать.

И он неожиданно ощутил себя в теплой, уютной комнате, где пахнет свежим постельным бельем и вымытыми полами, в своей комнате, которая дожидается его дома. Мать всегда пишет об этом, напоминая, как ждут они — родители — его каждый день.

Он аккуратно отломил куриную ножку. Так вкусно могла приготовить только мать, больше никто. Только она умеет запечь курицу с разными пряностями, после чего она хранится очень долго и не теряет вкуса. Он ест, а мать, разбив яйцо, неторопливо макает его в соль — она ест немного, только это яйцо — и все, еще чай попьет — и больше ничего не надо.

— Я хотела тебе сказать, Саша, — тихо произнесла она, — я ведь ненадолго в гости, дня на два-три. Отец ведь там один, нелегко ему по хозяйству, болел он последнее время. Так что ты уж меня прости...

— Как на три дня? — рука его застыла в воздухе. — Ты же писала летом, что на полмесяца собираешься. Мы же хотели Москву посмотреть, по музеям походить, по магазинам.

— Да вот так получилось, — мать сложила на столе руки, и ей, видно, тоже неловко. — Да нешто за два дня я не посмотрю? Ты меня, главное, на Красную площадь своди, а музеи я не больно люблю. Ну, а магазины — если какие одежные. Мне отец подтяжки заказывал купить, брюки у него не держатся.

— Чего, располнел, что ли? — улыбнулся сын.

— А что ты хочешь — старость. Ему ведь как-никак шестьдесят девять в этом году стукнуло.

Они пили чай, и мать рассказывала поселковые новости. А он, то улыбаясь, то хмурясь, слушал и кивал головой, а у самого мысль не выходила: откуда позвонить Марье Степановне, если из квартирного телефона, то мать может услышать, да и Варвара, та тоже специалистка по подслушиванию, еще выскочит в коридор и начнет замечания вставлять: мол, за телефон не платишь, а пользоваться — пользуешься.

— Мамань, ты посиди немного, я на пару минут к соседу из подъезда сбегаяю, — произнес он, отставив стакан. Тут же подметил, как мать насторожилась, словно в ожидании неприятности, — Да ты не волнуйся, я мигом, туда и обратно.

— Ладно, только ты меня закрой. А то, не дай бог, твоя сварливая соседка сюда заскочит.

— Нет, она сюда не заходит. А ты пока отдохни, можешь на диван прилечь. Я потом тебе белье достану, у меня есть чистые простыни.

— А ты, сынок, где устроишься?

— За меня не волнуйся, у меня раскладушка есть.

И он вытащил из-за шкафа старую раскладушку.

— Хорошо, сынок, беги. Я пока прилягу.

Он выскочил в коридор, на ходу выискивая в кармане мелочь, и уже возле двери вспомнил — телефон забыл, он у него в записной книжке записан.

— Ты чего, сынок, позабыл что?

— Да я тут... — он открыл шкаф и отыскал старую записную книжку. — Все, нашел, я сейчас.

В подъезде было темно и холодно. На улице сыпал мокрый снег, он падал на асфальт и тут же таял.

Он пробежал через двор, припоминая, где поблизости телефонный автомат. Возле магазина подметил телефонную будку.

Трубка была холодная. Он с трудом разглядел цифры номера, набрал его, быстро опустил монету.

— Алло! Марью Степановну можно?!

В трубке что-то прошуршало и замолкло. Ему показалось, что он даже слышит, как полная старуха шаркает в комнатных тапочках, видит, как Марья Степановна поднимает трубку.

— Да, я слушаю, кто меня спрашивает?

— Это я, квартирант ваш, Марья Степановна...

— Слушайте, голубчик, так дело не пойдет. Ко мне жилец просится, а вы еще квартиру не освободили. И двадцать рублей за вами.

— Марья Степановна, дорогая, я вам все выплачу. И даже больше, только послушайте... Понимаете, ко мне мать приехала, дня на три, она до субботы, понимаете... У меня просьба: можно я до воскресенья поживу, а в понедельник съеду. Все, что я должен, обязательно отдам, хотите, под залог...

— Не надо мне ваш залог. Чего это вы там надумали? Небось, опять дружков собрали?

— Марья Степановна, вот честное слово, мать приехала. Я сам не ожидал, она утром телеграмму прислала.

— Знаете, голубчик, я вам не верю. Если вы про мать выдумали и опять у вас пьянка, так я с милицией приду выселять. Тогда на себя пеняйте!

И хозяйка опустила трубку. Он еще постоял и подумал, если она позвонит Варваре, так та врать не станет, она видела, что мать приехала, она хоть и стерва, но правду скажет.

Он запахнул поплотнее плащ и бегом обратно. Мать ждалась, невесть чего думает. Но нет, мать спокойно сидела за сто-

лом, прибрав все пакетики, листала какой-то журнал, из тех, что завалялись у него.

— Что, мама, отдыхать будем?

Мать устало кивнула, видно, очень измоталась в дороге. Он достал ей простыни, подушку, одеяло.

— А ты как, сынок? Может, я под одним одеяльцем, я привыкшая. На что мне простыни?

— Ты что, мама? Ты в гостях у меня или нет? Обижаешь.

И она успокоилась, ничего не сказала, стала стелить на диван. Затем посмотрела на него и стеснительно спросила:

— Сынок, а где у вас туалет?

Он догадался, что ей неловко выходить в коридор. Не хочется столкнуться с Варварой. Он вышел первым, включил свет и показал дверь. А у самого на душе скверно стало, словно он забрался в чужую квартиру и тайком привел сюда мать.

Больше всего ему не хотелось, чтобы мать чувствовала и видела его ущемленность, а теперь и она... Ах, как плохо! Он ведь знал, что там, у себя в поселке, родители с гордостью рассказывают о нем. Вот, мол, наш Сашка на строительстве олимпийских объектов работает. Там его прописали, квартиру ждет. Знал он, что многое они выдумывают — и про благополучие его, и про скорую женитьбу. И все-таки ему приятно, что родители так думают о нем. А теперь мать видит, как все на самом деле. Каково ей все это переживать? Нет, лучше бы этого ничего не было. А ведь сам писал, приглашал: приезжай, мама, Москву посмотришь. И вот мать здесь, а он... Два месяца как без работы болтается, деньги кончились, кое-что у друзей перехватил, и тех червонец остался, теперь, после встречи, пятерка.

Мать вернулась в комнату, легла. Он тоже прилег — на неудобную короткую раскладушку. Полежал немного и почувствовал, что мать не спит, думает о чем-то.

Неожиданно она спросила:

— А как у тебя с работой, Саша?

Он недовольно заерзал, соображая, как бы половчее ответить.

— Да, понимаешь, ушел я со стройки-то. Прораб оказался скверным человеком. Я с ним разругался — и ушел.

— Как же ты так? Повежливей бы, Саша. Ты вот всегда с людьми ругаешься, а я тебе писала: среди людей живешь, учись со всеми ладить.

Действительно, он вспомнил, что мать ему постоянно твердила, мол, характер у него резкий, с людьми помягче надо, не грубить им. Но разве легко укротить норы, когда вокруг несправедливость видишь. Одно дело, когда по большому счету, это уж привычно, а то каждая мелкая шишка на рабочем человеке выехать хочет. А так разве стал бы он с прорабом ругаться?

— Да человек он мерзкий. Как с таким ладить? Лучше подальше от таких.

— Плохих людей сейчас много, сынок, но ведь надо как-то жить. Старайся не замечать, стороной обходи.

— Да не могу я, мама, не могу, всего такого не замечать!

— Эх, Саша, Саша!.. — горестно протянула мать. — А сейчас куда думаешь?

— Не знаю. В понедельник пойду, есть тут одна шараш-контора.

— А с квартирой как? Ты же писал, что обещали тебе?

— Обещали, конечно, только обещанного три года ждать.

— А может, работал бы на одном месте, тогда бы и получил.

Он замолчал, лежал с открытыми глазами и видел зеленоватую полоску света. Она из окна через штору тянется. Скорей бы мать заснула. Нет, не спит, ворочается, переживает.

— Ладно, мама, не расстраивайся. И с работой все уладится, и невесту себе подберу, московскую, с квартирой, вот увидишь.

— И хорошо бы. А то мы с отцом уж внуков ждали.

Мать еще что-то о семье рассказывала, но он еле слышал, и не помнит, как заснул. Сон еще какой-то приснился, бестолко-

вый, непонятный. Проснулся разом, словно кто-то прикоснулся к нему. Открыл глаза, в комнате было светло. Взглянул на диван — никого. Постель прибрана, матери нет. Часы показывали десять утра. Посмотрел на подоконник — возле батареи стоял чемодан. Странно, куда ж она могла подеваться?

С трудом поднял разомлевшее тело, натянул брюки, носки, выглянул в окно. День был сумрачный. Снег, что падал ночью, стоял, накрапывал мелкий дождь.

Он вышел в коридор и услышал, что на кухне кто-то возится. Заглянул, увидел Варвару, та что-то варила.

— Доброе утро! — пробурчал он.

Варвара равнодушно повернула голову и, помешивая ложкой в кастрюле, выложила ему:

— Звонила Марья Степановна. Велела передать, что до воскресенья живите, а в понедельник должны выехать.

— Спасибо. Не видели, куда мать подевалась?

— Я за вашей матерью не приглядываю, — и отвернулась.

Нет, лучше ее ни о чем не спрашивать.

Он снова вышел в коридор, и ему стало тревожно: куда запропастилась мать? Черт возьми! А что если она решила уехать? Нет, не может быть. Куда она уедет? А чемодан, чемодан-то в комнате стоит. Может, во двор вышла, воздухом подышать? Она ведь рано просыпается, дома, бывало, в пять часов подхватывается, все по хозяйству хомутается, она такая — «жаворонок». Нет, не могла она уехать.

Он захлопнул комнату, накинуд плащ — и на двор. Сбежал по лестнице, выскочил из подъезда — во дворе пусто. Какая-то старушка собачку выгуливает, двое рабочих в спецовках мимо проскочили. Он прошел до магазина, надеясь, что встретит мать, но ее нигде не было. Еще полчаса он кружил по соседним улицам, недоумевая: что с ней случилось? А что, если и в самом деле уехала, вот так вот — без чемодана? Может, на меня обиделась или Варвара какую-нибудь глупость утром сказала. Нет, она должна была со мной попрощаться, не могла не попрощаться.

Он торопливо вернулся обратно, со скверным чувством на душе. Открыл дверь в квартиру и услышал голос матери из кухни.

— В этом году двести килограммов картошки с огорода собрали. Хороший был год, урожайный. Вишни много, черешни, абрикосов. Да вы угощайтесь, кушайте. Это я сама варила.

— Замечательно! — донесся голос Варвары. — Просто сладость! Вы мне обязательно рецептик перепишите.

— Что вы, конечно, перепишу...

Он заглянул на кухню — и мать, увидев его, замолкла. Они с Варварой сидели у стола, пили чай. Варвара сразу же поднялась, стала сухой и чопорной, поблагодарила:

— Спасибо вам. Очень вкусное варенье.

И ушла в свою комнату. Мать растерянно взглянула на него.

— Мама, куда же ты пропала? Хотя бы разбудила меня, предупредила.

— А я смотрю, ты спишь сладко, думаю, пусть отдыхает. Я тут по магазинам прошла, а потом вот с соседкой твоей беседовали, я ее вареньем угощала. Это кизилковое, с того куста, что отец посадил, когда ты еще в школу бегал. Большой он стал, в этом году много ягод собрали.

— Интересно, что она тебе обо мне плела? Она мастерица на сплетни.

— Зачем ты так, сынок? Ничего она плохого не говорила.

— Знаю я ее. Она один грамм правды скажет — сто граммов вранья добавит.

— И почему ты, сынок, к людям так? Нельзя же...

— А они, они ко мне как?.. — прорвалось у него.

Мать замолчала, посмотрела в сторону, и он не может понять, что она там увидела. Он боялся потревожить ее и спустя минуту, нерешительно спросил:

— Пойдем на Красную площадь?

— Пойдем, конечно, пойдем. Ты позавтракай, а я соберусь.

— А чего завтракать? Чаю попью — и хватит.

— Нет, Саша, есть надо. Больно ты похудел, прямо как заболел, что ли. Не будешь есть — язву зарабатываешь, тьфу-тьфу!

И она придвинула к нему тарелку с поджаренной вермишелью, колбаску, еще что-то. Он быстро перекусил, выпил чай, прошел в комнату и в дверях остановился. Когда она только успела? Комната будто преобразилась. Мать, пока он ее искал, полы протерла, вещи расставила, кучу пустых бутылок в ящик собрала, за шкаф задвинула.

— Зачем это, мама? Сам бы убрал, неловко мне.

— Ничего, сынок, я только пыль смахнула.

Мать уже собралась, в руках у нее холщовая сумка. Они вышли. Дождь на дворе больше не моросил, опять сыпал снежок. Они прошли к остановке. Когда подошел автобус, мать спросила:

— А что, он прямо на площадь привезет?

— Нет, к ней надо будет пройти.

Автобус двигался медленно, казалось, никогда так раньше не ездил. Мать стояла рядом, держалась за поручень, а рядом сидела девица с напмаженными щеками. Девица вскоре вышла, и мать села, а он встал рядом, осанисто, солидно, чтобы все видели, что мать с сыном едет.

Когда они выходили, кто-то подтолкнул его, и он обернулся, подождал мать и подал ей руку.

— А теперь куда, сынок?

Мать редко бывала в больших городах, а в Москве и вовсе один раз, в молодости, проездом. Он подметил, что большие улицы, множество прохожих, суетливость угнетают ее.

Они миновали несколько подземных переходов. По одному из них брели очень долго, и он пояснил матери:

— Этот к самой Красной площади ведет.

— К самому аж Кремлю? — переспросила она.

— Да, к Кремлю.

Они вышли к зданию Исторического музея, и он растерянно приостановился: из Александровского сада тянулась длинная вереница людей. И как же он забыл, не подумал, что сегод-

ня люди как раз в Мавзолей идут и что сегодня так просто на площадь не попадешь! Как же он мог забыть?

Все было огорожено, стояли поодаль милицейские патрули и никого не пропускали. Вот если бы пораньше, они бы и в Мавзолей попали, и на площадь.

— Это все к Ленину? — спросила мать.

— Да. Видишь, как мы с тобой промахнулись, теперь и на площадь не попадешь.

— Ладно, сынок, не расстраивайся, — мягко произнесла мать. — Я и отсюда посмотрю, видно все.

Но ему от ее слов легче не стало, он обернулся и сказал:

— Ты подожди меня, я сейчас.

И направился к молодому милиционеру возле ограждения.

— Слушай, ко мне мать из деревни приехала. Пропусти нас, пожалуйста, а-а?

Сержант отрицательно покачал головой.

— Ну, мать приехала, она никогда в Москве не была. Пойми ты это! Может, больше никогда не сподобится...

— Приходите завтра.

— Да ты чо, бесчувственный, что ли?

Сержант удивленно посмотрел на него. Затем, будто что-то вспомнив, скривил губы и сказал:

— Вон, видишь, капитан стоит. Подойди к нему, он тебя и пропустит, если можно.

— Товарищ капитан!

Он начал объяснять, путаясь и спотыкаясь, что к нему мать приехала, она никогда в Москве не была. Капитан слушал, кивал головой:

— А вы завтра приходите, пораньше.

— Да уезжает же... Вон она стоит.

И он показал на мать, жалко жмущуюся в стороне.

Капитан что-то сказал майору, а тот к нему повернулся:

— Давайте, только живее! Веди мать сюда!

— Спасибо, — и он, благодарный, готовый для этого майора на все, крикнул издали:

— Мама, нас пропустят! Я договорился!

И снова ощутил себя сильным и самостоятельным мужчиной, который все может, которому все доступно.

Их пропустили через оцепление. Они встали в хвост очереди, медленно прошли по Красной площади, к Мавзолею. Мать молчит. Он заметил, как поджались у нее губы, стало серьезным лицо: она приехала к сыну, она идет с ним в Мавзолей — к Ленину.

Они шли рядом и не разговаривали.

После всего, когда вышли с Красной площади, он почувствовал, как мать устала.

— Мама, может, в кафе зайдем, перекусим.

— Давай, Саша, сначала отцу подтяжки купим, — попросила она виновато, — а то вдруг магазин закроется. Потом мне билет надо взять...

— Да купим, ты не волнуйся, — обнадежил он ее.

Они отправились по магазинам, мать купила подтяжки и еще что-то, потом килограмм лимонов.

— Ты знаешь, Саша, они у нас так редко бывают, — заметила она. — Хорошо бы еще апельсинов купить.

Они прошли дальше, зашли в кафе. Он взял два подноса, мать достала десять рублей и протянула ему:

— На, Саша, заплати.

— Да ты чо, мать? У меня свои деньги есть.

Он понял, что мать хочет как лучше, жалеет его, но от этого ему еще больше стало стыдно.

После кафе они поехали на вокзал — покупать билет. Добрались на метро, и ему было неприятно вспоминать, как он вчера шиковал, вез мать на легковой машине. Возле предварительных касс толпилась небольшая очередь.

— Знаешь, бери-ка ты билет на воскресенье, — предложил он, и мать вопросительно посмотрела на него. — Да, на воскресенье. Я тебя еще в Третьяковку свожу, в Пушкинский музей, знаешь, там такая красотища!

И тут он вспомнил, что сам никогда там не был, только от знакомых слышал.

Мать замялась и нерешительно спросила:

— А как квартирная хозяйка? Эта — Мария Степановна?

Он покраснел.

— А ты не думай об этом. С хозяйкой у меня все договорено.

— О чем договорено? — переспросила мать.

— Мама, что ты все меня спрашиваешь? Если я сказал, значит, договорено. Мы с тобой еще на ВДНХ пойдем, от меня это близко.

И мать взяла билет на воскресенье.

Они спустились на эскалаторе в метро, доехали до станции «Новослободская», а затем пересели на троллейбус.

Мать устала, она даже не захотела разбирать покупки, вместе с сумкой положила в чемодан. Достала лишь только пару лимонов. Он побежал чай ставить. В квартире тихо, пусто, Варвару не слышно. Видно, к сестре подалась.

— Спасибо тебе, Саша, ты так много показал, — сказала мать, глотками отпивая чай из стакана.

И он увидел, как тепло и по-доброму засветились ее глаза, усеянные вокруг морщинками.

Они еще много говорили и не заметили, как наступил вечер. Потом они стали укладываться спать.

Он устроился на неудобной раскладушке, устало закрыл глаза и почему-то представил, как ведет мать в ресторан. Она ведь, поди-ка, ни разу в ресторане не была. А тут — в столичный ресторан, где столько музыки и огней, где какая-нибудь особая национальная кухня. Мать, пожалуй, эти минуты до самой смерти не забудет. И вот он уже воображает, как они сидят за столиком и как блестят от радости глаза у матери.

— Мама, пойдем танцевать? — спрашивает он и удивляется: неужели это он сказал?

И мать, счастливая, идет рядом с ним. Он, осторожно придерживая, танцует с ней медленный танец.

И он думает, как мало она была счастлива, как мало он подарил ей добрых минут.

И неужели он, ее собственный сын, не может повести родную мать хоть один раз в ее жизни в ресторан?

На душе становится тяжело. Ему кажется, он увяз в болоте. А руки матери тянутся к нему, и он видит, что она далеко от него, а трясина засасывает все глубже и глубже, тяжело дышать, и он кричит:

— Мамочка! Не бросай меня одного, слышишь!

Он кричит все громче и громче, голос его становится как колокольный звон, разносится далеко, и он... проснулся.

Вытер ладонью мокрое лицо, тяжело вздохнул и выдохнул, посмотрел в угол комнаты: там, на диване, спала уставшая за день мать. Тогда он осторожно поднялся, стараясь не шуметь, открыл дверь и прошел на кухню, сел у окна.

Над большим городом царила долгая темная ночь. Он смотрел на расплывчатые контуры зданий, на беспросветную мглу, закрывшую небо, и на душе его становилось холодно и одиноко. Он неожиданно понял, что никому в этом мире не нужен, никому, кроме матери. И ему стало страшно, потому что он увидел перед собой длинную вереницу дней, которая называлась жизнью.

ДЕВУШКА ИЗ ПОСЕЛКА

Пять лет назад от Нескладова ушла жена. Она заявила, что мужчина не имеет права быть таким, каким был и есть Артем Владимирович, и что лично ей такой муж не нужен. Жена забрала трехлетнюю дочку и уехала в соседнюю область к матери, отказавшись от претензий на двухкомнатную квартиру.

— Неладно у нас как-то получается... — бормотал Артем Владимирович, провожая на вокзал жену. И, глядя на дочурку, которую очень любил, повторял: — Ты хоть Аленку иногда привози, у нас ведь море рядом.

— Видно будет, — устало отвечала жена, которая для себя уже твердо решила как можно подальше и надежнее оторваться от Нескладова, чтобы не видеть его и не вспоминать о нем.

Женщина симпатичная и обаятельная, она уже через год вышла замуж за серьезного человека, кажется, ученого, и переехала к новому мужу в столицу.

Артем Владимирович отнесся к происшедшему неожиданно для себя стоически. Он даже удивился своему хлад-

нокровию и невозмутимости. Видно, так предначертано мне, подумал он, ничего тут не поделаешь, бывает и хуже...

Наиболее практичные знакомые Нескладова тут же озаботились его судьбой, стали подбивать Артема Владимировича на новую семейную жизнь. Однако Нескладов, несмотря на всю свою житейскую неприспособленность, вдруг ощутил, что претенденток на супружество, которых ему находили доброжелатели, почему-то в первую очередь интересует его квартира. Возможно, что сами доброжелатели давали довольно точную ему характеристику, поскольку претендентки сразу же, не раздумывая, начинали довольно продуктивно эксплуатировать слабости его характера.

Один из старых, кажется, еще школьных друзей, как-то встретив и выслушав Артема Владимировича, подал хороший совет — ни с какими особами всерьез надолго не связываться, а пожить сугубо эгоистично, то есть для себя, и с семейной жизнью не торопиться.

Нашлись и такие из сослуживцев, которые одиночеству Нескладова обрадовались и всеми силами пытались превратить его квартиру в этакий центр разгульной мужской жизни. Пошли вечеринки с вином и женщинами, с танцами и всем прочим. Но Артем Владимирович быстро устал от такого веселья и, сам тому дивясь, все-таки сумел прекратить эти холостяцкие пирушки. Однажды он заявил своим постоянным гостям, что нашел женщину, которая регулярно навещает его, отношения у них очень серьезные, и они вскоре должны «бракосочетаться». Возникла немая сцена, которая, однако, была красноречиво выразительной: какая дура с таким недотепой жить согласится?

Надо отдать должное, внешне Артем Владимирович был достаточно симпатичен — худощавый, черноволосый, с печальными серыми глазами. Он привлекал к себе внимание, но, как отмечали знающие его женщины, только поначалу. В строительном управлении, где Нескладов работал инженером, женская половина шутила, что Артем Владимирович так хоро-

шо сохранился благодаря своей природной стеснительности и вялому влечению к женщинам. Мужская половина при таких разговорах обычно ухмылялась и давала свою оценку.

Управление, где работал Артем Владимирович, занималось строительством в сельской местности, и Нескладову, как не обремененному семьей, чаще других доводилось бывать в командировках. К тому же он сам любил поездки, никогда не отказывался, как некоторые, помесить грязь по совхозам и колхозам.

Начальство, в отличие от бывшей супруги Артема Владимировича, именно за это качество и ценило Нескладова. Едва начальник управления вызывал Артема Владимировича к себе, едва заикался о том, что надо съездить туда-то и проверить то-то и то-то, Нескладов тут же кивал и спрашивал:

— Когда ехать?

Так было и на этот раз. В последних числах апреля его вызвали к начальству и предложили поехать в район, где в одном из совхозов управление возводило ферму. Стройка находилась в двухстах километрах от областного центра, и многие работники управления называли ее «Тмутараканью». Далеко и то-скливо.

Нескладов уже бывал в этом районе, неплохо знал рай-центр. Он даже любил этот поселок, потому что здесь, как ни в каком другом месте, мог забыть свое одиночество.

* * *

Эта суббота началась для Нескладова радостным телефонным звонком. Он-то его и разбудил. Нескладов схватил трубку и услышал тихий взволнованный голос:

— Здравствуй, Артем, это я, Надя...

— Здравствуй. Ты откуда звонишь? — спросонок крикнул Нескладов.

— Я от себя, из поселка... Я хотела сказать, что сегодня приеду. Ты слышишь меня?

— Да-да! Слышу!.. Когда тебя ждать?

— Я взяла билет на час дня. Автобус приедет в город в половине четвертого.

— Хорошо! — уже спокойно сказал Нескладов. — Я тебя встречу на автовокзале...

— Не надо на автовокзале. В автобусе будут поселковые, понимаешь... Давай встретимся в центре. Как тогда, у киоска, напротив кинотеатра. Жди меня в четыре, ровно в четыре...

— Да-да! Буду ждать. Я приду раньше...

Надя замолчала.

— Почему ты молчишь? — нерешительно спрашивает Нескладов.

— Знаешь, мне придется остаться в городе. Я хочу кое-что купить для Славика. Узнай, если можно, есть ли в гостинице свободные места... Пожалуйста.

Ему хочется перебить ее, крикнуть — зачем гостиница? Но он понимает, что для нее иначе нельзя, не говорить так она не может, так должно быть.

— Конечно, я все узнаю... Ты не волнуйся, приезжай.

— Тогда все, до встречи.

— Я тебя жду, очень...

В телефоне загудели ответные сигналы. То, что Надежда позвонила, это просто здорово! Ее еще нет рядом, а на душе появилось какое-то давно забытое чувство. Нескладову захотелось петь. Неужели это она звонила ему? Неужели она приедет? И останется до завтра? Неужели все правда, а не во сне?

Он взлохматил голову, потер ладонями виски, озорно присвистнул. Надо умыться, побриться, принять ванну... К ее приезду надо навести полный порядок.

Нескладов взглянул в зеркало и усмехнулся. Еще раз вполне ощутил, как счастлив тем, что сегодня, через несколько часов, снова увидит Надежду.

* * *

Гостиницу в районном поселке Артем Владимирович воспринимал как должное. Это было двухэтажное серое здание,

построенное, видимо, так давно, что половина осыпавшейся штукатурки на фасаде стала столь привычной деталью здания, что воспринималась как необходимость, быть может, как не совсем удачное, но все-таки украшение, напоминающее географическую карту. Улица, на которой разместилась гостиница, в поселке центральная и напоминает длинный переулок, с обеих сторон которого изгороди самых разных конструкций. За изгородями в цветущих садах — дома.

Комнаты в гостинице без удобств, а в коридоре царит дух дезинфекции — хлорки тут не жалели. Дежурная, что, кажется, безвылазно сидит в регистратуре, через оконце всякий раз деловито предупреждает приезжих: «Пожалуйста, после двенадцати не гулять. Мы закрываем. В номерах распитием спиртных напитков не заниматься, у нас тут строго».

В тот раз Нескладов приехал в поселок после обеда. В гостинице ему достался двухместный номер, второго соседа не было, но дежурная предупредила, чтобы постель соседнюю он не мял, возможно, в эти дни кто-нибудь подьедет.

Пока Нескладов устраивался, пока подкреплялся припасенными бутербродами, запивая чаем из термоса, пока листал папку с документацией и кое-что выписывал в тетрадь, наступил вечер. Нескладов вспомнил, что в суете дел он позабыл захватить что-нибудь почитать, и потому подумал, что в его положении лучше всего пораньше лечь, хорошо выспаться, тем более что завтрашний день обещал нелегкую поездку в один из отдаленных совхозов. В управлении ему обещали, что к девяти часам к гостинице подойдет машина. Перед сном он решил прогуляться. Нескладов набросил плащ и, закрыв дверь номера, спустился со второго этажа. Быстро темнело, и Нескладов малодушно подумал: может, вернуться? На улице — сырость, грязь, легко вляпаться в какую-нибудь лужу.

Он постоял несколько секунд, размышляя, и все-таки пошел.

Через какое-то время Нескладов выбрался к поселковой площади. Здесь светились окна высокого здания, кажется, ап-

теки. На другой стороне улицы — это он знал точно — районная больница. У ворот под фонарем стояла «скорая помощь».

Нескладов постоял, посмотрел и пошел дальше, зябко поживаясь от неожиданно холодного воздуха. Где-то цвела черемуха. Он это понял сразу и как-то непривычно вздрогнул. Его охватило давнишнее юношеское состояние озноба, и Нескладов тревожно отмахнулся от него, постарался отвлечься и подумал: «Весна нынче запоздала, вот и апрель кончается, а погода все никак не наладится — дожди да дожди... Этак и урожая не будет...»

Артему Владимировичу показалось, что он рассуждает подобно тем двум сельским жителям, разговор которых услышал в автобусе. Те тоже говорили о дождях и сетовали, что толком ничего не посеешь и, видно, урожай в этом году будет неважный...

«И почему я не сельский житель? — мелькнуло у Нескладова. — Имел бы свой дом, хозяйство, занимал бы какую-нибудь приличную должность... Инженеры-строители везде сейчас нужны... Была бы и у меня простая семья: жена без претензий, детишки. В сельской местности мужчины, как правило, самостоятельные... Интересно, почему так? Почему сельские мужики и практичнее, и сноровистей городских? Быть может, потому что на земле трудятся, корни свои видят. Живут без фантазий, без иллюзий...»

Размышляя, Артем Владимирович забрался в такую область своей души, которая была ему неприятна. Зачем тревожить незажившие раны? Лучше выискать другой объект для рассуждений. Вокруг было темно, ничего не видно.

Нескладов прошел еще немного и остановился у невысокого штакетника. Стена дома была почти рядом, светилось большое окно с приоткрытой форточкой. В окне мелькнула женская фигура. Ему показалось, что линии ее были четко обрисованы, словно кто специально вырезал ее ножницами из черной бумаги. Артем Владимирович невольно обернулся, озираясь по сторонам, словно опасаясь, как бы

кто-либо не прочел его мысли и не заподозрил в чем-нибудь легкомысленном, предосудительном. Но никого рядом не было. Нескладов еще ближе подошел к штакетнику. Женщина за окном хлопотала около ребенка, был слышен ее мягкий приглушенный голос:

— Видишь, Славик, как нехорошо получается... Сколько раз тебе говорила — не хулигань, слушайся старших...

Детский голос капризно отвечал:

— А чего они дразнятся?

— Ты же ведь большой мальчик и должен уметь руководить собой.

— А как это руководить собой?

Женщина развернулась к свету, и Нескладов увидел ее лицо. Это была очень молодая женщина с чуть вздернутым носом, который придавал ей детское выражение лица. Она стояла так близко, что, казалось, протяни руку и дотронешься до нее. Девушка, видно, что-то ощутила, бросила неопределенный взгляд в окно. Но нет, Нескладова она не заметила, что-то взяла со стола и, обернувшись в комнату, снова обратилась к ребенку:

— Все, Славик, мой ноги — и спать. Мне рано вставать на работу, а тебе в сад. Очень тебя прошу, больше не дерись. Это нехорошо — драться. Мне стыдно, когда воспитатели на тебя жалуются. Получается, ты у меня самый нехороший. Обещай, что драться не будешь.

— Не буду, — тонко прозвучало в ответ.

Девушка подошла к окну, и снова обрисовалась ее стройная фигура.

Она задернула занавески, слегка притворила форточку.

Нескладов постоял еще немного, впрочем, не ожидая, что снова увидит этот милый тонкий силуэт, услышит голос. Он стоял, потому что оказался слегка оглушенным тем добрым чувством, что возникло у него в душе. Ему стало грустно. Девушка, которую он увидел в окне, остро напомнила ему, что он одинок, что у него нет близкой женщины, которую он бы

любил. Ему стало жалко себя. И еще он подумал, что так оно и должно быть — так оно и бывает у неудачливых мужчин.

* * *

Артем Владимирович побрился, растер щеки и подбородок одеколоном. Что-то в выражении собственного лица ему не нравилось. Оно было озабоченным. Вчера подкинули несколько чертежей, пришлось допоздна просидеть с линейкой и карандашом, проверяя расчеты. Дело нудное, вот и отразилось так — печалью скуки на лице. Надо перестраиваться, надо стать тем, другим человеком, которого она знает, мужчиной, которого она привыкла видеть.

Артем Владимирович вышел из ванной комнаты, взглянул на часы — времени еще было предостаточно, принялся за уборку квартиры. Более часа он вытирал пыль, переставлял мебель, убирал разбросанные по спинкам стульев и дивану рубашки, брюки. Ему хотелось, чтобы квартира смотрелась уютной и чистой. Затем он несколько раз протер полы.

* * *

Придя в гостиницу, он допил остывший чай, остававшийся в термосе, выискал в тумбочке старую «Литературную газету», попытался читать скучную критическую статью. Дошел до половины и понял, что думает о другом. Прикрыл глаза и снова увидел силуэт в окне, услышал мягкий голос, выговаривающий ребенку.

Спал Нескладов плохо. И приснилась ему жена. Она крепко держала за руку дочь и, как тогда на вокзале, вполголоса, внушительно говорила, что так, как он, жить нельзя, что он обязан взяться за себя. И, когда он возразил, она громко закричала: «Тряпка!» Это во сне, а наяву она лишь презрительно искривила губы и отвернулась. Во сне же он, испуганный, побежал от нее. И вслед бежала она и кричала, кричала это жуткое слово «тряпка».

Проснулся Нескладов в поту — заверещал маленький будильник, который он всегда брал с собой в командировки.

Артем Владимирович тут же попытался забыть кошмарный сон. Недовольно перевернулся с боку на бок — надо подниматься, за окном было светло. Нескладов долго умывался, брился, завязывал галстук, одергивал на себе костюм.

До девяти, когда должна была подойти машина, время еще было, и Нескладов решил прикупить чего-нибудь съестного, заодно взять свежие газеты.

На улице было светло и сухо. Солнце готовилось наполнить день теплом, и казалось, что от вчерашнего дождя не осталось и следа, лишь проглядывали еще кое-где на дороге остатки вчерашних луж. Артем Владимирович зашел в магазин, взял кефира, сыра и хлеба. Затем направился к газетному киоску.

— Сегодняшняя пресса есть? — спросил он продавщицу, которая, нагнувшись, перебирала кипу газет.

— Пока нет, подождите немного, — ответила продавщица и приподняла голову. Нескладов прямо-таки пошатнулся, словно его кто-то сзади толкнул, — он узнал ее. Это была та самая девушка, которую он видел вчера в светящемся окне.

* * *

Если бы кто сказал, что жизнь у Нади Золотаревой складывается неудачно, никто бы из поселковых жителей не поверил. Все считали, что этой девушке очень повезло. В девятнадцать лет она вышла замуж за отличного парня — таким слыл в поселке Володя Золотарев. Спокойный, уравновешенный, работающий, заботливый и внимательный. Когда поженились, Володя сказал Наде, что намерен сделать для семьи все, чтобы у них было не хуже, чем у людей. Работал он тогда водителем в совхозе. А через год, когда родился Славик, муж перешел на трактор, здесь заработки были побольше. Но вскоре стало ясно, что и эти деньги его не устраивают. Однажды он заявил, что так больше жить нельзя, что надо что-то предпринимать.

— И что ты хочешь сделать? — спросила Надя.

— Ты пойми, деньги, которые я зарабатываю, меня не устраивают. Это мало. Я хочу жить в собственном доме, иметь все свое — мебель, машину. А на моей зарплате далеко не уедешь.

Жили они в то время у родителей Володи. Это стесняло не только ее, но и его — она это чувствовала, но никогда и ничего мужу не говорила. Надя считала, что так и должно быть, на то она и семейная жизнь.

— Может, мне пойти работать? — тихо спросила Надя.

— Нет, это не выход, — сказал Володя. Он немного помолчал, словно вспоминая что-то, и продолжил: — Знаешь, я еще с детства мечтал о собственном доме и хозяйстве, как у родителей. Когда-то мы с родственниками ездили к дяде, он живет на Кубани. Я еще мальчишкой был, но запомнил — у дяди свой двухэтажный дом из камня-ракушечника, балкон, а вокруг сад и дорожки песочком посыпаны, как в парке. А в саду небольшой бассейн мраморной плиткой выложен, и в нем золотые рыбки плавают. Дядя говорил, что ему знакомые специально привезли, китайский карась называются. Так я этот бассейн и карасей до сих пор помню.

Надя слушала мужа и не перебивала. А Володя продолжал рассказывать ей о своих родителях, о том, как они ставили хозяйство, начинали буквально с ниточки, говорил увлеченно, словно сам все пережил.

Когда он замолчал, она спросила:

— И что ты надумал?

— А то, завербуюсь-ка я на Север, года на три. Тогда и дом у нас будет обеспечен, и машина, да еще на всякие мелочи останется. Я там осмотрюсь, если жить можно, выпишу тебя со Славкой. Ведь не на всю жизнь, на несколько лет. А?

Надя вопросительно посмотрела на мужа, Володя понял этот взгляд, слегка смутился:

— А ты пока у родителей поживи. Хочешь — у моих, хочешь — у своих. А я в отпуск буду приезжать.

Золотарев, как человек основательный, прежде чем завести этот разговор, все обдумал и взвесил. Ничего страшного.

Поживет одна. Правда, он знал, что надолго оставлять жену опасно. Но Володя знал и другое: что его Надежда не из тех людей, которые бегают за первыми встречными, что у нее очень серьезные взгляды на супружеский долг — она осуждает всякую легкомысленность. Кроме того, в поселке все на виду, а куда она денется с ребенком, еще и жить будет при родителях. Так что Золотарев мог быть спокоен за супругу. С этим убеждением он и уехал на Север. Надя пожила пару месяцев у Володиных родителей, затем перешла к своим. А когда ощутила, что дома сидеть не вмоготу, устроилась работать в газетный киоск. Премудрости торговли освоила быстро — и жизнь потекла спокойно, размеренно, без суеты и тревог.

В ежедневных заботах и хлопотах она порой даже забывала и о существовании мужа. Об этом ей напоминали лишь его письма. Они были добрые и деловые. Муж писал: «Заработки здесь отличные, скоро я смогу две машины купить — тебе «Ладу», а себе «Волгу». Так что приеду — заживем. Не грусти без меня, не скучай. Как там Славик, не забыл папку? Как родители? Что нового в поселке?»

От этих писем Надежде почему-то становилось грустно. Надя по натуре своей была девушка мечтательная. Со школьных лет она любила читать книги, в которых описывались яркие и страстные чувства. Когда ей было шестнадцать лет, она завела специальную тетрадь, куда записывала стихи о любви, афоризмы и крылатые выражения. Надя почему-то верила, что и в ее жизни должны появиться «алые паруса». Поэтому, когда молодой и симпатичный, вернувшийся из армии Володька Золотарев стал приглашать ее на танцы и в кино, она почему-то решила: это и есть ее избранник, тот, которого она видела в снах и мечтах. И когда однажды вечером Золотарев предложил ей пожениться, она убежала домой и расплакалась. Она испугалась не этого нового шага в жизни, а обыденности, с которой он сделал ей предложение. Матери она ничего тогда не рассказала. Володька же оказался настойчивым. Буквально на следующий день он сам пришел к ее родителям и заявил, что без Надежды жить не

может, что она ему всех на свете дороже, и он хочет, чтобы она вышла за него замуж. Мать посмотрела на дочь и спросила: а ты что думаешь? Согласна ли? Надя покраснела и неожиданно для себя утвердительно мотнула головой: да, согласна.

Сыграли свадьбу. Родители Володи отвели молодоженам в просторном доме отдельную комнату. Однако уже первые месяцы семейной жизни разочаровали Надежду — и муж, и все, что она представляла раньше, были очень далеки от ее мечтаний.

* * *

Надя подняла голову и увидела, что мужчина, который только что взял газеты, все еще не ушел, стоит напротив киоска, словно бы что-то хочет спросить. Это было немного смешно видеть, как симпатичный взрослый мужчина, в аккуратном костюме и с галстуком, мнетя, топчется на одном месте, не решаясь вновь обратиться к ней.

— Девушка, извините...

— Да, пожалуйста...

— А у вас есть что-нибудь из сигарет?

— У нас не бывает сигарет.

— Жаль, — протянул мужчина, — жа-аль... — Какие-то секунды он молчал. — А может, вы мне что-нибудь почитать посоветуете?

Надя, пожав плечами, сказала:

— Я даже не знаю. Хотите «Новый мир» или вот — «Звезда», здесь военная повесть... Я, правда, не читала, но подруга говорит, что интересная, про войну и любовь...

— Хорошо, давайте «Звезду». А вы любите про любовь читать?

— Про любовь?

Надя подняла на мужчину глаза — взгляды их встретились, обоим стало не по себе, а у нее перехватило дыхание.

Нескладов увидел, что глаза у нее голубоватые, с легкой коричневой крапинкой. А во взгляде столько детского и светлого...

— Знаете, вы очень красивая, — внезапно вырвалось у Нескладова, он и сам от себя такого не ожидал.

Произнес и замер, ожидая в ответ упрек, если не грубость. Но девушка в смущении отвела глаза, и он успел уловить в них нечаянную грусть — такую, которая способна перевернуть душу.

И Надя не ожидала этих слов. Она ощутила, как в душе ее что-то встрепенулось, и затем появилась странная пустота. Она даже подумала, что ошиблась, — эти слова сказаны не ей, а какой-то другой девушке, что все происходящее сейчас неправда — это как в фильме.

Мужчина словно бы поперхнулся, виновато кивнул головой и тихо произнес:

— Извините меня. Я бы не посмел так себя вести, если бы... Если бы не знал вас раньше... Я ведь вас знаю... И мне кажется, давно, хотя увидел вас только вчера... Вчера вечером, случайно, через окно... Помните, вы разговаривали с ребенком, у окна... Я не хотел, но так вышло, что я вас увидел...

Девушка удивленно смотрела на него и растерянно улыбалась.

* * *

Одни утверждают, что есть границы времени, другие возражают, что время безгранично. Нескладова эта проблема не волновала, его всегда мучило другое — почему время тянется так долго? Почему одна минута способна вместить чуть ли не целый год жизни, а один час может показаться всей жизнью?

Артем Владимирович посмотрел на часы: всего только без пятнадцати три. В квартире все уже было расставлено по местам — чисто, опрятно. Костюм выглажен и вместе со свежей рубашкой терпеливо дожидался хозяина. Сам Нескладов чисто выбрит. В зеркало смотрелся вполне уверенный в себе мужчина, сероглазый, сильный, волевой. Таким она и хочет его увидеть. Таким он и должен быть. Все хорошо, только время — почему оно так медленно тянется?

* * *

Весь день Надежда вспоминала странного мужчину, который подходил утром к киоску, наговорил ей комплиментов, а затем, застеснявшись, поспешно ушел.

После обеда она закрыла киоск, поторопилась домой, где занялась стиркой. Едва прилегла, развесив белье, как громко затарахтел будильник — надо было идти в детский сад за сыном.

Она шла по улице и неожиданно представила себя в большом и светлом зале. Горят свечи, много людей, а через весь зал к ней направляется этот странный мужчина. Приветливо улыбается и говорит: «Я вас узнал. Можно вас пригласить на танец?» Она согласно кивает головой, он берет ее за руку, но они не танцуют, а бредут по внезапно опустевшему залу — долго и неизвестно куда.

Какие глупости, подумала Надя, и постаралась переключить мысли на другое. Стала рисовать себе картину встречи с мужем — летом приедет Золотарев, и все ее пустые мечты разлетятся в прах — придется больше думать о доме и о семье. Неужели все мои мысли от скуки и тоски? Но тогда почему этот мужчина снова вернулся к киоску и заговорил со мной? Быть может, это хитрый обольститель женских сердец, приехал в командировку и ищет себе приключений?

* * *

Нескладов явился к кинотеатру на пятнадцать минут раньше. Он неторопливо прошелся по другой стороне улицы, обратил внимание, что у киоска никого нет — так и должно было быть, еще рано. Из двора кинотеатра стали выходить люди — закончился сеанс. Шли они шумно и громко делились впечатлениями, тут же разбивались на кучки и рассеивались. Толпа рассосалась, и вот снова никого не стало. Только прохожие, от которых рябит в глазах.

Артем Владимирович подошел ко входу в кинотеатр, купил в киоске газету и стал изучать ее. Нескладов внимательно

прочитал все объявления, которые были в ней, и даже информацию о погоде на ближайшие дни.

Часы показывали ровно четыре. Нескладов ощутил физически: пошла та минута, когда должна показаться Надежда. Он попытался успокоить себя, как-то снять волнение. Надежда должна появиться со стороны площади. В той стороне останавливается троллейбус, едущий с автовокзала.

* * *

Слушая неровный гул «газика», везущего его в отдаленный совхоз, Нескладов постепенно успокоился. Хладнокровно стал анализировать случившееся. Нескладов сам от себя не ожидал, что может поступить подобным образом. Он даже спросил себя, уходя от киоска, торопясь к машине: что это со мной? Неужели я начинаю сходить с ума и чуть ли не на улице кидаюсь на первую встречную? Хотя нет, ведь я уже немного знаю ее, это она обо мне ничего не знает. Но все равно, с чего мне надо было ляпнуть про ее красоту, зачем вернулся обратно? Нет, наверное, это старость, — с грустью констатировал Артем Владимирович.

Нескладов помнил, что в своей жизни он никогда подобных поступков не совершал. Даже с бывшей женой познакомился прилично — в гостях у родственников. Она приезжала отдыхать, и так получилось, что Нескладов оказался рядом, молчаливый и неуклюжий. Чем-то он в то время сумел понравиться, и даже не он, а сама женщина предложила ему — не желает ли он взять ее в жены? Это было произнесено в шутку, на что Нескладов вполне серьезно ответил: желаю. Так шутка обернулась затем личной драмой для Нескладова.

Да, это старость, все думал Артем Владимирович, когда, вернувшись в гостиничный номер, жевал булку и запивал ее кефиром. От этого никуда не денешься. А с каждым годом, видимо, будет еще хуже. Может, действительно, подыскать себе какую-нибудь разведенную женщину — и бог с ней, пусть хозяйничает в моей жизни, как в квартире. Разве можно мне,

с моим характером, надеяться еще и на любовь? Это все для молодых. Мой поезд давно ушел.

Нескладов достал документы, чтобы как-то отвлечься, уйти в работу, и заметил, что совершенно не в силах сосредоточиться. Этого мне только и не хватало, усмехнулся он и, поднявшись, умылся холодной водой, причесался, посмотрелся в тусклое казенное зеркало. Ему, вероятно, захотелось увидеть в себе нечто новое, совершенно незнакомое, но, увы... лицо было прежним, хорошо знакомым какой-то привычной безрадостностью. Нет, с таким лицом, подумал Нескладов, на любовь рассчитывать нечего. Остается делом заниматься, а не фантазировать.

* * *

Людей в автобусе было много — многие ехали в областной центр провести выходные, кто-то за покупками, кто-то на рынок — с корзинами свежих овощей, фруктов, молодой картошки. Надя сидела на последнем сиденье, рядом с дорожной женщиной, которая доверительно сообщила ей, что едет к сыну, что он у нее работает в городе водителем троллейбуса. Толстуха пыталась вызвать Надю на разговор, но Надя только рассеянно кивала головой, продолжая, к огорчению попутчицы, думать о всех недавних событиях.

Она вспомнила, как в тот апрельский день, на следующее утро, незнакомец вновь появился у киоска — попросил газеты, а затем робко спросил:

— Вы не обиделись на меня вчера?

— Нет, — застенчиво ответила Надя.

— Как-то все глупо получилось... Я хотел совсем другое сказать.

— Почему глупо? Разве вы сказали неправду?

Мужчина словно бы просветлел, заулыбался.

— Правду. Знаете, мне показалось, что я вас давно знаю.

— Может, вы знаете, как меня зовут?

— Нет. А как вас зовут?

— Надя.

— А меня Артемом. Правда, смешное имя?

— Нормальное имя. А откуда вы приехали?

Нескладов назвал свой город.

— Так вы в командировке?

— Да. В вашем районе мы строим ферму, а меня прислали с проверкой. Но я уже бывал раньше в вашем поселке. А теперь мне как-то здесь понравилось. Наверное, потому что вас увидел.

Надя сделала вид, что не обратила внимания на эти слова, и снова спросила:

— А скоро уезжаете?

— Завтра.

Наступила пауза, когда Нескладов понял, что долго стоять у киоска нельзя, неудобно — мало ли кто наблюдает со стороны, могут еще подумать чего-нибудь, а то еще и придумать. Наверняка у нее есть муж, а это может обернуться скандалом или другими неприятностями.

— Извините, что так все вышло... — Артем Владимирович осекся.

Он почему-то вспомнил свое неприятное прошлое. Но в этот раз, испытав досаду, порадовался, что эта девушка, к счастью, ничего о нем не знает.

— Вы еще приедете к нам? — робко спросила Надя.

У Нескладова от этого вопроса неожиданно стало, тепло на душе. Ему подумалось, что она не хочет, чтобы он уезжал.

— Обязательно приеду. Знаете что, возьмите мой телефон, — Артем Владимирович вырвал из записной книжки листок и торопливо записал номер. — Если будете в городе, позвоните. Может, вам что понадобится, какая-либо помощь, может, просто сходим в кино... — Нескладов опять осекся, «про кино» ему показалось глупо и по-детски. — Я всегда дома после пяти вечера, а в субботу и воскресенье всегда выходной...

Надя нерешительно взяла протянутый листок, и они еще раз встретились взглядами. Оба ощутили, что могут сказать друг другу что-то главное, а говорили о чем-то не о том, о пустом — лишь бы говорить.

* * *

Нескладов еще раз недоверчиво посмотрел на часы, словно они своим медленным ходом обманывали его, — было всего лишь десять минут пятого. Надежда не появлялась. Нет, она не могла ввести его в заблуждение — ведь в прошлый раз они так же встретились здесь, у киоска, напротив кинотеатра. Тогда она тоже позвонила утром, некоторое время молчала в трубку — не решалась подать голос. Первый раз она даже трубку положила, так ничего и не сказав, а он, недоуменный, подумал: кому это понадобилось шутить — может, кто специально разыгрывает его? Но вскоре она все-таки набралась смелости и позвонила еще. Он узнал ее голос сразу и обрадованно сказал:

— Здравствуй, Надя, это я у телефона.

— Здравствуйте. Извините меня, что я позвонила... Мы с подругой приехали по делам в город, вот я и решила позвонить. Я вам не помешала?

— Ни в коем разе! Это замечательно, что вы позвонили! А где вы сейчас? Вас можно будет увидеть?

— Мы хотим зайти в универмаг, а затем подруга поедет получать книги. А я остаюсь одна, и мы можем встретиться. Только я не знаю, где?

Нескладов быстро прикинул все знакомые места в центре города, что неподалеку от универмага, вспомнил этот киоск у кинотеатра.

— Хорошо, я буду к двенадцати, — пообещала она.

И подошла точно. Он же пришел пораньше, минут пять крутился возле киоска, стараясь придать себе соответствующий вид. Надежда была в зеленом платице и туфлях на невысоком каблуке. Нескладову показалось, что она даже за эти дни — прошло не более десяти дней — еще больше похорошела, стала еще милей. Она тоже узнала его и улыбнулась — видно было, что ей, после поселка, радостно и тревожно в городе. А может, она считала, что совершает плохой поступок, позвонила чужому мужчине, теперь вот встретилась с ним.

Первое, что он спросил, было:

— А вы не хотите пообедать?

— Нет, — сказала она. — Знаете, идемте куда-нибудь в парк, я хочу просто посидеть. Мы так находились с Татьяной, что меня просто ноги не держат.

— Давайте я вам помогу, — и Нескладов забрал у нее сумку.

Они пошли в детский парк. В этом тихом и уютном парке Нескладову нравилось. Они выбрали самую затененную скамейку и присели.

Вначале оба молчали, словно бы не зная, о чем говорить. А затем Нескладов попросил:

— Надя, расскажите что-нибудь?

— О чем? — она повернула к нему лицо.

— О себе, о семье.

— Это будет скучно. Я даже не знаю, что можно о себе. Мне иногда кажется, что меня просто нет. Или я — это не я.

Нескладов подумал, что то же самое иногда бывает и у него, что все, что существует вокруг, — оно отдельно, а его участие в этой жизни далеко не обязательно. А если он и есть, то кем-то придуман, специально, как придумывают своих героев писатели. Потом Артем Владимирович понял: ему и ей вовсе не обязательно говорить о чем-то серьезном — это действительно будет скучно и неинтересно. И он взял инициативу в свои руки.

— А о чем вы мечтаете, Надя?

— Как все — о хорошем, о счастливом.

Видно было, что Надежда после дороги и хождений по магазинам устала и отвечала без охоты, потому что было неудобно не отвечать. И тогда Нескладов набрался решимости и предложил:

— Знаете что, идемте обедать. Я хочу вас пригласить к себе домой, в гости. Если вы, конечно, не возражаете.

— А как же ваши родственники, жена?

— А у меня нет жены, — потупился Нескладов.

— Так вы что, один живете?

Глаза девушки вопросительно остановились на нем — и он почему-то подумал, что она сейчас скажет ему, что никогда не пойдет в гости к одинокому мужчине, тем более столь малознакомому.

— Да, один. Понимаете, пять лет назад мы расстались с женой. Она вышла снова замуж, а я так и остался один.

— Но как же так? Ведь одному нельзя. Вы, наверное, меня обманываете?

Надя спросила это просто и наивно, и Нескладов горько усмехнулся:

— Почему, нельзя? Я ведь живу. Правда, пытались меня некоторые просватать, но из этого ничего не вышло.

Надя задумалась о чем-то своем, а он снова спросил:

— Так как мое приглашение? Или, может, вы меня опасаетесь? Ведь вы меня почти не знаете?

— Нет, я вас не боюсь. Мне кажется, что вы не можете быть опасным. Вы добрый. Ладно, идемте обедать. Только мне к пяти надо быть на автовокзале, у меня билет на автобус.

Так она пришла к Нескладову в гости. В квартире царил порядок. В холодильнике стоял суп, приготовленное жаркое. Бутылка сухого марочного вина давно уже хранилась у Нескладова.

Надя с оглядкой прошла по комнатам и сказала:

— У вас уютно, это хорошо, что вы один и такой аккуратный.

Нескладов включил музыку — магнитофон зашуршал, и зазвучало что-то быстрое, подвижное. Он сменил кассету, нашел спокойную музыку, которая не была такой шумной. Затем Нескладов занялся столом.

— Давайте я вам помогу, — предложила Надя и стала резать хлеб.

Затем они сели, и Нескладов, разлив по бокалам немного вина, сказал:

— У меня есть предложение. Давайте называть друг друга на «ты». И я хочу предложить тост — за наше знакомство и за то, что вы, то есть ты, появилась в моей квартире.

Надя покраснела, хотя ей было приятно слушать такое. Она сделала глоток и, поставив бокал, спросила:

— Извини меня, Артем, а что ты подумал, когда услышал мой телефонный звонок?

— Я подумал о том, что я счастлив.

— Понимаешь, мне было... Как это сказать... Одним словом, мне было неловко тебе звонить... Я еще до сих пор не могу понять, почему я тебе позвонила. Да и там, когда я тебя увидела в поселке, тоже ничего не могла понять. И сейчас я не понимаю, зачем я здесь?.. Это все честно...

Она не договорила. Нескладов ощутил, что его скованность проходит, ему стало легче дышать, и в нем даже проснулся дар красноречия... Он не стал ничего отвечать Надежде на ее вопросы, а принялся — неожиданно как-то — рассказывать о своей работе, о том, куда он ездил за последние полгода, что видел, ему вспомнились какие-то нелепые случаи и курьезы, которые происходили с его сослуживцами. Он рассказывал и рассказывал, замечая, как Надежда то улыбается, то становится серьезной — и опять думает о чем-то своем, ему неведомом.

— А у тебя есть фотоальбом? — спросила она.

— Есть, — ответил Нескладов.

Он вышел в другую комнату, принес оттуда увесистый альбом, который завел еще когда-то при жене. Надя стала листать страницы, а он ей пояснял — где кто. Когда появилась фотография — он и жена, Нескладов смутился, а Надя вслух заметила, что жена у него красивая и дочка красивая. Почему они уехали?

— Видишь ли, — Нескладов замялся, — каждая женщина, наверное, ищет сильного мужчину, волевого, целеустремленного. Ищет и верит в него. А моя жена посчитала, что я не тот, кого бы она хотела во мне видеть...

— Странно, почему так бывает? — словно бы у себя, спросила Надя.

Нескладов мог бы сказать Наде, какой он действительно есть в жизни — неудачливый, но не сказал, пусть думает, что

хочет. А потом, зачем что-то говорить, если ей и ему хорошо вместе, даже вот так — сидеть за столом и чувствовать, что они рядом и нужны друг другу?

Надежда взглянула на часы:

— Мне пора ехать.

Она отложила альбом, поднялась из-за стола. Нескладов совсем забыл о времени, ему показалось, что они только что зашли к нему.

Он поехал провожать ее. Когда они вышли из троллейбуса уже на вокзале, она задумчиво посмотрела на него:

— Знаешь, Артем, не провожай меня к автобусу. Там могут быть наши, из поселка, я не хочу, чтобы о нас болтали. А к тебе я еще приеду, хорошо?

— Я тебя буду ждать, — тихо сказал Нескладов, и ему стало не по себе, оттого что она сейчас уйдет, а он опять останется с памятью о ней. — Обязательно приезжай. Помни, мой дом всегда для тебя открыт.

— До свиданья.

Надежда быстро приблизилась к нему и поцеловала в щеку, а затем, так же быстро, пошла через площадь, где разворачивались автобусы.

Нескладову захотелось броситься за ней — у него появилось нехорошее чувство, что он никогда больше не увидит этой девушки, этой необычной девушки, которая так странно и непонятно и неожиданно вошла в его судьбу. Он хотел побежать за ней — но не побежал, а только проводил ее взглядом, чувствуя, как в душе появляются необычная уверенность и сила и что он способен на нечто удивительное и необыкновенное.

* * *

И вот теперь, в четыре часа, она не появилась. Радостно начинавшийся день стал меркнуть. Нескладов суетливо ходил по улице, несколько раз обошел киоск, заглянул в кассы кинотеатра, прошелся к троллейбусной остановке. Что случилось, что могло произойти? Ведь автобус давно уже пришел, а что

она могла бы еще делать в городе? Может, у нее есть в городе знакомые? Эта мысль неприятно кольнула Нескладова. Нет, вряд ли, это невозможно, хотя... Нет, скорее всего, другое. А что? Может, что-то случилось дома, мог кто-нибудь заболеть, муж приехать, и все поменялось, а позвонить она не успела. Если так, то тогда не стоит расстраиваться. Жаль, конечно. В этот приезд решилось бы, может быть, самое главное. Они бы стали ближе друг другу. Не зря же она собиралась даже остаться ночевать в городе, специально спрашивала про гостиницу? Нескладов тут же позвонил в одну, на всякий случай выяснил, есть ли номера. А может быть, что-то случилось с автобусом? Да, с автобусом — просто не пришел еще, задержался где-нибудь.

Нескладов взглянул на часы, было половина пятого. Прошло полчаса. Ждать дальше бесполезно. Нет, ему не хотелось мириться с мыслью, что он сегодня не увидит ее. Нескладов решил ехать на автовокзал. Если автобус придет позже, он встретит ее на автовокзале. А если уже пришел...

Нескладов остановил такси и уже через десять минут был возле справочного окошка на автовокзале. Девушка, что сидела за столиком, подняла на него сонное лицо и вяло ответила:

— Автобус только что пришел. У него была поломка, поэтому они задержались.

— Спасибо!

Сердце Нескладова громко застучало, и он чуть ли не бегом побежал к посадочной площадке — сюда прибывали автобусы из поселка. И он увидел, что автобус только-только остановился. Дверца открылась, и стали выходить уставшие, измученные дальней дорогой пассажиры.

Нескладов напряженно искал глазами знакомую фигуру — вот сейчас, сейчас покажется она, и на душе станет легче. Близко к автобусу он подходить не стал. Вот вышла старая женщина с кошелкой — и все, она была последней. Водитель захлопнул дверцу. Нади в автобусе не было. Нескладов помотал головой — не может быть! Это последний автобус из

поселка. Других сегодня не будет. Артем Владимирович хотел было догнать старую женщину, спросить ее — может, она что скажет. Но что она ему может сказать?

Нескладов не знал, что думать. Понятно, почему Надя могла опоздать. Но почему ее нет в автобусе? Ведь если она была в автобусе, она бы сейчас вышла из него.

Томимый противоречивыми чувствами, Нескладов растерялся — ему стало казаться, что счастье не для него, что все случившееся специально разыграно каким-то злым гением, чтобы еще раз указать Нескладову на его место в жизни. Что так оно и должно быть, что он слишком размечтался и совсем позабыл о своей судьбе — судьбе неудачника. И что надо смириться и сказать себе — могло быть и хуже...

Да не то все это, подумал Нескладов, не хочу я, чтобы хуже было. Плевать мне на судьбу! Я Надежду хочу видеть. Ее и никого больше. Она должна была сегодня приехать. Что же мне теперь опустить руки, сказать — пусть так и будет? Нет, не хочу.

И когда Нескладов произнес эти слова, в нем словно что-то надломилось, словно какой-то чужой человек вошел в него и стал распоряжаться, командовать им, даже думать за него. Это было непривычно и в то же время реально осязаемо Нескладовым.

Если Надежда не приехала, а собиралась, значит, действительно случилось что-то серьезное. Но она все-таки хотела приехать. Значит, мне нужно ехать в поселок. Сегодня вечером, а завтра утром разыскать ее и узнать, что случилось. Так думал Нескладов, ничуть не удивляясь, что решается на такой поступок. Автобус в восемь часов вечера. Ничего, подумал Артем Владимирович, я как раз успею домой за паспортом, позвоню кому-нибудь из управления, предупрежу, что меня завтра не будет, переоденусь... Сегодня я буду там и все узнаю... Лишь бы у Надежды все было хорошо.

Он вернулся в здание автовокзала, купил билет и вновь вышел на площадь. Возле подземного перехода стояли автоматы

с газированной водой. Ему захотелось пить. Нескладов достал бумажник, принялся искать трехкопеечную монету.

* * *

Надя начала волноваться. Когда автобус сломался, до четырех было еще достаточно времени. Но водитель, что возился с мотором, вытирая потное лицо замасленными руками, на вопросы пассажиров отвечал неопределенно — сейчас, мол, поедем, не мешайте, видите — я работаю.

Надя тревожно посматривала на часы — время шло быстрее и быстрее, и она сообразила, что если даже автобус и тронется с места, то никак не успеет к месту свидания. А если она опоздает, то Артема возле киоска уже не будет. Ей стало невмоготу дальше ждать. Она, перебросив через плечо сумку, вышла из автобуса и, пройдя немного вперед по дороге, стала «голосовать». Вскоре рядом с ней притормозил грузовик, и пожилой мужчина спросил:

— Куда тебе, дочка?

Уже сидя рядом с водителем, который оказался очень разговорчивым и доброжелательным, непрерывно посматривала на часы.

— Никак опаздываешь? — усмехнулся водитель. — Небось, к жениху, на свидание?

Надя подумала: какое ему дело? Но ничего не сказала, только почему-то решила, что Артем должен дожждаться ее. До города оставалось еще километров пятнадцать, когда часы показали четыре. Она представила, как возле киоска стоит ее Артем, даже увидела, как оглядывается по сторонам, ожидая ее. Ведь и она, и он знают, что им просто необходимо встретиться! И вот такое! Кто бы мог подумать. Этот автобус... Если бы она знала, то выехала бы еще утром, а так... Понадеялась, что успеет по дому управиться, договорилась с матерью, что останется на ночь в городе у знакомой. Мать не стала спрашивать, у какой. И вот незадача. Неужели не придется увидеться с Артемом?

От этого предположения ей стало даже плохо. Водитель участливо опустил стекло и спросил: не укачало ли? Она отрицательно махнула рукой, ничего, мол, это я так...

Водителю надо было к железнодорожному вокзалу, но никак не в центр города, и это было досадно. Он бы, может, и повез Надю, окажись она поулыбчивей, но видя ее сосредоточенное отчужденное лицо, сказал, что торопится, и пожелал удачи. Она еле успела вскочить в отходящий от остановки троллейбус — часы на вокзальной башне ударили половину пятого.

Нескладова возле киоска не было. Надя разыскала двухкопеечную монету и, зайдя в автомат, набрала номер телефона. Трубку не брали.

Выходит, он ее ждал, а когда увидел, что она не пришла, расстроился. А может, и не расстроился? — и пошел куда-нибудь, к друзьям, а может, к подруге?

Наде стало вдруг холодно, озноб прошел по спине. Ей захотелось очутиться у себя дома, в поселке, около сына. Весь город вмиг стал ей каким-то чужим, непривычным и ненужным.

Но Артем, ведь все-таки он должен был ждать ее. Она не могла ошибиться. Ведь он серьезный мужчина — он ей нравится. Да-да, нравится, и она ему верит — а когда он сказал ей в тот раз, что очень будет ждать, он не обманывал. Не мог обманывать.

Что же теперь делать?

После некоторого раздумья Надя решила поехать на автовокзал, взять билет на обратный рейс, она знала, что в восемь часов есть автобус. И уже потом звонить Артему и, если он будет дома, объяснить ему, почему так все вышло. А может, не звонить? Просто уехать, не надо больше ничего выдумывать, зачем это все ей?

Вот так вот, огорченная и заблудившаяся в собственных мыслях, Надя и приехала на автовокзал. Ей было грустно, что все так вышло — ей не хотелось верить, что надо расставаться со своей мечтой, которая так неожиданно появилась

и так прекрасно была связана с этим необычным, понравившимся ей человеком. Да, не хотелось, потому что она твердо решила для себя, что мечты рано или поздно все-таки сбываются.

Она прошла подземным переходом и, когда поднималась к привокзальной площади, повернулась в сторону дороги... и увидела Артема. Нескладов стоял возле автомата и пил газированную воду. На нем был светлый летний костюм, темная рубашка и розовый галстук. Легкий ветерок взлохматил ему волосы.

Он еще не видел Надежду, а она без смущения могла разглядывать Нескладова, представляя, как он сейчас пойдет в ее сторону, и они случайно встретятся для того, чтобы стать счастливыми.

МОНА ЛИЗА

Те, кому доводилось бывать в старых дворах большого города, помнят, что попадали туда случайно, мимоходом. То ли выходя через черный ход столовой, то ли зайдя в какую-нибудь контору, которая ютится в сумрачном полусыром подвале.

А если кто и жил в домах, что окружают те самые дворы, так очень давно, в детстве. Их и осталось немного. Все они аварийные и подлежат сносу в ближайшие годы. Сегодня в таких домах проживают лишь ветхие старушки да иной непостоянный люд. Кто с временной пропиской, а некоторые вообще непонятно, по какому праву.

Но живут, все живут.

В тот день, о котором пойдет речь, была суббота. Расплывчатое январское солнце неторопливо карабкалось по вымерзшему небу. Затем, уставшее, присело на крыше рядом с кир-

пичной трубой и заглянуло в окно одной из комнат коммунальных квартир.

На общей кухне с грязно-салатовыми стенами сидела пожилая женщина и что-то гундосила себе под нос — похоже, пела.

Фигура у женщины была угловатая, сухие руки висели вдоль туловища, а из-под халата выглядывали острые коленки. Лицо — высохшее, обесцвеченное. Было такое ощущение, что когда-то очень давно выстрогали это лицо из полена, покрыли лаком — не понравилось, забыли во дворе на открытом воздухе. Полоскал его дождь, хлестал ветер — вот оно и сморщилось, потрескалось. Внесли его в комнату, а ничего уж и не разглядишь на этом лице.

Из склеенных губ слышались хриплые и отрывистые звуки. Отуманенный мозг женщины пытался сложить слова песни, она старалась, но редкие звуки гасли в закоулках темного коридора.

Шумно хлопнула входная дверь, и вместе с бодрящим придыхом морозца появилась другая женщина — лет тридцати, с плоским лицом и большими черными глазами. На ней серая телогрейка с оранжевым жилетом, на ногах валенки, в руках — дворницкий скребок. В доли секунды она подметила худосочную тень певицы и, язвительно растягивая слова, заметила:

— Что, тварь, не уехала, нажралась? Ну, пей, пей...

Женщина, сидевшая у стены, бойко подскочила, взмахнула кулачками и истерично заверещала:

— Что я тебе сделала? Что?! Сама мужиков водишь, а тут ей Костик помешал!.. Он мне муж, слышишь! А у тебя — кто?

Черноглазая побагровела в лице и, не решив, что сказать, выругалась:

— Да пошла ты...

— Шлюха ты, Тамарка, шлюха! — засмеялась пьяная женщина.

— Ладно, тварь, веселись. Не буду руки пачкать, — и низкорослая, оставив в коридоре скребок, прошла к себе в комнату.

Открылась еще одна дверь в прихожую, и появился розовощекий упитанный парень с чайником в руках. Он прошел на кухню и, словно не замечая сидящей мумии, стал искать спички. Спичек не было. Тогда он оторвал кусок газеты, поджег от горящей колонки и сунул под стоящий на конфорке чайник. Газета сгорела быстро и прижгла пальцы. Парень отдернул руку, скривился.

— Обжегся, Володя, ай-ай-ай! Маслом помажь. Хочешь — я тебе масла дам?

— Да не надо, Елизавета Степановна, не надо!

— Это она, Володя, виновата, она... Думаешь, я не знаю? Да она в ментовку раз за разом бегала, она и заложила Костика, я знаю... Видите ли, Костик ей не нравился! А он что — шумел, буянил? Придет, переспит и уйдет. Ведь правда же?

И женщина, которую парень назвал Елизаветой Степановной, а окружающие кликали просто — Лиза, Лизка, стала растолковывать Володе свое понятие о справедливости. Молодой человек не ответил, поспешно исчез в комнате — все это он уже не один раз слышал и знает. В квартире возникла странная пауза, словно бы все звуки умерли. Женщина сидела молча, не двигаясь.

Елизавета Степановна считалась самой старой из здешних жильцов. Она живет тут лет двадцать, если не больше, с тех пор, как вернулась из дальних странствий и устроилась работать на трикотажную фабрику. Тогда ей и дали эту комнату.

Тамара — дворник, работает по лимиту, проживает в квартире третий год. Прописка у нее постоянная, она ответственный квартиросъемщик, Володя — студент политехнического института, в жилищной конторе он подрядился электриком. Комнату ему дали временно, пока работает. Живет он здесь всего лишь с полгода.

Елизавету Степановну выселяют из квартиры, и весь рассказ о ней. Выселяют самым законным образом. Вчера приходил участковый с ее паспортом, заставил подписать какие-то бумаги и предупредил, чтобы не задерживалась с выездом.

— Ну, куда, куда же я поеду? — закричала Лиза в спину участковому. — Раз выселили, устройте куда-нибудь!

А потом села, успокоилась и сказала себе:

— Поеду-ка я к племяннице, в Калининскую область. Буду там на ферме работать.

Всю ночь она упаковывала чемоданы, суежилась, гремела. Слышно было, как шлепала она по коридору и кухне, даже испугала Володю, который вышел в туалет и столкнулся с ней.

«Стерва! Хоть бы скорей убиралась!» — подумал студент и сморщился. Он не переносил запаха, которым несло от Лизы. Его подташнивало от любой нечистоплотности.

Володя был из благополучной семьи, его мать работала заведующей торговой базой в Светлокаменске, на юге. В большой город он приехал учиться, читать хорошие книги, знакомиться с умными людьми, стать со временем грамотным специалистом, а если получится — остаться и поселиться в этом городе. Так он думал, но еще ничего определенного не решил.

К людям Володя относился терпимо, но Лизу, при всей своей доброжелательности, переносить не мог. Особенно ее сожителя Костика, из-за которого, собственно, весь сыр-бор и разгорелся и который, по всей вероятности, уже никогда не появится в дверях этой квартиры.

Лиза познакомилась с Костиком удивительно просто. После одной из пьянок, у общих друзей. Так она сама об этом рассказывала. Костик навещался к Лизе не часто — раз в неделю, а то и реже. Где он пропадал, никто не знал. Когда Лиза стирала его кальсоны, носки и майку, он ходил в трусах по коридору, красовался татуировками на худых ногах и орал:

— Лизаве-та-а! Ну, чего там? Ванна готова?!

И Лиза, счастливая и пьяненькая, суежилась, будто молодая, женская доброта была в ней ключом.

Да, она жалела Костика и любила его. Да-да, любила... И готова была поклясться в этом всеми святыми. Костик для нее был чудо-мужик. Несмотря на то, что он регулярно пил и ни-

где не работал, Костик был мускулистый, долговязый, с дерзким взглядом исподлобья и шрамом на шее.

Володя его побаивался. Встречаясь в коридоре, вежливо здоровался и лишний раз на кухне не задерживался. Почему боялся — Володя объяснить не мог, но за собственную трусость ненавидел Костика, который уже два раза успел отсидеть за тунеядство и бродяжничество.

В Лизинем сожителе неприятно было все: и то, что он подолгу занимал туалет, читая там старые газеты, и то, что он носил отвратительного цвета кальсоны, которые Лиза после стирки вывешивала на кухне, и самое главное — то, что он, мужик, пусть даже наихудший, спал с такой женщиной, как Лиза.

Тамара не переваривала обоих. После стирки и купания сожителей она отчищала ванну содой и стиральным порошком. Даже купила хлорную известь, на всякий случай. Свои полотенца и она, и студент в ванной комнате не оставляли. У них было подозрение, что Костик вытирает ими ноги.

В последний месяц Костик стал появляться у Лизы чуть ли не ежедневно. При встрече с молодым человеком он нагло подмигивал и спрашивал: как дела, студент? Володя застенчиво отвечал, ничего, мол, а сам стал подумывать о том, не попросить ли ему в конторе другую комнату. Но, оказалось, просить не надо. Все помогла устроить Тамара.

То, что она не общалась с Лизой, Володя знал, у них была давняя ссора. Лиза как-то по пьянке обругала дворничиху, при этом ущемила в душе Тамары национальное чувство. Были и еще конфликты: из-за уборки квартиры, из-за телефона, который отрезали по Лизиной беспечности, из-за украденной тарелки и прочих мелочей. Лиза в безденежные свои дни лазила в Тамарин чулан, когда той не было дома, и понемногу таскала бутылки — дворницкий приработок, сдавала их и похмеляла себя и Костика. Тамара, подмечая это, злилась, бешено крутила глазами, но молчала: не пойман — не вор.

Как-то вечером, не так давно, Тамара заговорила с Володей и пригласила в комнату попить чай с тортом. Лизы и Костика

не было, они где-то шлялись по дворам. Студент, как человек воспитанный, согласился, тем более что Тамара работала с ним в одной жилищной конторе.

Дворничиха была в цветастом платье, которое приятно облегалo небольшую крепкую фигуру, очерчивая маленькую грудь. Эта грудь более всего смущала Володю — в платье имелся разрез. Нет, у студента не появилось никаких предвзятых мыслей в отношении Тамары, но он прекрасно знал, что к ней изредка заходят разные мужчины, чаще всего свои, жэковские, не стесняются оставлять в коридоре обувь и громко разговаривать, смеяться — и уходят рано утром. Иногда из-за стены до Володиного слуха доносились легкие стоны, и вот эти воспоминания заставляли Володю смущаться и думать о Тамаре, как о женщине.

Они пили чай, говорили о всякой ерунде, пока не дошли до темы Костика с Лизой. И тут оба выяснили, что соседка с ее сожителем им одинаково неприятны и следовало бы их куда-нибудь переселить, по возможности — в первую очередь Лизу.

Володя невзначай проговорился, что Костик не так давно имел судимость. Лиза сама рассказывала об этом студенту — как-то беседовали на кухне.

Тамара, услышав это, вся оживилась и подобралась, глаза ее загорелись непонятно какой радостью. Она достала из холодильника початую бутылку водки и предложила Володе выпить, чего студент уж никак не ожидал. И, совсем застыдившись, согласился.

На следующий день в квартире появился участковый — капитан милиции. Он деловито постучал в каждую дверь, вежливо попросил документы, раздал их обратно, а с Лизой и Костиком побеседовал отдельно, в их комнате. До Володи, который случайно вышел в коридор, долетели обрывки разговора:

— Ну что вы, я ведь на один день... Завтра уезжаю.

— Мне обещали, посудомойкой, в столовой... Сказали, придешь — мы тебя примем.

Лиза уже больше месяца нигде не работала, с того времени, как Костик стал проживать у нее постоянно. До этого она подрабатывала где-то санитаркой, приносила домой остатки еды, что оставалась от больных.

Утром Костик исчез и целую неделю не показывался. Лиза ходила по разным местам искать работу. Во вторник они появились оба, поздно вечером. Прошли в квартиру незаметно.

Володя уже спал, но сквозь сон слышал, как стучали несколько раз входные двери, а через какое-то время раздался напористый звонок. Кто-то открыл дверь, и в коридоре загудели мужские голоса, затем они перешли в одну из комнат, похоже, к Лизе. Володя из любопытства натянул спортивные штаны и приоткрыл дверь.

Комната Лизы была нараспашку. Было видно: за столом сидит участковый и что-то пишет. Напротив стоял Костик, пьяный и молчаливый. На столе красовались бутылка портвейна «Кавказ» и банка кильки. Чуть в стороне, понуро опустив голову, замерла бессловесная Лиза. Рядом расположились незнакомые люди в штатском, с красными повязками — дружинники.

Минут через пять Лизу прорвало. Истерично заломив руки, она жалостно воскликнула:

— За что его, за что-о?!

Когда Костика уводили, капитан добродушно предложил:

— Ладно уж, допей свой портвейн.

В квартире после неожиданного визита все смолкло. Спустя какое-то время Володя услышал, как Лиза пробежала по коридору и чем-то тяжелым ударила в дверь Тамары:

— Это ты все, сука, ты! Ты его погубила!

Володя поморщился от жуткого мата, но вмешиваться в бабий конфликт ему не хотелось. Единственное, чего он желал, — чтобы не случилось драки. Рукоприкладства не получилось, и Лиза уснула на полу кухни, сраженная спиртным и усталостью.

Наутро студент узнал от Тамары: Костик был прописан во Владимире, но там не жил и не работал. А поскольку он недавно имел судимость, то больше трех суток находиться в большом городе не мог. Так объяснила Тамара, отсюда все и шло.

Вначале Володя подумал, что это бесчестно — то, как поступила Тамара, даже подло. Но, успокоившись, рассудил — ему нечего бояться, он же ни при чем. Когда участковый во время ночного визита спросил его, часто ли он видел этого человека здесь, студент замялся и ответил: не знаю, был как-то, и вообще, я вечера больше у друзей провожу. А Тамара — это ее право так поступать. И правильно сделала. Будь он на ее месте, возможно, и сам бы сообщил куда следует.

Еще через день Володе стало известно, тоже от Тамары, что Лизу выселяют — за пьянство, за то, что не работает, за нарушение паспортного режима и прочее.

Лиза в тот день появилась ближе к сумеркам, пьяная, и, усевшись на табуретку, сухо объявила:

— Все, Володя, выселяют меня за кудыкину гору... Дожила, из своего дома выгоняют. А за что, за что, спрашивается?

Лиза ненадолго замолчала, а затем принялась про свою жизнь Володе рассказывать. Студент вынужден был это выслушивать, поскольку помешивал жарящуюся картошку и присматривал за бульоном.

— А ты знаешь, кто у меня отец? Нет, не знаешь. А он у меня был большой начальник, вот. В министерстве работал. Это мне мать призналась, еще в войну. Мать у меня хорошая была, только померла скоро... Надорвалась, шпалы на железной дороге таскала. Меня тогда в детский дом отдали, а потом в инкубатор. Мы так интернат звали. Я там до седьмого класса училась, а затем в ФЗУ пошла, при фабрике нашей... Я на трикотажной фабрике работала. Активная была, комсомолка... А хочешь, я тебе грамоту покажу?

У Володи в это время закипел бульон и побежал через верх. Студент быстро снял ложкой накипь и убавил огонь.

— Не хочешь — как хочешь... А потом я от фабрики на целину поехала. Нас туда многих послали — ребят, девчат. Если бы ты знал, Володя, как мы там работали — и день и ночь... У меня еще медаль за целину имелась... Ты знаешь, я бы там и сейчас жила. Жених у меня был, Миша, тракторист... Замерз он в тракторе. Эх, Миша, Миша, кто ж его знал, что так оно все выйдет.

Володе скучно слушать Лизино плаканье. Ему кажется, что он уже где-то слышал эту историю или читал. И вообще, он Лизе не верит. Выдумывает все она: и отца-начальника, и целину, и жениха, который замерз в тракторе. Ничего этого у нее не было. А если и было у нее такое прошлое, то как она могла так опуститься? Каждый день пить и себя за человека не считать. Нет, все врет, думает Володя. Только зачем, чтобы пожалели?

— Володя, а хочешь, я тебе подарю чего-нибудь? Хочешь тарелочки? Они у меня красивые, с цветочками.

Лиза пытается встать и дотянуться до ободранного буфета, где за мутным стеклом маячит груда невымытой посуды.

— Не надо, Елизавета Степановна, у меня есть, не возьму я, не надо, ни к чему это.

И Лиза, уставшая тянуться к буфету, у нее голова закружилась, безразлично кивнула и переспросила:

— Все есть?.. А вот кровати у тебя нет, на раскладушке спишь. Хочешь, я тебе диван подарю, он мне теперь не нужен.

Действительно, кровати у Володи нет и денег нет, чтобы купить что-нибудь приличное. Удобно ли это, подумал студент и, недолго посомневавшись, решил: удобно.

Следом за шатающейся Лизой он пошел в ее комнату, куда ни разу не заходил, и ужаснулся. Обои на стене были содраны, по полу разбросаны непонятные вещи, тряпки, газеты, мусор. Стена над столом была заклеена репродукциями из журнала «Огонек». Всё одни женщины: одетые, раздетые, княгини, богини, крестьянки, прачки, балерины — кого только нет, все на одной стене.

Володя разобрал диван и по частям перенес к себе в комнату. Затем, усомнившись в бескорыстности Лизиного подарка, достал три рубля и сунул ей: возьмите, вам сейчас деньги нужны, пригодятся — и она взяла.

А ночью Володя подозрительно посмотрел на приобретенный диван и вспомнил рассказ Тамары о клопах в Лизиной комнате. Мысленно он содрогнулся, отодвинул раскладушку подальше от дивана и подумал о том, что завтра же надо купить дихлофос и обрызгать всю комнату. Спал студент плохо, с невыключенным светом. Он где-то читал, что клопы света боятся и выползают только в темноте.

А наутро Лиза умудрилась на данный ей трояк напиться и никуда не уехать. Она сидела на кухне и тянула свою бесконечную песню. И еще пыталась заговорить с Володей, который пришел за чайником.

— Хочешь, я покажу тебе свое лучшее платье?

Володя с негодованием, злой и невыспавшийся, взял чайник с плиты и ушел. Его возмутило, что эта старая дура не уехала, и неизвестно, сколько будет сидеть на кухне и компостировать мозги. Куда она поедет — Володе безразлично. Такие люди везде выживут, для них главное — выпить.

— Дураки!.. Все вы дураки! — неожиданно вскрикнула Лиза, сама не понимая кому. — Жизни не знаете, а я все знаю...

Ее рассуждения перебил звонок в дверь. Тамара уже переоделась и вышла открывать. Выглянул и Володя: не к нему ли?

Это пришел участковый вместе с осанистым молодым сержантом.

— Что, не уехала ваша красавица? Так я и знал. — Капитан прошел на кухню, остановился возле Лизы. — Чего сидишь? Поднимайся! Пойдем в отделение, там решим, куда тебя направить. Только давай поживей, одевайся, бери вещи, некогда нам.

Все просто, буднично — и Лиза словно протрезвела.

— Что, прямо сейчас?.. — пролепетала она.

И, покорно кивнув головой, поднялась. Неловко втиснулась в пальто бордового цвета, сунула ноги в хромовые опорки, за-

кутала голову серым платком и — растерянно остановилась у дверей своей комнаты, словно не зная, что дальше делать.

— Ну, давай, давай! Времени у нас мало. Где твои чемоданы? Остальное потом заберешь. Не волнуйся, не пропадет твое барахло.

Голос у капитана бодрый, обнадеживающий.

Тамара стояла поодаль. Она не выдержала — быстро прошла в чужую комнату. Закрyla полунабитые чемоданы, щелкнула замками, поставила в коридоре под ноги Лизе: на, мол, бери и уматывай!

И Лиза поняла, что это — все, и никогда больше эти стены не будут ей родными, и Костика она здесь не увидит, и не будет в ее жизни радости, ни одной светлой минутки. Она тихо заплакала и, наклонив голову, забыв о чемоданах, пошла к двери. Капитан что-то шепнул сержанту, и тот послушно подхватил чемоданы. Они вышли на лестничную площадку.

Провожая Лизу, грустно смотрела ей вслед с одной из репродукций женщина с загадочной улыбкой. Она видела все: и слезы Лизы, и как люди спустились по грязной лестнице, как тащились участковый и сержант с чемоданами, как миновали они двор и пропали, нырнув в арку проходного двора.

Ничего не осталось, даже следов на подтаявшем льду.

ВОЗВРАЩЕННАЯ БОЛЬ

Игорь Погодин демобилизовался в конце апреля. В Ташкенте возле табачного киоска он разругался с военным патрулем, за что его сутки продержали в комендатуре. Радость возвращения домой была испорчена. Да и не было ее, этой радости. Призывали его в Афганистан вместе с другом Костей Савченко, но того вернули раньше. В цинке. И когда Игорь думал о том, что придется смотреть в глаза матери Костика и объяснять, почему все так вышло, становилось не по себе. Обстоятельства гибели друга Игорь не знал. Да и о смерти Кости он узнал из письма родителей.

В аэропорту, когда Погодин вышел из самолета, неожиданно защемило сердце. Он увидел деревце цветущего абрикоса, ощутил пьянящий аромат воздуха, и чуть было не заплакал. «Сволочи, — произнес про себя Погодин, — ах сволочи!»

Прямо посреди аэровокзальной площади Игорь поставил чемодан, почувствовал, что стало жарко, расстегнул подворотничок, снял фуражку. Достал пачку сигарет и вспомнил, что с утра ничего не ел. Недовольно поморщился, когда заметил поблизости военный патруль. Посмотрел исподлобья и руку поднимать не стал. Старлей козырнул и попросил документы. «Салага, — подумал Погодин, протягивая военный билет. — Плевать мне теперь на вас, теперь я дома...»

Старший лейтенант задумчиво посмотрел на демобилизованного сержанта, хотел было что-то сказать, но еще раз взглянул в документы и вернул их. Козырнул и пошел с сопровождающими дальше.

Тащиться через весь город в троллейбусе, да еще с пересадкой, Игорю не хотелось. Он отправился к стоянке такси. Торопился побыстрее очутиться дома, увидеть мать, отца, сестренку. Родителей о своем приезде он не предупреждал. Не хотел раньше времени расстраивать — мало ли что? Еще после госпиталя приучился ничего не загадывать — стал суеверным. Появилась привычка — жить одним днем. Что будет завтра — это бог решит: миловать тебя или к себе прибрать...

Мать возилась в огороде, мотыжила грядки. Она, видно, не услышала, как возле ворот фыркнуло такси. Игорь подошел к ограде, поставил чемодан и стал разглядывать столь знакомый ему двор, дом, сад, женщину с мотыгой. «Странно, — подумал он, — мать всегда мне казалась молодой, а она, выходит, уже пожилая, а в этом сером платье почти старая...»

Мать что-то почувствовала, подняла голову, вздрогнула и не поверила глазам своим.

— Сынок!.. Сыночек... — она бросила мотыгу, подбежала к калитке, распахнула ее и чуть было не сбила Игоря с ног, обхватила его двумя руками и заплакала.

— Ты чего, мама? — растерялся Погодин. — Перестань, все нормально, все хорошо... Чего ты плачешь? Я ведь живой.

— Сынок, как мне не плакать, счастье-то такое... — мать смахнула рукавом слезы и подхватила чемодан сына.

Игорю стало неудобно, но забирать чемодан не стал.

Они вошли в дом. Мать, возбужденная, суежилась, кинулась накрывать стол, разбила тарелку и снова заплакала.

— Да ты успокойся, мама. Все хорошо... — Погодин чувствовал, как тяжелый комок застрял у него в груди. — Ты посиди лучше со мной, посиди...

Мать смотрела на него и словно бы не узнавала.

— Ну, что ты плачешь? Я вернулся, мама...

Мать молчаливо кивала, растерянно улыбалась.

Когда Игорь поднялся со стула, метнула испуганный взгляд: куда, сынок?

— Извини, мама, я должен к родителям Кости Савченко... Я им обещал, когда вернусь, сразу загляну.

— Нет их, — тихо произнесла мать. — Уехали они. Дом продали и уехали. Куда-то на Украину. Даже адрес не оставили.

— А Костик? Где Костю похоронили?

— Не знаю. Говорят, что он в Алма-Ате в госпитале долго лежал, но спасти не смогли. Там, говорят, и похоронили...

«Сволочи... — выругался Погодин. — Да-а, друг, даже косточки до родных мест не добрались. Так и остался... в этой Азии».

Вечером пришли соседи, мать накрыла стол. Отец разлил по стаканам водку. Игорь устало отвечал на вопросы, а потом как-то быстро захмелел. Отец, заметив это, перестал подливать сыну.

— Ты чего, папаня? Давай, наливай! — бросил Игорь отцу, и тот, словно чего-то испугавшись, налил ему полный стакан. — Это же, папаня, не травка, не виски... это же наша... русская... водка... Всем, всем наливай!

Погодин поднял стакан, оглядел собравшихся — заметил испуганное лицо сестрички, скупое улыбающееся лицо матери, любопытствующие взгляды соседей — и сказал:

— Ладно, кончилось все это... Будем жить дальше... Давайте за тех, кого уже не вернешь. За ребят наших...

Соседи что-то спрашивали о политике, но Игорь опьянел, и перед глазами разлился непроницаемый тусклый свет. По-

слышалось, что где-то стреляют... Погодин попытался встать, отец придержал его и помог выйти из-за стола.

Неделю Игорь провел дома, никуда не выходил. Вечерами смотрел телевизор. Когда слышал новости из Афганистана, хмурился и, кривясь, цедил сквозь зубы: «Писаки... вашу мать». Часто он играл с пятилетней сестренкой, которая просила: покатай. Забиралась к нему на плечи, обхватывала ручонками шею, шлепала ладошкой по груди и смеялась. Погодин прыгал по комнатам, изображая «лошадку», затем устало опускал сестренку на пол и вытирал пот со лба. Изредка Игорь выходил во двор, помогал матери по саду и огороду.

Однажды мать сказала:

— Сынок, сходил бы ты в город, погулял. В кино там, на танцы... Надо — я тебе денег дам.

Погодин посмотрел на мать, и та заметила в его взгляде непонимание: для чего, куда идти?

— Ну, ты же раньше ходил... К друзьям загляни.

Игорь усмехнулся. Когда-то мать про этих дружков и слышать не хотела. Считала их хулиганами и бандитами, стращала его тем, что они все «кончат тюрьмой». А теперь сама к ним посылает.

— Никуда я не хочу. Мне и здесь не худо.

В саду, действительно, было хорошо. Деревья отцвели, на клумбах появились тюльпаны, нарциссы.

После Первомайских праздников объявился один из бывших дружков Погодина — Шура Великанов. Он подъехал на мотоцикле, остановился возле изгороди, снял шлем, перегнулся через калитку и крикнул:

— Привет, Игореша! Ты чего спрятался?! Говорят, что дембельнулся давно, а самого и не видать!

— Привет, красавчик!

Погодин подошел, пожал Великанову руку и улыбнулся: вспомнил, что у Шуры была кличка — Пеликан. Шура засмутился, подумал, что улыбка товарища вызвана чем-то в его

одежде. А одет он был «фирменно» — заджинсованный, в кожаной курточке, на рукавах металлические звездочки, на груди цепочка. «Металлистом стал, — подумал Погодин. — Всегда чем-то хотел выпятиться... Потому и прозвали Пеликаном».

— Может, отметим твое возвращение? Давай, по старой традиции, на турбазу... Там сейчас каждый день танцы.

«Интересно, сколько ему лет? Вроде он старше меня на год. Выходит, в армии не служил? Ну да... Еще тогда рассказывали, что он закосил это дело, дурачком на медкомиссии прикинулся...»

— Можно. Сходим. Приходи вечером.

— Вот это дело. После Афгана неплохо по девочкам пошвырнуться. Небось там монахами жили?

— Как могли, так и жили... — усмехнулся Погодин, а про себя подумал: тебя бы туда, понюхал бы ты дерьма...

Когда-то на турбазе Игорь познакомился со Светланой. Девушка приехала отдыхать из Петрозаводска. Игорь тогда и не знал, где этот Петрозаводск. Считал, что где-то на Камчатке. Оказалось, ближе — в Карелии. Что между ними было, он так и не понял. Наверное, любовь. Светлана писала ему письма до самого призыва. Он написал ей первое письмо из Афганистана и получил ответ, где старательным почерком было написано: «Извините, но вам пишет мама Светы. Не пишите ей больше. Она давно вышла замуж. Ее муж — аспирант, он любит ее и хорошо получает. У них мальчик. Она вам писала, потому что ей было неудобно. Она боится обидеть вас и сказать правду».

Погодин несколько раз перечитал письмо, затем пошел в сортир и изорвал его на мелкие клочки. Захотелось все забыть. Но... помнил. Все помнил. Ее глаза, шелковистые волосы, пахнущие солнцем, запах духов, ее нежность, все то, что было между ними... «Стерва, — повторял он по ночам. — Все они... такие, сволочи...»

Пеликан появился еще засветло. Вежливо поздоровался с отцом и матерью, потрепал за косичку сестренку, стал ожидать, пока Игорь соберется.

— Ребята, может, вы того?.. — предложил отец, щелкнув себя по подбородку.

Игорь посмотрел на него удивленно. Зато Пеликан обрадовался:

— А чего, можно... За возвращение Игорька.

— Я не буду, — произнес Погодин. — Если ты хочешь, то пей. У меня настроения нет...

Растерявшийся Пеликан взял протянутый стакан самогона, отвернулся в сторону и выпил, хекнул от крепости, замахал рукой, отказываясь от закуски, и они вышли из дома.

— А куда мотоцикл свой подевал.

— Как назло, поломался! А ты что, совсем завязал пить?

— Развяжу когда надо. Просто не хочется.

— А дома чего прячешься? Нигде не появляешься...

— Я отдыхаю. Имею право?

Пеликан смущенно пожал плечами:

— Да, конечно... А вот Костику не повезло, надо же...

— Знаю, — оборвал Игорь Пеликана. — Ты лучше расскажи, что в городе нового?

Шура рассказывал до самой турбазы. Игорь не захотел ехать троллейбусом, и они шли пешком.

На турбазе былолюдно, оживленно. У туристов закончился ужин, они выходили из столовой и занимали скамеечки в сквере напротив. Рядом, на танцплощадке, тихо играла музыка. Начинало темнеть. Хрипловатый голос через репродуктор объявил: «Приглашаем на вечер танцев».

— Слышишь, приглашают...

Пеликан после спиртного чувствовал себя весело, и видно было, что все происходящее вокруг казалось ему цирком.

Туристы по одному, парочками, группами стекались в круг танцплощадки. По кромке круга была сделана скамейка. Женщины заняли ее полностью, мужчин было мало. Никто не

танцевал. Только в середине круга кружилась в вальсе пара пожилых людей.

Воздух был чист и свеж. Ветер приносил откуда-то из садов пьянящий аромат сирени. В памяти Игоря ожила та весна перед призывом, когда он познакомился со Светланой. Тогда все было так же... Музыка и полумрак, цветущая сирень и девушки. Все было необычно, казалось, что впереди ждет что-то радостное и неоткрытое... Очень хотелось верить, что в жизни будет только хорошее...

Пеликан стоял рядом и комментировал:

— Гля, Игореша, гля... Вот это чувиха пошла! А вон, видишь, еще с подружкой, смазливенькая...

Голова у Пеликана крутилась как на шарнирах. Он уже успел задеть колким словом нескольких девушек, и на него поглядывали с интересом.

Культработник включил быструю музыку. Молодежь заполнила круг, и каждый стал дергаться, кто как мог. Все танцевали или делали вид, что танцуют.

— Пойдем, потрясемся, — предложил Пеликан.

— Ты иди, потрясись, а я посмотрю, — отказался Игорь.

Напарник тут же присоединился к кучке танцующих девушек.

Потом Пеликан подвел к нему двух. Они заразительно смеялись. Видно, Шура рассказал им что-то смешное.

— Вот, знакомьтесь... Это Игорь. А это Наташа и Оля, верно? Они приехали из Москвы, будут у нас жить...

Девушки опять засмеялись. Игорь обратил внимание на худенькую, с большими глазами. Она показалась ему похожей на какую-то артистку, только прическа другая, ершиком. Девушка тоже заметила его взгляд, лукаво улыбнулась и спросила:

— А вы танцуете?

Тут объявили медленный танец, и Погодин шагнул к девушке:

— Пойдем... То есть можно вас пригласить?

— Пойдем, хотя я люблю быстрые танцы.

Игорь придерживал хрупкую девушку чуть выше талии и пытался услышать музыку. Собственные движения казались ему неуклюжими, и он неловко топтался на месте — совсем разучился танцевать. В глаза девушки ему было смотреть неудобно — они были рядом, и казалось, что она смеется. Непривычно было держать девушку за спину, предательская дрожь появилась в руках. Тогда, со Светланой, все было иначе, спокойней... Почему же сейчас не так? Что произошло?

Игорь все-таки решился взглянуть партнерше в глаза. Та улыбнулась и спросила:

— Правда, что вы из Афганистана вернулись?

«Пеликан, сволочь, натрепал... Зачем?»

— Нет, мой товарищ пошутил. Я служил на Севере, эков охранял.

— А-а, — разочарованно протянула Наташа. — А я думала — там, где стреляют...

Глаза ее потухли, и Погодин подумал: лучше бы он сказал правду?

— У тебя там кто-то есть?

— Где? — не поняла девушка.

— Ну, в Афганистане?

— Не-е... Просто девчонка из нашего училища с парнем встречалась. А он там воевал. Такие ужасы рассказывал... Все ей завидовали. Она за него потом замуж вышла, ушла со второго курса.

— А какое училище?

— Медицинское. Мы с Ольгой медсестрами будем.

Танец закончился. Игорь повел Наташу к месту, где оставил ее подругу и Пеликана. Те куда-то исчезли.

— Вот так всегда. Меня одну бросит, а я пропадай.

Наташа расстроилась. Лицо стало обиженным. Показалось: еще немного — и она расплачется.

— Все, надоели мне эти танцы. Больше не хочу. Надо отдохнуть, завтра в Алушту ехать...

— Я тебя провожу, — предложил Игорь.

Девушка ничего не ответила, ей было все равно — провожают или нет.

Они прошли ко второму корпусу, и Погодин вспомнил, что точно так же он когда-то провожал Светлану. Поднялся к ней в номер и потом...

Наташа открыла дверь. Игорь шагнул следом.

— Подожди, ключи возьму, — девушка направилась к деревянному барьеру, за которым сидела дежурная. Игорь подумал, сейчас спросит: вы кто, турист? Куда направляетесь? Но дежурная ничего не спросила. Наташа прошла по коридору первого этажа, в самый конец, открыла дверь номера.

— Теперь признавайся, куда твой друг мою Ольгу утащил? А если с ней что случится? Смотрите, она девушка строгая...

И, заметив, что Игорь стоит у двери, не решаясь войти, удивленно спросила:

— Ты чего? Проходи. Мы с Олькой вдвоем живем. Номер люкс. Даже балкон есть. После одиннадцати можно через окно лазить.

Девушка хитро посмотрела на Игоря, достала из чемодана какой-то предмет, завернутый в газету, и лукаво спросила:

— Отгадай, что у меня здесь?

— Кусок колбасы, — усмехнулся Погодин.

— Колбаса тоже есть, но ты не угадал, — девушка развернула пакет, и в руках у нее оказалась плоская бутылка. — Это спирт. Настоящий, медицинский. Ольга на практике была, в больнице, она его там и натырила. Хочешь?

И, не ожидая ответа, Наташа бодро придвинула к себе два стакана, налила понемногу в каждый.

— Развести надо, очень крепкий. Я воды принесу.

«Странно, почему она меня решила угостить? — подумал Погодин. — Я ведь ей ничего даже не говорил, не намекал. Может, ей скучно? Тогда для чего здесь я?»

И опять в памяти замаячила Светлана. Вспомнил, что она тогда не захотела оставаться в номере, они пошли в парк, и уже в парке, возле реки...

— Слушай, может, пойдем погуляем?

— Куда? — удивилась Наташа, — Уже темно, а я темноты боюсь. Еще какие-нибудь хулиганы пристанут. Если ты торопишься, то иди, я тебя не держу.

Погодин взял стакан, выпил залпом и ощутил, как все внутри обдало жаром.

— Ты с ума сошел?! Сейчас же запей!

Наташа схватила графин, плеснула в стакан воды. Погодин выпил, и жар стал слабеть, полегчало. Точно такой жар он испытывал тогда, когда лежал в госпитале, под капельницей...

Девушка долила себе воды, быстро выпила и сморщилась:

— Фу, гадость... — и, немного помолчав, стала объяснять Игорю: — Ты не думай, мы не алкашки, нет. Это мы так взяли, на случай, поднять настроение. У вас в городе скукота, да и на турбазе не весело...

Наташа почему-то хитро улыбнулась. Лицо ее порозовело, словно румянами покрылось. Она выглядела школьницей. Интересно, сколько ей лет?

— Расскажи что-нибудь, что ты молчишь?

Игорь встал со стула, подошел к Наташе, присел рядом с ней на кровать. Он взглянул на девушку, и в какое-то мгновение ему показалось, что это Светлана. Она растерянно молчала и чего-то ждала. Игорь взял руки девушки и увидел, какие они маленькие, детские, пальцы тонкие.

— Ты чего? — не понимая, спросила Наташа.

Погодин неуклюже обнял ее и поцеловал.

Девушка сделала робкую попытку вырваться, но затем сама прильнула к Игорю и затихла. Погодин поднялся и выключил свет...

Ольга появилась рано утром и постучала с балкона в окно. Игорь уже не спал, он привык подниматься рано. Быстро подхватился и через несколько секунд, уже одетый стоял возле кровати. Наташа, сонная, потянулась, зевнула и попросила:

— Открой ей... Господи, как я хочу спать!

Погодин открыл дверь на балкон, и в комнату влетела Ольга. Вся помятая, дрожащая от холода, злая.

— Ну ты, корова! — дернула она за плечо Наташу. — Чего дрыхнешь? Вещи надо собирать... Подъем!

— Отстань!.. Не хочу! — отбивалась Наташа.

Девушки словно и не замечали Игоря. Он подумал, что ему надо уходить, но... Ольга ушла в туалет, и слышно было, как она умывается. Погодин подсел на кровать к Наташе и поцеловал ее, сонную, но она увернулась и лениво промычала:

— Не на-адо... Я больше не могу. Хватит.

— Я ухожу...

— Хорошо. Счастливо... Дверь только закрой.

— Я к вам в Алушту приеду, договорились?

— Ладно, приезжай... Когда только?

— Через неделю.

— Приезжай на девятое мая, мы пир закатим... Хорошо?

Из туалета появилась Ольга, она вытирала полотенцем бледное и прозрачное без красок лицо.

— Вы меня извините, Юра...

— Игорьь.

— Прошу пardon, Игорьь... Я хочу переодеться, понимаете? И скоро горничная придет, белье будет принимать. Как-то неудобно, если она...

— Я уже ухожу, — оборвал Ольгу Игорьь. — До свиданья.

— Покедова! Шурику привет передавайте.

Погодин захлопнул дверь и вышел в коридор.

Вспомнил, что идти надо мимо дежурной. Надо было бы через балкон...

Неделя пролетела быстро. Игорьь договорился на заводе, что после праздников придет оформляться токарем в механический цех — туда, где и работал до призыва.

Утром девятого мая Игорьь сказал родителям, что едет в Алушту, хочет навестить приятеля, и вернется поздно.

День выдался теплый, солнечный. Небо чистое, без единого облачка. Все вокруг сияло, зеленело. В природе все было празднично, и это будоражило людей.

Первый раз за столь долгое время Игорь почувствовал радость. Тем более что целую неделю он мечтал увидеть Наташу, тосковал и даже ревновал к каким-то неизвестным лицам.

«Ну и что, если она с кем-то другим? — пытался он рассуждать. — Она что, тебе клятву давала?.. Это ее право».

Погодин все еще не мог понять, что творилось в его душе после той ночи и такой неожиданной близости с Наташей. Он предложил поехать в Алушту Пеликану, но тот отказался.

— Не хватало мне еще за каждой чувихой по турбазам гоняться... Я тебе их сегодня хоть сотню найду. Пусть считают за честь, что переспали с ними...

В Алуште Игорь прошел к набережной. Остановился возле причала и долго смотрел на море. Оно было спокойным, словно застывшим, даже мелкой ряби не было видно.

По улицам бродили толпы народа. Было много стариков, пожилых женщин. Все в костюмах, галстуках, на пиджаках позвякивали медали, светились ордена.

Игорь вспомнил про свою медаль. Он ее так и не разворачивал с момента приказа о демобилизации, даже родителям постеснялся показать. Подумал, что отец, который не воевал, решит, что он хвастает перед ним.

Погодин прошел по набережной к городскому саду и возле памятника-обелиска с красной звездой вновь увидел стариков и женщин. Они столпились в круг, держа друг друга под руки. В центре круга играл баян, кто-то танцевал, кто-то пел. Было видно, что этим людям весело.

«Когда-то они тоже вернулись... — подумал Игорь. — А кто-то остался, кто-то должен был остаться... Они все это помнят. И живут — не лучше и не хуже, со всяким дерьмом мирятся, которое даже и не нюхало, что такое смерть...»

Погодин ощутил, что настроение у него портится. Он прошел через горсад, стараясь думать только о встрече с Наташей.

«Они вернулись, и был праздник... Они победили. Да, они победили, черт возьми! А мы, кого победили мы? За что там остались ребята, Костик? Кому это было нужно? Чему мы должны радоваться? Какой победе?»

Турбазу Игорь разыскал быстро, показали прохожие. В регистратуре ему назвали номера комнат, где живут туристы такой-то группы. В одной из комнат, куда он постучал, хмельной мужчина, улыбнувшись, объяснил, где живут девочки из Москвы.

Возле двери номера Погодин остановился, постучал.

— Чего стучишь?! Открыто!

Игорь вошел. В комнате была одна Ольга. Увидев его, она растерялась. Погодину показалось, что она ждала кого-то другого, только не его.

— Привет! Ты откуда? — неуверенно произнесла девушка.

— Здравствуй. А где Наташа?

— А она с этой... С Клавдией Петровной в магазин пошли. — Выражение у Ольги было виноватое, словно она сделала что-то недозволенное. — Ты один приехал или с товарищем?

— Один. Шурик не смог, занят очень.

— А-а, — понимающе протянула Ольга, лицо ее повеселело. — Жаль, что не смог. А ты надолго?

— Пока день не кончится.

— Ладно, тогда гостем будешь, — окончательно успокоилась Ольга, хотя чувство досады, видно было, осталось.

— А ты что, кого-то ждешь? — спросил Игорь, которого этот «допрос с пристрастием» покорибил.

— Наташку и Клавдию Петровну... Мы это, решили праздник отметить... Еще ребята из нашей группы обещали подойти...

Ольга хотела еще что-то объяснить, но дверь распахнулась, и вошли Наташа и незнакомая пожилая женщина с сумками. Хотя пожилой ее назвать было трудно — напудренная, накрашенная, с пышной копной каштановых волос и в цветастом платье.

— Смотри-ка! — произнесла она радостно. — Вот девки бедовые! Еще одного жениха захомутали! С вами не соскучишься.

— Привет, — прохладно произнесла Наташа, и Погодину как-то стало не по себе — он понял, что его не ждали. — Давно приехал?

— Да вот только перед вами вошел, — ответила Ольга.

— Ну что, жених, давай стол помогай накрывать. — Клавдия Петровна обратилась к Погодину так, словно сто лет его знала. — Бери нож, открывай консервы... Тебя как хоть кличут?

— Игорь, — ответил Погодин и стал помогать доставать из сумок хлеб, консервы, бутылки с вином.

— Вино мы на автовокзале брали, с наценкой, — усмехнулась Клавдия Петровна. — И что за курорт такой, нигде ни капли спиртного, даже в праздник... Девчата, вы чего стоите? Быстро стаканы ополоснуть!

В дверь постучали, и в комнату вошли двое ребят, лет шестнадцати-семнадцати.

— Как обещали, мы здесь!

— Ой, мальчики! — засуетилась Ольга. — Проходите, знакомьтесь. Это Игорь.

Юнцы назвали себя — Гриша, Миша. Погодин взглянул на Наташу, она равнодушно взидала на пришедших. «Интересно, кто из них чей? Было ли у них что-нибудь?»

Клавдия Петровна, заметив, что возникла неясная ситуация, бодро провозгласила:

— А ну, женихи и невесты, быстро к столу!

Стульев не хватило. Ребята придвинули кровать, одну и вторую. Игорь очутился между Наташей и Клавдией Петровной, напротив — Ольга с Мишей и Гришей.

— Давайте, мальчики-девочки, поднимем стаканы за наш главный праздник, самый светлый праздник — за нашу Победу...

Клавдия Петровна поперхнулась, закашлялась. Ольга хихикнула, Наташа кисло улыбнулась.

— Ладно, чего это я?.. Давайте выпьем.

Клавдия Петровна как бы засмущалась, ей стало неловко.

Гриша и Миша быстро опорожнили стаканы и потянулись к консервам. Клавдия Петровна тоже залпом осушила свой стакан. Не спеша выпили девушки. Игорь сделал несколько глотков и поставил свой стакан.

— Ты чего не пьешь? Больной, что ли? — непринужденно спросила Клавдия Петровна.

Ольга и Наташа засмеялись, ребята хмыкнули.

— Я удовольствие растягиваю. Жду, когда вы еще один тост скажете. Вы так правильно говорите...

Погодин произнес эти слова с иронией — ему неприятна была эта крашенная «матрона». Лучше бы уже молчала, чем говорить вещи, на которые не имеешь морального права.

— Ну-ну, растягивай... — Клавдия Петровна подхватила еще одну бутылку и налила всем по полному стакану, долила Игорю. — Давайте, ребятки, за ваше счастье...

Погодин поднял стакан и опустил, даже не отпив. Ребята выпили и усердно стали закусывать, не обращая ни на кого внимания. Их мало волновало, о чем говорит эта «старуха». Они словно ничего не замечали, главное — выпить свое и закусить. Оля и Наташа лениво жевали конфеты. Клавдия Петровна отщипнула кусочек хлеба, понюхала, положила в рот. Она захмелела. Игорю было неприятно смотреть в ее тусклые глаза. Клавдия Петровна разлила еще по стакану и горестно качала головой:

— Как я вам завидую, ребятки... Какие вы счастливые, у вас войны нет... Этой проклятой войны... Гуляйте, ребятки, веселитесь, не дай бог вам всего нашего испытать...

Погодин стиснул зубы, почти с ненавистью взглянул на соседку. Ему было противно, что она все это говорит. А Клавдия Петровна неожиданно заплакала.

Гриша и Миша удивленно приоткрыли рты, перестали жевать. Девушки вопросительно переглянулись. Клавдия Петровна плакала тихо, размазывала слезы и неизвестно кому жаловалась:

— Вы этого не видели... И не надо видеть. А я всю эту войну проклятую в блокаде, затем на фронте...

Женщина вытерла полотенцем слезы, дернула покосившуюся прическу, — оказалось, что это парик. Клавдия Петровна бросила его на кровать, и Погодин заметил, что у нее редкие, седые волосы, а на лице множество морщин. Крашеной «матроны» больше не существовало, рядом с Игорем сидела самая настоящая плачущая старуха.

Клавдия Петровна распрямилась, сквозь слезы попыталась улыбнуться, но это получилось жалко и нелепо.

— Вы меня, мальчишки-девочки, простите старую... Я в этот день всегда плачу. Накануне Победы у меня жениха убило... Вы уж простите, празднуйте без меня, я к соседкам схожу...

Клавдия Петровна поднялась и вышла. Погодин сидел сам не свой — ему было стыдно. Стыдно перед этой ушедшей женщиной. Почему — он сам не мог понять. Вывел из себя голос Ольги:

— Тоже мне, фронтовичка! А сама за мужиком из нашей группы ухлестывает, будто ей двадцать лет... Всех женщин от него отвадила, на ночь даже оставалась...

— А что, ей нельзя на ночь оставаться? — мрачное спросил Игорь, — Или это только для избранных?

— Почему? Можно. Только зачем из себя правильную корчить... Она нам уже вот так надоела своими нравами. Лучше бы ее к другим поселили, к старухам...

Гриша и Миша молчали, они уже охмелели и упрямо смотрели в стаканы и на стол. Наташа нерешительно взглянула на Игоря, Раздосадованная Ольга взяла бутылку и стала разливать вино. Заметив, что Игорь так и не выпил, поставила бутылку рядом с его стаканом.

— Может, прогуляемся? — шепнул Погодин Наташе.

Ему захотелось побыстрее выйти из этой комнаты. Неприятно было смотреть на Гришу и Мишу, один из которых попытался обнять Ольгу и нудно тянул:

— Ты чего?.. Давай поцелую...

Захотелось встать и вышвырнуть обоих в коридор.

— Ладно, пошли, — согласилась Наташа.

— Куда ты? — встревожилась Ольга.

— Мы сейчас придем. Проветримся.

— Не забудь, купи сигарет на вечер...

Возле турбазы никого не было видно. Ни туристов, ни сотрудников. Игорь повел девушку в зеленую аллею, и напротив пансионата, на просторной площадке, они заметили толпу пожилых, нарядно одетых людей. Похоже, это были те, кого видел Погодин в горсаду, возле памятника. Опять кто-то танцевал, кто-то пел.

Наташа кисло посмотрела на собравшихся и остановилась:

— Дальше я не пойду. Мне к Ольге надо... Мало что эти с ней сделают? Тем более, они пьяные...

— Так ты меня выпроваживаешь?

Девушка молчала.

— Я не понял. Мне что — уезжать?

— Не знаю... Мне к Ольге надо.

Наташа, видно, не хотела ничего объяснять, да и нечего ей было объяснять. Погодин ощутил, как скверное, мерзкое до исступления чувство поднимается из глубин души. Показалось, что сейчас надо будет оторвать тело от земли и бежать навстречу выстрелам, бежать от собственного страха...

— Холодно что-то, — Наташа нервничала. — И чего они веселятся? Не пойму я этих стариков. Война уже сто лет, как кончилась, а они все радуются, все песни поют...

— Что ты сказала? — переспросил Игорь.

Он уже понял, что сказала Наташа, и почувствовал, как пульсирует в висках нерв, который уже ничем не унять, и, если не успокоить его, то этот нерв убьет его, раздавит...

— Психопаты они все, выжили из ума, вот и радуются...

Игорь ощутил, как мучительно перекосило лицо, стянуло челюсти. Он схватил девушку за воротник рубашки, притянул к себе и, разглядев испуганные глаза, полоснул ладонью по лицу, как учили. Наташа не успела вскрикнуть. Голову ее откинуло назад, и, если бы Игорь не держал, она бы упала.

— Дерьмо!.. Сволочи! Ненавижу вас всех, ненавижу... — прорвалось сквозь зубы. — Всех вас, дерьмо, стрелять, всех...

— А-а-а... А-а!.. Ты что?! — Наташа попыталась вырваться, и он отпустил ее.

Девушка побежала к турбазе, споткнулась, грохнулась на локти, тут же снова подхватила и, истерично рыдая, вновь побежала.

Возле Игоря остановилась пожилая женщина и осуждающе покачала головой:

— Эх, даже в праздник... Разве можно так?

Погодин тупо глядел под ноги и молчал. Он еще до конца не осознал, что произошло с ним. Почему он это сделал? Зачем ударил эту... Зачем? Почему так тяжело, боже мой...

Через полчаса Игорь сидел в междугородном троллейбусе; он возвращался в Симферополь. Машина неторопливо поднималась на перевал. И Погодин чувствовал: каждый поворот отзывается в его душе навсегда проснувшейся болью.

МАЛИННИК

Весь мокрый, в испарине, он проснулся. Лежит молча и шевельнуться боится: не дай бог, все обратно вернется. Страшным был сон и заладил каждую ночь повторяться. Он тяжело вздохнул, и тут же зануло сердце; будто кто-то грузный, с одышкой, принялся закручивать тиски на клапанах, так плотно, что не продохнуть... Казалось, еще малость крутанет, и не выдержит мотор, хрустнет, разлетится звенящими осколками.

На соседней кровати тяжело посапывала жена, и казалось, от ее тела исходил жар; он задыхался, не хватало воздуха, спасительной струи свежести. Кончики пальцев холодели, и он почти не ощущал их, тело оцепенело, и появилась жуткая мысль: это все — смерть. Замученным, истерзанным криком из старческой груди вырвалось:

— Маша! Машенька!.. Проснись же, корова яловая!

Бесформенная грудa на кровати качнулась, и глухой, непонимающий голос спросил:

— Чего ты? Ополоумел, что ли? Рань-то какая, зыркни на двор... Ей-богу, ополоумел.

— Да не трынди ты, плохо мне... Окно открой.

Жена закричала, поднялась, уныло зашаркала ногами, подошла к окну; резко хлопнула форточка. Он пугливо вздрогнул. И тотчас волной вкатился сквозняк, выметая из комнаты дурное и нечистое, заполняя исподтишка под одеяло, покалывая руки и ноги. Последние капли ночного страха рассеялись, и пришло радостное облегчение: спасен, жив!

— Сколь тебе говорила, валерьянку пей... Ишь, воняет ему. Форточку потом прикрой, застудишь меня!

Старуха еще долго скрипит жестяным голосом, долго ерзает, пока укладывается, а в нем возмущение, как накипь, поднялось: до чего ж вредная стала, стерва, прости, Господи...

В соседском дворе собачонка таякнула. Спросонья, что ли? Подумал: сейчас собачий перебрех начнется, ан нет... По-прежнему глушь тихая. Отвернулся к стене, попытался заснуть, но опять сердце схватило... Похоже, без валерьянки ему из этой боли не выпутаться.

Как же он ненавидит эти пилюльки, капельки!.. Еще когда в госпитале валялся, медсестры чуть ли не силком таблетки в рот впихивали. Не хотел, отказывался от лекарств. Для себя он тогда твердо решил: если сейчас помереть суждено — такова, значит, судьба.

А что ему смерть? Он ее уже давно поджидает, только вот жутко умереть ночью, под утро; еще когда-то давно от матери слышал, что люди, дурно прожившие жизнь, под утро и умирают.

Как хорошо было, умри бы он тогда в госпитале: не было бы сейчас ни этих снов, ни смрадной темноты, ничего из прошлого, что мучительной болью изо дня в день в душе отзывается. Ведь просил же тогда Бога: дай смерть, не терзай меня, а Бог только усмехнулся едко и сказал: живи. А зачем, зачем

живи? Чтобы каждый день себя спрашивать: кто ты? Трус или мерзавец? Виновен или нет?

Нет, не в чем мне каяться, я всю жизнь и так во искупление грехов жил: работал с утра до вечера, чужих подвигов не выдумывал, за красный стол не рвался, орденами не красовался, на инвалидность не напирал — негнущуюся руку в карман прятал, шрам на спине от чужих глаз прикрывал... Так сколько же мне эту память носить, сколько мне еще муки терпеть?

Последние года как-то и думать забыл — все, мол, похоронено, а оно, ишь как вышло, в один момент ударило, письмом припечтало.

Он тот день хорошо помнит. Разве его забудешь? Он тогда по огороду возился, весенние хлопоты справлял. Жена и принесла конверт: держи, пишут тебе. Он сразу и не понял: от кого это? Почерк был детский, адрес написан с ошибкой, номер дома не его указан. Это уж почтальонша постаралась исправить.

Как-то не по себе стало, когда обратный адрес разглядел. Торопливо разорвал конверт, пробежал глазами косые рядки строчек: «Уважаемый... мы хотим сообщить... наша пионерская дружина шефствует над памятниками... разыскиваем родственников партизан... в братской могиле у Костенковского леса... в ответ на письмо узнали, что вы записаны ошибочно... вас тяжело ранило, и после боя отправили самолетом на Большую землю... наградили орденом...»

Ноги как ватные стали, в груди что-то щелкнуло, и по всему телу стремительно разлилась боль; показалось, что полетел в глубокую яму, еще за лопату схватился, она вывернулась и вместе с ним на грядку осела... И услышал, как кто-то громко зачитал: «Орденом наградили...»

Нет, не орденом, а вечной, адской мукой! Лучше бы он там, возле леса, под обелиском лег, чем в этой жизни терзаться... Нет, не орденом...

Старуха, приметив его, лежавшего на огородной грядке, шум и крик подняла, соседей переполошила, те неотложку

вызвали, медики его в город отправили, в госпиталь для инвалидов войны.

...И почему он в госпитале не умер? Разве это жизнь, когда бессонными ночами доживаешь до предела и ожидаешь утра.

Старик тяжело поднялся и потянулся рукой к тумбочке, где стоял стакан с водой и флакон с валерьянкой.

Рассвет за окном только-только прорезаться начал, самая завязь его: выползало из-за бугра солнце, легли по небу серебристые полосы, все начало наливаться цветом, обретать явные очертания — день себе дорогу расчищал.

И тогда он, высохший и бледный, с пресными глазами, подошел к окну и захлопнул форточку; жена и не шелохнулась, только слегка всхрипнула, и шевельнулось над ней одеяло.

Старик присел у подоконника, опустил голову на ладонь и снова к своим мыслям вернулся: сколько раз он хотел решиться, поехать туда, к лесу, в деревушку Костенки, найти тех, кто жив остался. Может, и дед Архип уцелел, кто знает, он старик крепкий, такие, как он, до ста лет дотягивают. А если не его, то хотя бы внуков деда увидеть, Петьку и Федюшку, они-то живы остались... Найти их, прощение попросить... Хотя нет, за что просить? Не прощения просить, а рассказать правду, они ведь тоже люди, должны понять его, человек — существо слабое, со всяким случиться может... А что случиться? Никто не знает, даже он сам, как оно все было... Значит, надо ехать, узнать правду, какой бы горькой она ни была...

А если не шальная пуля, если дед ее в спину пустил, как тогда быть? Внуки все знают, и не только они... Тогда почему его в список на обелиске вписали? Может, сочли мертвым и простили?

Кто ее, эту правду, знает?

Сколько лет сомнения в себе держал, людей боялся, шаркался от них, родной жене ничего не рассказывал. Но сколько же можно эту боль терпеть? Ведь не сегодня-завтра помереть может. И что тогда? Унесет в могилу свою тайну, свой грех — и не будет душе покоя ни на земле, ни на небе.

Обескровленными, сухими губами старик еле слышно шептал: надо ехать! И словно светлый луч в окно заглянул: ехать! Ехать сегодня же, будить старуху, пусть костюм выходной достанет, что-нибудь съестное в корзинку соберет, заплачется на дорогу, попричитает, поругается... Но ехать, обязательно ехать. Опасаясь, что раздумает, старик еще раз повторил эти слова шепотом и впервые за последние дни вздохнул облегченно.

Лязгнула металлическая дверь, и через несколько секунд пронзительный гудок резанул дремотную пустоту станции; вагоны со скрежетом дернулись, и зеленая гусеница состава поползла прочь. Старик тяжело опустился на перевернутую корзину, и ему кошмарным сном вспомнилась ночь, проведенная в общем вагоне: дикий храп хмельных мужиков на верхних полках, нестерпимый запах окалины сырого угля, всхлипывание грудных младенцев, одурело бегавшая по вагону проводница с багровым лицом — все было отвратительно. В проходе висел смрадный туман, и, чтобы не задохнуться, он каждые полчаса выходил в тамбур.

Летняя ночь зябко холодила воздух, высохшие глаза оживали, и, чтобы как-то забыться, он утыкался в окно и на время заглушал боль. Мчался за окном черный ветер, бешеным галопом проносились искрящиеся табуны огней, рассыпались города, деревеньки. Иной раз ударом молнии вонзался во тьму встречный состав; с грохотом и напором, раздвигая тушей пространство, давя с жестокостью земную плоть, он обрывался на последнем вагоне, и казалось, что не было его вовсе — из чего вышел, в то и сгинул.

Поспать не удалось. Немного прикорнул под утро, но опять непутевый сон приснился: один в пустой комнате, белые гладкие стены, нигде не видно дверей, даже щелочки не сыскать; только он с места сдвинулся, как стены начали падать, он даже зажмурился, ожидая чего-то страшного...

Хорошо, вагон трянуло — и он очнулся, подумал с испугом: все ли так делает, нет ли ошибки какой? И мысль подобралась подленькая, на слабинку бьющая: выйти на первой станции и домой вернуться. Гори оно все синим пламенем! И так подохну, безо всего, без правды, без прощения, без исповеди! Кому оно это все нужно? Сколько ее осталось, жизни-то этой? Как-нибудь дожить, домучиться... Все равно все в земле гнить будем, как те смертные, что до него были, что после будут.

И согласился было: да, надо выйти. Но кто-то цепкий, словно следивший за ним сверху, заорал: «Стой, сукин сын! Куда ты?!. Стой!»

Он этот голос сразу признал. Это дед Архип кричал, еще тогда, слова в спину летели; узнал, почувствовал их мгновенно, и все белым светом в памяти озарилось: он, растерянный и оглушенный, уронив автомат, с кровоточащей рукой, ничего не видя — ни трупов, ни деда с берданкой, побрел наугад, как слепой, а затем бегом к изгороди, к лесу... И тут он услышал крик, и за ним впиалась в спину страшная боль, насквозь, через грудь; когда падал в зеленое марево, то увидел перед собой красную ягоду и удивился: зачем она?

Подлую мысль, что в вагоне пыталась ладиться — обратно вернуться, старик отогнал. Сказал себе: смотри, старый, вернешься домой, не душой страдать будешь, а кровью изойдешь, как тварь последняя, и тогда нигде тебе покоя не будет, не примут тебя — ни земля, ни бог.

Старик долго сидел на станции и все как в забытьи был; только глухо прогрохотавший товарняк заставил его вздрогнуть и очнуться. Аукнулась долгая бессонница; тело, будто в алюминиевую фольгу упаковали, веки, словно песком присыпало, во рту привкус железистый и слабость такая, хоть прямо у шпал ложись и усни замертво.

Вокзал он как-то и не признал сразу: то ли туман, табачным дымом зависший, мешал, то ли представить не мог, где

он. Показалось, что вышел на незнакомой станции, ошибся, переволновался, может, и проводница сдуру не там высадила.

Поднялся, подхватил корзинку и вокруг огляделся, все поплыло как в забытой детской картинке: одноэтажное здание кирпичного вокзала, белая вывеска с черными буквами и траурной каймой, запыленный сквер с чахлой зеленью, маячивший милиционер у билетной кассы — все как тогда, в предвоенные годы, словно и не менялось ничего.

А может, действительно, ничего и не было? Пригрезилось все. Не было разъяренной трескотни выстрелов в Костенках, не было друзей, залитых кровью, не было отупляющей близости смерти. Не было той жалкой секундной вспышки, которая не убила его, а даровала пожизненное терзание. И тут же спросил себя: что тогда привело сюда, на забытую богом и людьми станцию?..

Старик заметил, что на него с пристрастием и подозрительностью поглядывает молодой страж порядка, покосились станционные рабочие, прошедшие рядом с кирками и лопатами, с любопытством взирают редкие пассажиры, ожидающие утренней электрички. Понял, что вызывает недоумение, и люди гадают, прикидывают: откуда этот старик в соломенной шляпе и с корзиной?

Не спеша он побрел вдоль путей, пытаясь припомнить, в какую сторону выходить? Где та дорога, что в Костенковский лес вела? И память, в которую и верить трудно, подсказала: от районного центра до леса километров двадцать. Если идти вдоль железнодорожного полотна, то обязательно должен быть переезд. А через него та самая дорога и проходит.

Через несколько минут станция и вокзал остались позади. Над рельсами висела молочная туманная пелена: то ли не хотел день разгораться, то ли погода портилась, к дождю подгадывала. Прошло еще немного времени, и все укрылось синюшным светом, потеряло очертания.

Старик остановился возле зеленого холма; отсюда хорошо было видно пшеничное поле, и за ним фиолетовой тенью прорезался островок леса. Низко к земле обвисли тяжелые, серые облака, вдалеке проступили под ними бледно-синие полосы — где-то полоскал дождь, сюда подбирался.

До деревни самая малость осталась, перейти с этой стороны овражек — и все.

Тридцать лет он сюда добирался, сколько раз мысленно горячим лицом в траву падал, перед друзьями прощения просил, перед людьми исповедовался, и вот... он живой, деревня рядом, шаг ступи и придешь...

Но что это? словно железные путы на ноги легли, тело свинцом налилось, сердце укололо, горячая волна к вискам поднялась.

Последние метры с надрывом давались; преследовали мысли, одна другой жестче, все внутри дергалось, и успокоиться не мог.

Когда овражек перешел и на один из его взлобков подниматься начал, последний раз подстегнул себя: плетись, старая развалина, не дрожи, неси свой крест!

Он хорошо помнил, что на околице изба тетке Федосьи должна быть. Она здесь жила, одинокая, сварливая. Всегда, когда партизаны на ночлег в деревне оставались, тетка норовила их парным молоком угостить — корову ей удалось сохранить чудом, в лесной сторожке ее спрятала.

И показалось ему, что сейчас он увидит тетку на крыльце, заметит она его, засуетится, поворчит для острастки и за холодным кувшином в сени побежит...

Медленно расступился кустарник, разошлись травы и... не оказалось дома, где жила тетка Федосья. Но ведь здесь же он был, здесь! Старика словно придавило — замер, остановился как вкопанный.

Ошалело стучало сердце, каждый удар в голове мучительно отзывался. Старик глаза протер: что за чертовщина!

Не было, не было деревеньки Костенки!

Ни одной избы не выглядывало, а вдоль опушки, где избы раньше тянулись, куда ни кинь взгляд, буйствовал малинник. Кусты разрослись плотно, густо, среди темно-изумрудных листьев высвечивали сочные ягоды...

Где же, где деревушка? Где люди?! К чему, к кому столько лет добирался?

И стало ему страшно.

В метрах ста от оврага увидел за синей оградкой серебристый памятник с пурпурной звездочкой.

Неслышными шагами подошел к нему, остановился, запестрили перед глазами слова: «Вечная память... зверски уничтоженным... партизанам... жителям...» Господи, они же все, все здесь... Друзья, дед Архип, внуки... он сам...

Ощутил, как покачнулась под ногами земля, поплыл в сторону малинник, звенящей пустотой обрушилось небо — хлынул на зеленую плоть живительный дождь...

И вновь захлестнуло сердце чувство смертельного страха — один, совсем один-одинешенек остался, как т о г д а... ребята где-то поодаль отстреливались, те, кто еще жив был или ранен, а он, трусливо уронив автомат, отступил, сделал шаг в сторону и замер оцепенело: вспыхнула около перевернутого лукошка ярко-красная ягода и, алым светом разлившись, загрозила дорогу...

ИСКУШЕНИЕ ДОЖДЯ

Голову разламывало. Он ощущал в ней потоки кипящей расплавленной магмы, готовой разорвать череп и излиться потоком лавы. Не голова, а вулкан.

Он поднял лицо кверху и посмотрел в небо, темное и бархатное, с каплями разбросанных звезд.

«Господи, как я хочу дождя, чтобы пролился ливень, чтобы случились гроза, ветер и смерч», — подумал он и представил, как ему станет легче.

«Хочу, хочу, хочу», — трижды повторил он и напрягся так, словно хотел раствориться в звездном небе.

Ему было плохо уже несколько дней. Он заглушал сознание спиртными напитками, но, как всегда, не хватило физических сил. Несколько дней не ел и не спал. Тревожно и колюще билось сердце, голова наливалась свинцом, вскоре он перестал ее ощущать. А теперь эта вулканическая боль, от которой можно сойти с ума или броситься под поезд.

Он шел по темной ухабистой улице, жадно глотал прохладный ночной воздух. Ему не хватало кислорода и холода. Ночью было легче, чем днем. Днем было страшно от жары и духоты. Днем было невыносимо.

Он вышел пройтись, потому что не мог оставаться в квартире. Стены давили на него. Ему было душно, он задыхался. Потому вышел прогуляться, хотя время было к полуночи, и уже на улице решил зайти к знакомой семье. Она жила неподалеку, в старом дворе дореволюционной эпохи.

Ему нравился этот двор. Он был в зарослях густых трав и бурьяна. У знакомых была собственная в нем территория, отгороженная кирпичной стенкой. Это были интеллигентные люди и работали на государственной службе. Старая ветхая квартира осталась им от матери мужа, и они за десятки лет привыкли к ней, и почему-то считали свое жилище вполне нормальным. В квартире этой они вырастили сына, который тоже привык к столь убогому жилью.

Год назад они снесли прогнивший забор, отгородились от большого двора высокой кирпичной стеной и теперь чувствовали себя более комфортно. Во дворе можно было поставить журнальный столик, стулья, скамью и посидеть за бутылкой пива или вина, даже пожарить шашлык.

Вспомнил, что надо бы купить пива, заглянул в ночной магазин, который был по пути. Знакомая молодая продавщица расплылась в улыбке.

— Что-то вас долго не было видно.

— Работы много, — пробормотал он и взял шесть бутылок пива.

Подумал — и взял большой пакет чипсов.

— Спокойной ночи, — кивнул девушке и вновь зашагал по темному асфальту.

Ступал неуверенно. Он ощущал каждый бугорок и каждую впадину, боялся оступиться и потянуть ступню. Повернул влево в узкий переулок — и погрузился в густой пещерный мрак. Идти оставалось недолго.

Окна знакомых были плотно закрыты деревянными ставнями. Света в комнате не было. «Спят, как всегда», — подумал он и резко постучал кулаком по оконному стеклу. «Пусть просыпаются, нечего спать, рано ложитесь...» Он постучал еще раз и начал стучать в железную дверь в кирпичной стене. За стеной слышалось движение, что-то загремело, и зажегся свет.

— Кто там? — прозвучал недовольный мужской голос.

— Свои, свои, открывай...

— Сейчас, — пробормотал голос.

Заскрипел ключ, и дверь открылась. В проеме двери стоял мужчина, обнаженный по пояс, чуть дальше — женщина, в домашнем халате.

— Что так поздно? — спросил хозяин. — Я уже спал.

И показал на деревянный настил в углу двора, там лежали матрас, подушка и одеяло.

— Я на воздухе сплю, здесь так хорошо.

— Что-то случилось? — спросила хозяйка.

— Ничего, вот — принес пива, — и он выставил на столик бутылки, разорвал пакет с чипсами.

Он понимал, что семья недовольна поздним визитом, но ничего, пусть потерпят. Им ведь не так плохо, как ему. Ему плохо, им нет. Тем более, от пива они не откажутся. Правда, они больше любят водку, можно было купить водки, но от водки он умрет, прямо здесь во дворе. Пиво полегче... Может, и голова придет в норму.

Хозяин открыл бутылки, женщина принесла стаканы.

— Не спи на улице, сейчас будет дождь, — заметил он.

— Такое скажешь, — засмеялся хозяин. — Какой дождь? Сухо, тепло...

— Я сказал — будет дождь. Я так хочу. Он начнется ровно в двенадцать, — утвердительно повторил он и сделал глоток пива.

Все посмотрели на небо. По краям были заметны набежавшие облака, а в центре, как в темной яме, редкими угольками горели звезды.

— Будет, будет, — повторил он. — Я специально наколдовал, мне нужен дождь... Пусть смоет пыль и освежит землю. И пусть льет целую неделю, а то и больше, пусть будут ветер и смерч, пусть поднимет к небу все моря и цунами зальет землю...

— Ты что, сумасшедший колдун? — иронично заметила хозяйка.

Он почему-то вспомнил, что с этой семьей ему говорить практически не о чем. Хозяйка еще могла поддержать тему разговора, она была умной женщиной, а хозяин всегда молчал, больше пил и ел, а когда уставал, не прощаясь, уходил спать. О чем говорить, если ему плохо, а им хорошо. Сейчас они попьют пива, им станет еще лучше, и они улягутся отдыхать до утра. Утром встанут, умоются и пойдут на работу. И так каждый день.

А он не может спать, он уже четвертую ночь не спит. Снова и снова в сознании всплывает небольшая речушка и плавающее в ней тело, разбухшее, лицом вниз. Это старая женщина и это его мать, которая ушла из дома. Он видит ее постоянно и не может спать. И пить не может. И головы не ощущает, только один холодный камень. Он видит одну темноту — и более ничего. Никому это не объяснишь, почему так больно. Никому это не надо, кроме его одного. Он один, он действительно один — в этом страшном черном мире. Больше никого нет — и не будет.

Никто этого не поймет, и супруги тоже. Им хорошо, спокойно. Их волнуют только деньги на жизнь, которых никогда не хватает. Сын недавно поступил в институт, — нужны деньги, надо что-то покушать, — нужны деньги; купить бутылку вина или водки — тоже деньги... Деньги, деньги...

Им нужны деньги. А что нужно тебе? Покой, тишина и что-бы перестала разрываться голова, — и ты снова бы ощутил ее чистой, ясной и трезвой... И еще дождь, очень нужен дождь, иначе он умрет. Господи, я хочу ливень! Грозу, потоп, ураган... Пусть так будет!

— Что замолчал? — спросила хозяйка. — Плохо?

— Да, плохо.

— Что — бросили? Опять остался один?

— Я всех прогнал. Мне надо быть одному.

— А что болит?

— Голова. Я ее не чувствую...

— Может, лучше водочки?

— Нет, хватит пива. Я сейчас пойду. Пусть не спит на дворе, сейчас будет дождь, ливень...

— Опять колдуешь. Зачем дождь. Пусть спит во дворе. Он мне в комнате не нужен, только мешает.

Муж хрустел чипсами и в разговор не вмешивался. Он слушал и казался невменяемым. Где-то вдалеке резко громыхнуло, будто лист кровельного железа упал на асфальт. По краю неба блеснули зарницы — яркие полосы, словно мощный прожектор чиркнул по небу.

— Точно, где-то идет дождь, — удивилась хозяйка.

— Сейчас он будет здесь. Все, ребята, спасибо, я пошел.

— Посиди еще, мы тебя не гоним, — из приличия сказала хозяйка.

— Пора идти. Надо попробовать отдохнуть. Сейчас будет дождь, пусть не спит на дворе — промокнет...

Он встал, поднял к небу тяжелую голову и еще раз попросил дождя.

— Спокойной ночи, — сказала хозяйка, — выздоравливай...

Дверь захлопнулась. Он прошел вглубь двора, к деревянной уборной. Здесь были густые заросли крапивы, бузины и лопухов. Постоял, послушал тишину. Громыхнуло еще раз, где-то уже ближе.

Он вышел на улочку и медленно побрел в сторону дома. Не успел завернуть за угол, как первые крупные капли дождя упали ему на голову. Остановился, поднял лицо кверху и закрыл глаза. «Господи, спаси и сохрани меня», — повторил он несколько раз и перекрестился.

В какие-то мгновения небо разверзлось — и обрушился густой дождь. Он не захотел спрятаться под дерево и уже через пару секунд был насквозь мокрым. Он растирал мокрые волосы, массажировал кончиками пальцев виски и ощущал, как ночной душ снимает боль и освежает сознание. Он пошел под дождем, ступая в лужи и хлюпая туфлями.

Дождь не прекращался. По всему небу молнии рисовали зигзаги, гремел гром.

Он шел, а дождь уже превратился в ливень. По дороге неслись потоки воды. Он ощущал, как холодные струи стекают по голове, по груди и по спине.

Возле фонаря у закрытого магазина он остановился. Вокруг никого не было. Ему не хотелось идти домой, хотя там было сухо и уютно. Ему хотелось лечь в бурный водяной поток, несущийся по дороге, и стремительно понестись вместе с ним в ближайшую речку. И остаться там, под мостом. Навсегда.

«Господи, — простонал он, — пусть этот дождь никогда не закончится. Пусть он зальет всю землю, пусть начнется новый потоп, пусть смерч искорежит все гадкое и скверное вокруг. Мне без дождя страшно тяжело и одиноко. Я хочу много воды, хочу много ветра. Я хочу жить, жить по-другому... Я больше так не могу».

Ливень не кончался. Потоки воды стеной закрыли его, и он исчез, растворившись в темном пространстве.

НОЧЬ НА ВИНОГРАДНИКЕ

Под утро спустилась в долину старая кабаниха с потомством; похрюкивая, чмокая пяточками, бегут за матерью поросята с полосатыми спинками.

Они идут из ущелья, откуда пролегла в долину железная труба; она рядом, отдает кисловатой ржавчиной. Несется в трубе шипящая родниковая вода со скрежетом, недовольством.

Семейство на водопой торопится. Там, внизу, у края виноградной плантации, труба кончается и с клокочущим выдохом выплевывает измученную влагу в черную гладь небольшого водоема.

Брызги, шум, вздохи.

Кабаниха сделает шаг, остановится, обнюхает землю; поросята к матери кидаются, собьются вокруг и прислушиваются: может, где опасность их поджидает?

Немного постоят — и вниз. Колючий шиповник и держи-дерево за шкуру хватают, царапают больно; поросята повизгивают, плачутся.

Семейство идет из буковой рощи, сытое, довольное. Там они копались в залежах щетинистых орешков, рыли влажную прелую землю, выискивали мягких и сонных червей, которые так вкусно тают на языке.

Кабаниха счастлива — дети накормлены. Но надолго ли?

Она старая мать, знает: кончится осень, заладят дожди, сыпанет белая крупа. Лютые морозы охладят землю, задубят до стального панциря горы; ущелье станет выветренным, стылым, голодным. Корка снега заледенит почву, не подкопаешь. А где и пробьешь копытом, там труха одна, корни и пустые личинки.

Не ко времени родились, думает кабаниха, озабоченно вынюхивая тропу и пугливо замирая при каждом булькающем всхлипывании трубы. Она чувствует: вода рядом, много воды.

Томящие запахи виноградника из долины кружат ей голову, виноградный лист терпок, солнечная гроздь сладка; кабаниха в молодости паслась на винограднике, помнит хмельной вкус мятых ягод.

И еще ей почудился запах, странный, пугающий, то потянет им совсем близко, то загасит ветерком.

Черная ночь лапы расставила, предостерегает. Каменные чудовища гор хвост свернули, долину окружили, чуть шевелятся во сне. Темная глушь небо съела.

Воздух влажный, но дождя нет. Чуть выше водоема, в стороне, на поляне, приткнулся под старой раскидистой грушей шалаш.

— Мишка! Гля, гля, чо делается! — шепчет Колюха, толкая в плечо спящего напарника.

— Мишк, гля, свинья дикая... — восторженно тянет парень, пытаюсь разбудить грузного, брюхатого мужика, который

устроил голову на телогрейке и спит; что ему дикая свинья, если после виноградного кислячка ему бабы красивые снятся.

Колюха все-таки пытается расшевелить Михаила, и в ответ сонное недовольство:

— Идись... твою мать... — и снова детское почмокивание и тонкий посвист; Михаилу уже под сорок, а живет он одиноко и бестолково, беспутно, как говорят о нем на селе.

Колюха на четвереньках выползает из шалаша. Из-под груши видно, как большая черная тень шевелится у кромки воды, а рядом суетятся серые пятнышки.

— Ну и на!.. — изумляется Колюха, и сердце от волнения стучит громче. — Гля, и детенышей привела...

И думает Колюха: эх, сейчас бы ружьишко, да пару жаканчиков... Кабы знал, у соседа Егора ружье попросил, сосед добрый, он и раньше Колюхе двустволку давал, когда тот по зайцам на террасы ходил... Кабаниха не заяц, в ней вон какая гора мяса... эх!

От огорчения, что нет ружья под рукой, Колюха крепко сжимает сучковатую палку и воображает, что это ружье, мысленно целится и мягко спускает курок...

Ба-ах! — слышится ему, и он вздрагивает от испуга и неожиданно соображает: это кабаниха плюхнулась в воду. А почудилось — выстрел.

«А что если вдвоем с дядей Егором ночки две посидеть в шалаше, кабаниху подкараулить, — размышляет Колюха, и тут ему почему-то становится жаль делиться с соседом, хоть мужик тот и хороший. — Я и сам усторожу, а ружье попрошу на зайцев, их сейчас вон сколько шныряет...»

И Колюха мечтает, как принесет домой грудку мяса, как мать удивится и сдержанно похвалит его: кормилец ты мой золотой!

Колюха помнит: мать с детства называет его золотым. Может, за волосы рыжие или за веснушки, которые по лицу рассыпаны, смущают, пацаном выглядит. А какой он пацан. Ему в августе восемнадцать исполнилось, он всему дому главный хозяин.

Отца у Колюхи нет, и помнит он его плохо; отец утонул пьяным, когда Колюха еще в третий класс ходил. А теперь Колюху в армию забрать должны, перед праздниками.

Сторожевать на совхозном винограднике он сам согласился, дело выгодное. Притащит с утра домой рюкзак, а в нем — два ящика с «чаушем»; мать сядет у дороги или на пляж выйдет — курортники в один миг разберут.

«Интересно, сколько бы она потянула?» — прикидывает Колюха кабаниху на вес и думает: донес бы он в рюкзаке такую тушу или нет? Наверное, нет, огорчается парень.

«А если палкой пугнуть?» — мелькает у Колюхи, и тут же подумал: испугаешь, а толку? Больше на водоем не придут. Еще и взбесится, дикая свинья с детенышами злая, взбрыкнуть может и шалаш разметет, я-то убегу, а Мишку клыками пошпынять может...

И совсем раздумал бросать палку в кабаниху. Стало грустно. Ружья нет. Добыча уходит. Мишка спит.

Смотрит Колюха на небо, туманом затянутое, на тяжелую громадину гор, которые темная мохнатая ночь оцепила, и кажется ему, что он один в этом гигантском, беспросветном мире, и все его забыли, кроме матери, и все на земле кончилось, и впереди ничего нет.

Колюхе плакать захотелось, и он подивился: чего это слезы напросились? Грустно Колюхе, душа притихла, и неизвестно почему страшно стало.

Осенняя ночь тянется долго — целую вечность.

Кабаниха с поросятами к воде добрались. Вода смоляная, словно склеилась в черном кругу. Застыла, утихомирилась.

Только у трубы слышно:

— Чу-у-ух!.. Ши-ы! Чу-у-ух!

Кабаниха подрагивает большим телом, поросята мечутся, жмутся, привыкают не сразу; они смотрят, как мать делает, и за ней все повторяют.

Мать к воде припала — и они, пьют жадно, настырно. Ночь пузырится звучными бульбами, кругами расходится под копытцами.

Кабаниха жажду уняла, а где-то в теле под толстой шкурой жар бродит; не выдерживает она и там, где неглубоко, в воду обрывается: бу-ух!..

Рокотнуло было эхо, да ночь съела его, погасила в темноте, ухнуло слабо над виноградником и упало эхо.

Поросята за матерью в воду полезли; вода ледяная, обжигающая, иголками пытается шкуру пробить. Кабаниха плещется, и они — забавно им, хорошо.

И не думают вовсе, что не ко времени родились, что им весной надо было мир увидеть, а они его летом открыли; они мягкой осени радуются и не ждут, что с ними завтра будет. Мать рядом, большая и умная; им спокойно, она их всему научит, не пропадут они.

Брызжутся поросята, похрюкивают, воде радуются, ночи осенней, хмельному воздуху, таинственной жизни...

Кабаниха отбарахталась, фыркнула, вылезла на берег, зеленой росой водяную пыль стряхнула; за ней поросята полезли, куча мала, гладкие, блестящие, словно кто вылизал их.

После купания свежее стало, и обострилось все — слух, обоняние, ночь шире и богаче распахнулась, и поняла кабаниха, что за странный запах покоя ей не давал.

Это был человек, живой человек, и где-то неподалеку; кабаниха не видела ни шалаша, ни Колюхи, который лежал, в сухую траву уткнувшись, и мечтал о приятном и далеком...

Тихо хрюкнула кабаниха, знак подала, и поросята насторожились: опасность близко, уходить надо.

Семейство незаметно к плотине подалось, и с насыпи вниз, к винограднику. Засеменили навстречу томящему и соблазнительному запаху.

Кабаниха впереди, поросята следом.

Вот те на!.. Колюха удивленно глазами хлопает: пока плакать хотелось, кабаниха пропала, только что шумное

семейство в воде суетилось, а уж нет его... Куда же они подевались?

Колюха поднялся, зыркнул по берегу, водоем обошел, по кустам глазами пошарил, прислушался, нет кабанихи, и попросят не видно, словно пригрезилось...

Колюха расстроенный к шалашу побрел, сунулся в него, а там кисловатый, хмельной дух. Михаил уже десятый сон видит, теперь ему, видно, негритянки снятся, они недавно в клубе комедию о синьоре Робинзоне смотрели...

Колюха в шалаш не лезет, присел у остывшего кострища, привалился к шершавому стволу груши и услышал: где-то за холмами заурчала одинокая машина, натужно, беспомощно. Зудящий звук едко в тишину впился, словно комар, но затем что-то хлопнуло, и пропал звук. Опять тихо.

Колюха глаза прикрыл и о доме вспомнил; небольшая хибара, низкая, перекошенная, под старой истрескавшейся черепицей. Мать каждую весну подбеливает ее известью. Вокруг сад, абрикосы, черешни, персики, по стене дома виноград расползся. Мать раньше подрезала его, а теперь рукой махнула: пусть растет, зелени больше будет, все равно виноград мелкий, кислый.

В сарайчике мать кухню приспособила, вечно там с примусом возится. Колюха давно ноет: давай газовую печь купим и баллон, у всех так. А мать головой мотает: зачем? И так привыкла, да и газа боится, не дай бог взорвется...

В доме две комнаты, в одной они сами живут, а другую курортникам сдают. Теперь уже не сдают, осень, разъехались курортники, на все село с десяток осталось.

Последними постояльцами в августе москвичи жили, семья — мать и дочь. Дочь Мариной зовут, она в строительном институте учится, инженером будет. Мать к морю на каникулы привезла.

Мать у Марины — женщина ученая, все делает как правильно надо: с утра они на пляж загорать, после обеда спать, на ночь кефир пьют и прогулку у моря совершают.

Колюхе Маринина мать не нравилась: сухопарая, словно ее на солнце вялили, и придирчивая, поучать любит.

Как-то она холмы облазила, разных трав собрала, шиповника, боярышника и стала Колюхиной матери указывать: лучше травами лечиться, чем таблетки глотать... У вас такое богатство, такое богатство! Будто мать без нее не знает, чем ей лечиться, она эти травки всю жизнь собирает.

Колюхе забавно было: Марина совсем на мать не похожа. Волосы черные, вьющиеся, словно копна на голове, после купания никаким гребнем не раздерешь, а у матери бледный пучок резинкой стянут. Мать улыбнуться боится, а Марина смеется громко, задорно. Глаза у нее большие, бархатные, а мать постоянно с прищуром косится, глаза узкие, желтые.

Колюхина мать сказала ему тайком: все они, москвичи, такие, молодые смешливые, несерьезные, а старые зажимистые и чокнутые... Это потому, что мать Марины договаривалась платить за комнату понедельно и еще сетовала: дорого, мол, и удобств нет... Ишь, ей унитаза подавай и душ с горячей водой!

У Колюхиной матери лицо спокойное, солнцем выжженное, ко всему безразличное: не одни мы квартиру сдаем, у всех по селу цена такая, спрашивайте... Матери-то что? В сезон они всегда постояльцев найдут, те еще спасибо скажут; курортники-то, они, как пчелы на мед, к морю слетаются.

Колюха смеется: с ума они посходили, что ли? Моря не видели? А как они на фрукты и виноград бросаются — просто умора, словно из голодного края приехали...

Колюха вспомнил, что рюкзак еще пуст, и полез за ним в шалаш, выдернул из-под спящего Михаила. И как же он забыл?

Это Мишкин кислячок память перебил, да еще кабаниха, и засни бы он до утра, и вовсе набрать уже не успеешь, бригадир придет, Трофимыч. Тот не любит, когда ящиками таскают...

На плотину поднялся, отсюда хорошо виноградник видеть, на километр вытянулся. А бельмастый туман с гор низ-

ко спускается; из балки, где ручеек журчит, мутная полоса на виноградник полезла, домик виноградной бригады совсем не видать.

Колюха знает, где хороший виноград растет, еще не убрали. Он к этому ряду с закрытыми глазами добраться может; медленно бредет по пыльной дороге к середине плантации. Здесь он в глубь виноградника заходит, ряды мысленно отсчитывает: три, четыре... Метров сто еще осталось, как слышалось: возится кто-то неподалеку. Кто ж сюда забраться мог?..

Застыл Колюха, и вновь заколотило сердце, страшно стало, и пожалел: эх, было бы ружье, я бы этого гада!.. А кто ж в такую ночь за виноградом полезет? Может, с туристской стоянки кто пришел?... Да нет, далековато... А человек ли это? Вдруг привидение?... Колюхе аж зябко сделалось, мурашки по телу поползли, пальцы похолодели, он рюкзак на землю опустил.

Вспомнил, как однажды ему мать о Духе ущелья рассказывала, что является он по ночам и всех злых, недобрых людей с собой забирает... И что в горах у него пещера есть, глубокая, в которой он этих людей собирает, а они оттуда выбраться не могут и от голода гибнут.

Ноги у Колюхи как невесомые стали, земля кругом пошла, и он не понял, куда вокруг ряды винограда делись, замельтешило, как во сне, зеленая пелена с желтоватым отливом опустилась, словно его с открытыми глазами в глинистую воду бросили. Колюха крикнуть хочет «мамочки!» и не может.

Где он, что с ним? Неужели его Дух ущелья подхватил, и за что? Ведь я никому зла не сделал... А кабаниху с детьми хотел убить?... Это ж я просто мечтал. А так — зачем мне убивать? Пусть живет... И умирать я не хочу, и мамка моя пусть живет, никогда не умирает, все пусть живут... Да что же это?

Колюха глаза прикрыл и видит: к нему Марина подошла, смеется и спрашивает: Рыжик, а хочешь я тебя поцелую? Все как в тот вечер, когда уезжала... Море за дорогой штормило, август догорал, желтые фонари по асфальту рассыпались. Марина к нему лицом повернулась, волосы, как у морской царев-

ны, распущены, горячие ладони на плечах у Колюхи... Рыжик, хочешь я тебя поцелую?... У Колюхи душа воспарила и в пропасть полетела: да что это такое?... Марина целует его, рыжего, над которым все девчонки в селе насмеются... Идем, Рыжик, поздно, мама волнуется... Куда, куда идем? Не надо, Мариночка, давай еще погуляем... Не уезжай, Марина!.. Если бы это сказать громко, вслух... Не слышит Марина ничего, поворачивается и уходит, только спина видна... Уезжает с матерью в Москву... Колюха догнать ее хочет, но кто-то ноги к земле припаял — с места не двинуться.

Обернулся, а рядом мужчина стоит, за рукав держит, лицо в тумане расплылось, большое, синее, и хриплым голосом к нему обращается:

— Ты чего это, Колюха? Никак труханул? Эх ты, а еще мужик... Ты ж у матери ноне опора, смотри, береги ее...

Да никак это отцов голос, застуженный, скрипучий, еще смеется нехорошо, с ехидцей.

— Эх ты, пахарь малой! — бросает отец.

Колюха крикнуть хочет: батя! Откуда ты? Ведь умер же?... И страшно стало, заорал: эге-ге-гей, помогите!

И мигом все крутанулось; страх спал, и понял, что туман вокруг, облако село, только ветерок уже разогнал его, и видны сквозь прорывы клочки густого темного неба, звездами засеянные, словно искры кто высыпал. Колюха головой мотнул, за виноградный куст рукой схватился, гроздь уцепил, сок по пальцам пополз... Колюхе радостней стало, на землю вернулся, весь живой и невредимый... И лишь с запозданием услышал, как рядом тяжелый топот пронесся, и сообразил: кабаниха с поросятами паслась, а он спугнул ее. И странное дело, жалко ему кабаниху стало и поросят малых и решил твердо: не буду засаду делать! Как же детеныши без нее? Пропадут...

И уже с облегчением на небо взглянул и увидел, как одна звезда с места тронулась и полетела, тихо полетела, печально. Спутник, наверно?... Колюха еще выше голову задрал, и глупая мысль мелькнула: может, это душа моя летит?..

Кабаниха тоже в облако попала, но в тумане ей не так боязно было, и без видений, как Колюха грезилось. Поросята весело чавкали, обрывая нижние гроздья, сама она лениво пару ягод хватанула.

Когда закричал Колюха, она передернулась и не поняла: кто рядом? Ветерок в обратную сторону тянул. Сжалась кабаниха, голову опустила, словно на неведомого врага броситься хотела; поросята испуганно рядом замерли.

Крик повторился, и тогда кабаниха, за детей боясь, сорвалась с места, понеслась меж рядов виноградника по сухой перепаханной земле, подальше от опасного крика: эге-ге-гей! А поросята за ней, не отстают от матери, к речной балке выскочили, дух перевели, успокоились. Дальше через кустарник по сухому руслу повела их кабаниха к каменному завалу. Здесь она укромное местечко знала: спрятались в скальном навесе несколько узких гротов, корнями деревьев опутанных. Кабаниха спокойно, без суеты, детей на дневку укладывает.

Медленно догорает осенняя ночь. Спит кабаниха, поросята спят, во сне к матери пяточками суются.

Колюха, не торопясь, виноград режет, грозди крупнее выбирает. И уже страх позади, и грустно ему: не было ничего, сам себя испугался.

Полыхает рассвет. Летит в светлеющем небе одинокая звезда. Тяжело, как во сне, вздыхает Вселенная.

ОДНОМУ НЕ ВЕРНУТЬСЯ

Повесть

1

Когда сели ужинать, то Заикин смутно ощутил, что кого-то из мужчин нет. Неясное чувство было слабым. Инструктора туризма больше занимали улыбающиеся глаза Ирочки, сидевшей напротив. Вчера вечером Ирочка целовалась с Заикиным, и тому стоило немалого труда уговорить девушку зайти в инструкторскую палатку. В палатке произошло долгое объяснение, и девушка открыто заявила, что ничего лишнего с собой делать не позволит. Заикин попытался убедить Ирочку, что она ему нравится и что у него, мол, все это серьезно. Девушка усмехнулась: посмотрим, посмотрим, как у тебя все это серьезно. Заикин разочарованно махнул рукой и решил не торопить событий, оставалось в запасе еще пять дней.

Андрей знал, что развязка с неподдающимися туристками обычно наступает в конце похода.

Ирочка сидела и улыбалась инструктору, словно между ней и Заикиным существовала некая тайна. Заикин лениво ковырял ложкой в миске и думал, что сегодня, быть может, Ирочка не устоит. А если будет продолжать ломаться, то имеет смысл заняться другой особой, в соседних группах найдутся туристки покладистей и стоворчивей.

Туристы ели, о чем-то переговаривались, шутили. Дежурные несли от кухни большую закопченную кастрюлю с чаем. Андрей прошелся взглядом по лицам, и опять возникло ощущение, что кого-то за столом нет.

— А что, у нас кто-то голодовку объявил?

Староста группы Мария Яковлевна, пожилая туристка, считав про себя сидевших за столом, сказала:

— Кажется, Кирпичева нет.

«А-а! Это того... нет, — с досадой подумал Заикин. — Как же его зовут? Вася, Петя?..»

Никто в группе не помнил, как зовут Кирпичева. Да и сам Кирпичев был из разряда тех людей, которые, видимо, с самого рождения откликаются только на фамилию.

— Точно, Кирпичева нет, — подтвердил кто-то из мужчин.

— Он что, не собирается ужинать? — будто между прочим поинтересовался Заикин.

Инструктор всегда так разговаривал с группой, обращаясь, словно к одному человеку, а в то же время ко всем.

— Я позову его, — Мария Яковлевна выбралась из-за стола и заторопилась к палаткам.

На какое-то время о Кирпичеве забыли; вспомнили, когда вернулась Мария Яковлевна.

— А его там нет... — растерянно произнесла она.

— Куда же он мог подеваться? — спросил Андрей.

Толстый и розовощекий турист Володя, сидевший рядом с Заикиным, растягивая слова, сообщил:

— Да он еще после обеда пропал. Мы хотели пригласить его в карты поиграть, а его нигде не было.

— Ой!.. Я вспомнила, я его видела... — раздался короткий возглас с дальнего края стола.

Все обернулись. Это была Верочка, худосочная рыжая девушка в очках.

— Где ты его видела? — спросил Андрей, уверенный, что сейчас все разъяснится и станет на свои места.

— Я его видела... — Верочка засмушалась. — Я его возле женского туалета видела.

За столом прыснули. Верочка покраснела.

— А что он там делал? — улыбнулся Заикин.

— Он прошел мимо... Я еще хотела спросить: куда вы?.. Ведь мы оттуда пришли, а он снова по этой тропинке уходит...

— Это что — на стоянку «Родниковая»? — спросил Андрей.

— Да, на «Родниковую». Я стояла, а он прошел мимо. Спустился к речке, потом на камне поскользнулся и выругался, посмотрел на меня... нехорошо так, словно я виновата...

«Опять нажрался... Не мог до вечера подождать», — раздраженно подумал Заикин.

— Верочка, а что ты с ним не пошла? Может, он погулять с тобой хотел, а ты не поняла, — пошутил толстяк Володя. — Может, он один в лесу заблудился, а вдвоем вы как-нибудь выбрались бы...

За столом раздались короткие смешки. Туристы представили Верочку и Кирпичева вместе на прогулке в лесу.

— Так он же с рюкзаком был...

Все смолкли, и Заикин увидел недоуменные взгляды, направленные на него.

— Ты не ошиблась, он точно был с рюкзаком?

— Да, с рюкзаком... Я еще подумала: может, вы его в магазин послали? Он же тогда со стоянки за водкой бегал...

«Ничего себе оборот! Выходит, это я его за водкой каждый вечер посылал?» — Заикину стало неприятно, потому что Кирпичев в село бегал за водкой по просьбе всей группы.

— Да не пойдет Кирпичев за водкой, — протянул Володя. — Он вчера под самую завязку скупился. Бутылок пять у него осталось, не меньше...

Спиртное на туристском маршруте категорически запрещалось. Но правило это никто не соблюдал. Спиртное брали еще на турбазе или покупали в близких к стоянкам горных селах.

Заикин знал, что мужчины несут с собой общий запас водки, и делал вид, что его это не касается. Во время тренировочного похода он предупредил о «категорическом запрете», но намекнул, что для «санитарных целей» пара бутылок спиртного не возбраняется. Лишь бы не во вред здоровью. Есть здоровье — пей, лишь бы вел себя по-человечески, не буянил и не портил никому настроения.

— Я тоже вспомнила, — из-за стола поднялась завхоз группы Надя Голованова. — Когда мы пришли на стоянку, Кирпичев продукты из рюкзака не выкладывал. Это точно, у меня все записано.

Надя, девушка педантичная, каждое утро, распределяя продукты по рюкзакам, записывала, кто что несет.

— Ты не ошиблась? — недовольно спросил Андрей.

Ситуация ему не нравилась и настроение портилось с каждой минутой.

— Я все записываю, — чуть ли не с обидой произнесла Надя, и тут же достала из кармана штормовки блокнот. — Вот, смотрите, у него было четыре банки тушенки, шесть сгущенок, три рыбные консервы и две буханки хлеба... Я думала, он устал после перехода, позже выложит, вечером...

— Так мы что — продукты будем искать или Кирпичева? — иронично прервал завхоза Володя и вопросительно посмотрел на инструктора.

Заикин понял, все ждут его ответа: как он поступит?

— Да он же псих! — взорвалась Надя, заметив мелькнувшую на лице Андрея растерянность. — Мы же все видели, он каждый вечер пьяный ходил... Чего можно от алкаша ожидать?

Его надо было еще на турбазе списать. Помните, как он в тренировочном походе о спиртном спрашивал?

— Ну и что? — вновь вмешался Володя. — Он что, не человек, что ли? Ему что — и выпить нельзя? Он отдыхать приехал, и его право — пить или не пить!.. Он что, кому-то мешал?

Надя жалостно посмотрела на инструктора, ища его защиты, и, словно оправдываясь, произнесла:

— Раз сказано было, что пить в походе запрещается, значит нельзя. Будь Кирпичев трезвый, он никуда бы не ушел. А я еще на обеде заметила, что он был под хмельком...

— Ты бы лучше другое замечала, — оборвал завхоза Володя.

Ему такой разговор не нравился. У него самого в рюкзаке лежало три непечатых бутылки водки.

— Ну вот, я хотела как лучше, — обиделась Надя и села, опустив голову.

Заикин знал, что Володя ей нравится. Они еще в первый вечер от костра вдвоем отошли, к речке, темноту послушать.

— Ладно, — Андрей поднялся и озабоченно почесал затылок. — Сейчас не это главное... О том, что Кирпичев ушел, прошу никому из соседних групп не рассказывать. И большая просьба — не поднимать панику. Договорились?

Туристы одобрительно закивали.

Больше с группой Заикин объясняться не собирался. Он почему-то рассчитывал, что Кирпичев в ближайшие часы найдется. Не может быть, чтобы человек вот так запросто, в незнакомой местности, в горах, взял и ушел. Гуляет где-то около стоянки или спит. Накатил сотку, закусил — и спит где-нибудь под кустом.

Не так давно в группе инструктора Сотникова во время перехода потерялся турист. Группа поднялась с привала, а он задержался, как потом объяснил, по нужде. Затем бросился догонять группу, свернул на другую тропу — и пошел бродить по лесу. Сотников только на стоянке пропажу обнаружил. Тут же

по радиостанции сообщил в контрольно-спасательную службу, всех на ноги поднял. А кончилось тем, что заблудившийся сам на стоянку вышел. Ему местные пастухи дорогу подсказали. Сотникова со скандалом от группы отстранили и больше на маршрут не выпускали. При каждом случае на турбазе его фамилию поминали и посмеивались: это, мол, тот, который «по нужде» туриста потерял.

Заикину такой славы не хотелось.

Туристский сезон уже заканчивался. Шел август, а у Андрея ни одного замечания не было. Одни только благодарности, особенно от туристок. Какой он замечательный инструктор, добрый и внимательный, как много знает и интересно рассказывает. Все обещали, что приедут на следующий год, чтобы снова пойти с Заикиным в поход.

Андрей припомнил еще один печальный случай. В одну из туристских групп затесался такой же, как Кирпичев. Группа была на дневке и ушла в радиальный поход, а он остался. Выпил пару бутылок водки и пошел бродить по окрестностям, свалился в горную речку, где воробью по колено, упал лицом вниз и захлебнулся.

Конечно, ничего веселого в этом случае не было. Инструктора чуть было под суд не отдали. Но факт остается фактом: причиной большинства «чрезвычайных происшествий» на маршруте было спиртное.

Заикин сквозь пальцы смотрел на выпивающих туристов. Поскольку большинство туристов в группе были девушки, те предпочитали немного вина на ужин. Мужчины пили водку, но тоже в меру, потому что знали: с утра предстоит тяжелый переход с нагруженными рюкзаками.

Андрей готовил себя к большому спорту — и поэтому соблюдал режим. Иногда мог позволить себе стакан вина, и то с красивой девушкой в инструкторской палатке. Поэтому и группы у него подбирались, не очень охочие на покупку спиртного. На турбазе, правда, работали инструкторы, которые сами любили раскручивать туристов на закупку вина и

водки. И иной раз с каждой новой группой придумывали свой «день рождения», чтобы был повод отметить. Заикин в вопросе спиртного придерживался нейтралитета. Не поощрял и не запрещал.

Факт исчезновения Кирпичева вывел Заикина из привычного состояния. Он знал: обо всех происшествиях необходимо сразу сообщить на турбазу, поставить в известность контрольно-спасательную службу. Так положено по инструкции. А вдруг Кирпичев еще вернется? Ну не может он так просто взять и уйти! Какая причина? Ведь пить ему никто и на стоянке не запрещал.

Ужин закончился. Туристы допили чай, крикнули дежурным традиционное «спасибо» и потянулись из-за столов к палаткам и на волейбольную площадку. Вокруг Заикина осталось несколько человек.

— Через два часа стемнеет, — несмело заметила Надя. — Как же он там один в лесу?..

— Да ничего с ним не случится. Что ты кипятишься? — равнодушно произнес Володя, ковыряясь спичкой в зубах. — Кирпичев парень из Сибири, он закаленный...

И, выждав, добавил:

— Разведет костерчик, опрокинет шкалик, закуска у него есть. Что еще надо?.. Оклемается и сам на стоянку вернется. Чего вы зря волнуетесь?

— Ладно, Володя, без комментариев, — остановил Заикин разговарившегося туриста.

Легко рассуждать, когда ни за что не отвечаешь.

— Андрей, а тебе за него попадет? — участливо спросила Ирочка.

— Не знаю, — оборвал ее Заикин. Его стали донимать сочувствующие взгляды окруживших туристов. — В общем, договорились — никому ни слова. Я подумаю, что дальше делать.

Андрей видел, что эти несколько человек готовы помочь ему, искать вместе с ним Кирпичева. Но его такая помощь не

устраивала. Никто из них в лесу не ориентируется, тем более вечером, и брать кого-то с собой просто неразумно.

Мария Яковлевна, как самая старшая, решила приободрить инструктора:

— Если что ты не переживай, Андрюша. Мы тебе любую бумагу напишем. Твоей вины нет. Ты всех и обо всем предупредил.... А этот Кирпичев — какой-то сумасброд, и скорее всего с больной психикой... Не переживай, мы тебя в обиду не дадим.

— Спасибо, Мария Яковлевна, — кивнул Заикин. — Не надо пока никакой бумаги писать. Надо Кирпичева найти...

— А кто ж его искать будет? — удивленно спросила Ирочка. Заикин ощутил, что любопытство Ирочки раздражает его.

— Кто, кто!.. Я его искать буду.

2

Какое-то время еще звучали голоса. Затем тишина над стоянкой сомкнулась, как это бывает в горном лесу на закате солнца.

Стало прохладно и сумеречно. Влажные от вечерней росы ветви освежали лицо Андрея. На мгновение он остановился и услышал, как рядом с тропой журчит река, поскрипывают верхушки буков.

Состояние Заикина было такое, словно его послали неизвестно куда и попросили принести неизвестно что. Решительность, с которой он кинулся искать Кирпичева, стала понемногу угасать.

Теперь же очутившегося в одиночестве Заикина стали грызть сомнения.

«Андрей, тебе никуда не надо идти... Мы тебе напишем объяснительное письмо, пусть ищут спасатели... Мы напишем в ВЦСПС, что ты самый лучший инструктор... Про Кирпичева напишем, что он ненормальный, его врач не должен был допускать к походу, по нему же видно, что он больной...»

Заикин пытался что-то сообразить, собраться с мыслями, но ему мешали эти голоса оставшихся на стоянке туристов.

«Да вы что?.. Я же за него отвечаю. Понимаете? Если я не буду его искать, меня спросят за это. Ведь я его в горы вывел и несу ответственность...»

«Этот Кирпичев настоящий бомж, ничего с ним не случится, мы таких типов знаем, не пропадет он... Андрей, мы так хотели сегодня у костра посидеть, песни послушать...»

«Да не могу я так... Ведь меня спросят что вы делали, чтобы найти человека? А я что отвечу — сидел у костра, играл на гитаре...»

«Андрей, возьми кого-нибудь из ребят...»

«А может, туристы правы, надо было сообщить спасателям и сидеть спокойно на стоянке, не дергаться, ожидать их приезда? Не слишком ли много на себя взял?»

Где же его искать — этого Кирпичева?

Из памяти не исчезал еще один голос — Ирочки, которая спрашивала:

«Андрей, а если ты заблудишься, что с нами будет?»

Вопрос прозвучал серьезно, и Заикин саркастически улыбнулся.

«Нового пришлю, не волнуйся... Одних вас не оставят».

«Мы не хотим нового. Нам ты нравишься».

«Кому это — нам?..»

Заикину было не до разговоров. Не до этой красавицы, которая накануне капризничала, а теперь сама на рожон лезет в такой неподходящий момент.

«Мне нравишься», — произнесла Ирочка и смутилась.

Андрей даже остановился, не повернуть ли обратно, но тут же вспомнил лица девушек и свое твердое обещание, что разыщет Кирпичева. Этого алкаша. Найдет и надаст ему как следует, потом притащит на стоянку. Соберет группу, и пусть решают, что с ним делать...

Заикин попытался вспомнить, когда он первый раз обратил внимание на Кирпичева.

— А сколько возьмем бутылей? — вопрос прозвучал громко и без стеснения. — Я предлагаю сброситься по червонцу и закупить так, чтобы на каждого человека было по сто грамм на каждый вечер.

Заикин посмотрел на говорившего. Это был невзрачного вида то ли парень, то ли мужик.

— Что-о? — удивленно обернулась Мария Яковлевна. Ее только что после тренировочного похода избрали старостой группы. — Вы разве не слышали. Инструктор сказал, что в походе спиртное строго запрещено...

— Так он же сказал, что вечерами бывает холодно, можно простудиться. Вот я и предлагаю взять народное средство, для медицинских целей... Инструктор тоже об этом говорил, разве не так? — Кирпичев сидел в центре группы и грыз какую-то соломинку.

Заикин понял, что ему надо вмешаться.

— Вопрос ясен, повторять не буду. С инструкцией по технике безопасности во время похода я вас ознакомил... Завтра каждый распишется у меня в маршрутном листе. Но... — Андрей посмотрел в сторону и выдержал паузу, — вы люди взрослые, и навязывать вам я ничего не хочу, особенно мужчинам... Единственная просьба — принимать спиртное только вечером и в меру, иначе утром рюкзак не поднимите, будете ползти по тропе как черепахи...

Заикин был уставший. Может, поэтому его внушение не прозвучало убедительно. Возможно, будь он строже, Кирпичев, да и другие любители спиртного, поостереглись бы. А так получается — он сам с самого начала дал потачку...

Андрей еще вечером прощался с предыдущей группой и только рано утром вернулся на турбазу. Три часа он знакомился с группой, водил их на плато Петровских скал, рассказывал о маршруте, объяснял, сколько километров будут проходить каждый день, как благоустроена туристская стоянка, каким образом будут готовить пищу.

На него смотрели, его слушали, к нему привыкали.

А Заикин в это время вспоминал предыдущую группу. Коллектив подобрался на редкость замечательный, инструктора чуть ли не на руках носили. Когда прощались, некоторые девушки даже расплакались и обещали писать письма каждую неделю. Утром его провожали на автобус, и Заикин спел под гитару свою коронную туристскую песню «Солнышко лесное»... Стройная блондинка Наташа, инструкторская любовь, повисла у Андрея на шее и облила слезами. Она готова вновь была идти с Заикиным в поход, даже отказаться от отдыха у моря... Вот это была группа! Никаких проблем!..

Андрею захотелось вновь вернуться к Наташе, к ребятам, с которыми ночью ходили купаться на море... Да! Группа группе рознь, в который раз убедился Заикин. В этом сезоне он провел уже восемь туристских групп. Ему было с чем сравнивать.

Он понимал, что туристы в группу подбираются стихийно. По профсоюзной путевке. Люди приезжают отдыхать, и всякие запреты, особенно у мужчин, вызывают раздражение. И если каждому говорить, — Заикин это успел хорошо усвоить, — что можно, а что нельзя, то в походе непременно наживешь себе недоброжелателя. Андрей считал, что поступает мудро, предупреждая о правилах инструкции, и больше к этому не возвращается. В предыдущих группах этого было достаточно, и туристы его понимали. Проблем не возникало.

Может, Кирпичев обиделся, что Заикин тогда не поддержал его предложение в тренировочном походе, и решил отомстить инструктору? Ушел, зная, что Заикина за это накажут. Может быть, и так... Кто знает?

Тропой на стоянку «Родниковая» Заикин мог бы пройти с закрытыми глазами. Переход к ней от стоянки «Буковая» считался легким — всего десять километров, часа полтора быстрой ходьбы.

Пять часов тому назад здесь прошел Кирпичев.

Рядом с тропой журчала река. По другую сторону от нее поднимался крутой склон с буковым лесом. Деревья стояли свободно и, словно античные колонны, поднимались к небу, закрывали его своими кронами. Поляны между ними были засыпаны прошлогодней листвой, сквозь которую пробивались стрелки зеленого папоротника. Вечерний лес казался диким и первозданным.

Не было слышно птиц, ветер примолк, даже река притихла, словно чувствуя приближение сна и ночи.

Заикин шел быстро, он даже не заметил, как чуть было не проскочил развилку. Указатель на камне показывал влево — в сторону «Родниковой». Андрей не сомневался, что Кирпичев шел именно туда.

Ходьба разогрела Заикина, и он ощутил спокойный, уверенный ритм в движениях и мыслях. Так было всегда. Во время переходов Андрей обретал уверенность и силу. Ему казалось, что он может идти, не останавливаясь, бесконечно долго. Была бы конечная цель, которой он должен достигнуть.

Сейчас этой целью стал Кирпичев.

Заикин рассуждал так: если Кирпичев хмельной, он шел не быстро, часто отдыхал. А поскольку двигался знакомой тропой, обязательно должен был выйти на «Родниковую». Если он даже и не заходил на стоянку, то его должны были обязательно видеть, когда он проходил мимо.

Андрей рассчитывал, что может встретить Кирпичева еще до «Родниковой», если тот достаточно хмельной. В таком состоянии он мог свалиться где-нибудь у тропы и задремать. Андрей лихорадочно обшаривал взглядом поляны, ложбинки, останавливался, чтобы заглянуть за каждый вывернутый пенек.

Он даже представил среди бурой листвы скорчившуюся фигуру спящего Кирпичева. Лежит с рюкзаком под головой, рядом тускло отсвечивает бутылка, поодаль облепленная муравьями, открытая банка тушенки... Заикин подойдет и толкнет его, не рукой, а ногой. Кирпичев сонно приоткроет глаза и процедит:

«Что надо? Вали отсюда!»

Тогда Заикин еще сильнее толкнет его, и он, узнав инструктора, испуганно вскочит и что-то начнет говорить, оправдываться. Заикин будет молчать. И когда Кирпичев окончательно достанет его, он не выдержит и ударит снизу, в лицо. Андрей так всегда делал, когда дрался. Кирпичев упадет и жалобно заскулит. Тогда Заикин снисходительно скажет:

«Бери свой мешок, пошли...»

Нет, он сам возьмет рюкзак Кирпичева, вытряхнет из него бутылки и начнет разбивать их о стволы деревьев. Так еще в армии делал командир батальона, когда однажды после увольнения в город у одного сержанта обнаружил в тумбочке несколько бутылок с вином. А Кирпичев будет стонать — не от боли и не от удара, а оттого, что инструктор крушит его бутылки.

Заикин вспомнил, что еще в первый день похода Кирпичев предложил ему выпить. Это получилось так. После того, как группа разместилась на стоянке, наступило затишье.

Разобравшись с дежурными по кухне, Заикин решил заняться оборудованием собственной палатки. Протянул между стоек деревянного каркаса веревку, навесил на нее два цветных одеяла, и получилась симпатичная ширма, которая закрывала спальню инструктора. Заикин любил комфорт и постоянно брал с собой в поход простыни, за что опытные инструкторы туризма окрестили его «интеллигентом».

Надо было еще разыскать стеклянную банку для цветов, которых в окрестностях стоянки за минуту можно набрать букет. Андрей всегда украшал свое временное жилище. Это нравилось ему, и особенно девушкам, которые бывали здесь вечерами. Ему было приятно, когда о нем думали, как о человеке с художественным вкусом, что само по себе доставляло Заикину удовольствие.

— Благоустраиваешься?.. Ну-ну. За ширмочкой, как в шатре у хана... Красота!..

— Благоустраиваюсь, — недовольно ответил Заикин и поднял голову. Возле входа в палатку стоял ухмыляющийся Кирпичев. — Ты что-то хотел спросить?

— Нет, я хотел предложить... Может, по сто грамм, за новоселье... Как ты на это смотришь?

Кто знает, может, Заикин и пригласил бы незваного гостя к себе в палатку, если бы не его развязный тон и фамильярное предложение выпить. На этот случай у Андрея было твердое правило — держать туристов на дистанции.

— Не-ет, спасибо, — протянул Заикин. — У меня в походе сухой закон, как у спортсменов, не положено...

— Как знаешь... Наше дело предложить, — и Кирпичев тихо засмеялся.

Заикину показалось, что он над ним смеется, показывая свое пренебрежение. Но Андрей смолчал, чтобы с первого дня не портить отношений. Тем более с таким мрачным типом, как этот Кирпичев.

После ужина собрались у костра. Андрей играл на гитаре, пел песни и ловил на себе восторженные взгляды девушек. Особенно пристальным был взгляд Ирочки, которую Заикин успел разглядеть и выделить еще в тренировочном походе.

Где-то за полночь большинство туристов разбрелось по палаткам. У костра осталось лишь несколько человек, которые, словно загипнотизированные, смотрели на тлеющие угли и слушали грустные песни инструктора. Среди них была и Ирочка, еще две девушки, Кирпичев и парень из соседней группы. Андрей поставил гитару и слушал анекдоты, которые начал рассказывать парень. Начал он с приличных анекдотов, а затем понес похабщину.

Заикину было неловко, но остановить рассказчика он не решился. Парня перебил Кирпичев, неожиданно предложив:

— Ты это, того... Может, бутылочку на компанию сообразим?

Девушки растерянно посмотрели на Заикина, особенно Ирочка. Андрей промолчал. Зато парень поддержал Кирпичева:

— Вот это дело! Если есть, давай... А вы девчата?

— Я не буду, — смущенно произнесла Ирочка.

Две другие девушки тоже отрицательно покачали головами.

— Да, ситуация, одни мужики остаются... Ну что, инструктор, вмажем, если девчата не желают? — глуповато улыбаясь, парень обратился к Заикину.

— Я тоже не буду. Завтра тяжелый переход, — недовольно произнес Андрей и заметил, как ухмыльнулся Кирпичев.

— А ты что, разве слабый? Ты же инструктор! Мы вот седьмой день идем, и ничего, — парень был из группы встречного маршрута. — Каждый вечер с инструктором употребляем и, как видишь, живые...

— Причем здесь слабый? — Заикина стал раздражать бессмысленный разговор. — Кто хочет, пусть пьет. Я не хочу — и все. Иди и пей со своим инструктором, если он такой здоровый...

— Нда-а... — процедил сквозь зубы Кирпичев и поднялся. — Ладно, корешок, пойдем, я угощаю, — позвал он парня.

И они ушли. Заикин остался у догоревшего костра с девушками. Настроение было окончательно испорчено. Ирочка нерешительно попросила:

— Андрей, сыграйте еще что-нибудь?

— Разбудим тех, кто на стоянке, уже поздно. Все спят...

Заикину не хотелось ни играть, ни петь. Ему было досадно на самого себя.

Одна из девушек предложила:

— Что, девчонки, идемте спать?

Все трое, словно по команде, поднялись и направились к палаткам.

— Спокойной ночи! — бросил вслед Андрей, недовольный, что вечер у костра оказался пропавшим.

Он опять вспомнил предыдущую группу и блондинку Наташу, которая уже в первый вечер осталась с ним наедине и не отказалась заглянуть в инструкторскую палатку, послушать его песни.

3

Заикин шел уже более часа. Подъемов на переходе было мало, только в одном месте круто поднялся водораздел. Тропа выскочила здесь на открытое пространство. Меж тускло зеленых полян текла горная речка. Светло-розовым сиянием догорала скалистая кромка яйлы.

Сумерки в горах наступали незаметно.

Поверх вершин еще сквозил золотистый солнечный свет, а в урочищах и распадках уже густели тени, наливались фиолетовой гущей кроны деревьев, остывал воздух, тускнели скалы.

Волнение в душе Заикина немного улеглось, и он представил, чем сейчас занимаются его туристы. Когда он уходил, мужчины договаривались с соседней группой играть в волейбол, на пару банок сгущенного молока. Скорей всего, игра уже закончилась. Мужчины с полотенцами идут умыться к реке, обсуждая подробности спортивной баталии. Володя, который всегда числится в болельщиках, разводит костер и что-то нашептывает Наде. Из-под навеса столовой берут скамейки и ставят их вокруг кострища, девушки первыми занимают места. Ждут, кто из инструкторов подойдет с гитарой.

Заикин подумал об Ирочке. Кто-то из соседней группы уже, наверное, заговаривает с ней, изучает заинтересованным взглядом. А наивная Ирочка вежливо отвечает, ей приятно внимание молодых ребят, и она уже позабыла об инструкторе...

После водораздела тропа вновь ушла в лес и вывела на горную дорогу. Хорошо заметная и наезженная, широкая, она спустилась с яйлы прямо к стоянке «Родниковая». Еще несколько минут — и Заикин почти бегом выскочил к палаточному городку.

Никто из туристов на стоянке на него не обратил внимания. Многие группы еще ужинали, дежурные возле кухни мыли посуду.

Возле комендантской палатки Заикин увидел хозяйку стоянки Альбину. Она готовила корм поросётам, которых держала в стороне от стоянки в специально огороженном месте. Женщина практичная, сорокапятилетняя Альбина считала, что домашнее хозяйство при ее должности лучше держать в лесу. Внешность Альбины прозаическая, один турист даже как-то сказал Андрею, что комендант могла бы играть в фильмах «деревенских дурочек». Но это обманчивое впечатление. Альбина обладала властным характером, который проявлялся, если что было не по ней. Ее побаивались не только инструкторы, но и турбазовское начальство.

— О-о, Андрюха! — удивилась она. — Чего тебя черти принесли? Ты ж утром ушел со стоянки? Зазнобу, что ли, какую оставил?

Альбина улыбнулась, блеснув золотым зубом, и на ее лице появилось выражение, за которое инструкторы прозвали коменданта Акулой.

Заикин вынес шутку молча, отдавая дань характеру коменданта, и, тяжело вздохнув, спросил:

— Слушай, мой турист здесь не показывался? Ну, тот, что вчера в магазин бегал?

— А-а, Саня, что ли? — невозмутимо переспросила Альбина. — Часа четыре, как заходил. Что, еще не вернулся?

Заикин ощутил, как напряжение — этот тяжелый ком изнутри — исчезает, стало легче. Его даже не удивило, что Альбина знает Кирпичева по имени.

— Куда он пошел?

— Да ты же его сам послал, к пастухам, за барашком...

— Что-о? Я?... За барашком? Он что, так и сказал?

— Да, так и сказал, — комендант наконец-таки заметила состояние Заикина. — А что случилось?

— Никуда я его не посылал. Он сам ушел, понимаешь, забрал рюкзак, штормовку, никому ничего не сказал и ушел.

— А я-то, дурочка, поверила! — захлопала глазами Альбина. Видно, ей стало неприятно, что ее обманули. — Он еще

подошел ко мне, поздоровался, сказал, что группа сбросилась на барашка и инструктор послал его к пастухам. Я ему объяснила, как на яйлу пройти, как пастухов разыскать.

— Значит, он к пастухам пошел? — Заикин вопросительно посмотрел на Альбину.

— Откуда я знаю? Он на дорогу вышел, а я за ним не следила. Своих забот хватает. Я только подумала: как ты его одного в такую даль отправил?

— Ты не заметила, он был выпивши?

— Нет, вроде трезвый. Пьяных-то я сразу подмечаю. А он еще на скамеечке посидел, покурил, затем сказал, что дело не терпит, и пошел...

Заикин вспомнил, что разговор о шашлыках возник еще в начале похода, на первой стоянке. Андрей подробно объяснил, сколько это будет стоить в деньгах. Узнав цену барашка, туристы промолчали, и Заикин решил, что и эта группа, как и предыдущие, обойдется без шашлыка. Не тот контингент. Если нет желающих сброситься по червонцу, значит, не у всех есть деньги. А если и есть, то предназначаются для чего-то другого.

Андрей запомнил выражение лица Кирпичева. Когда все промолчали, он презрительно посмотрел на инструктора и группу, словно здесь собрались одни жлобы, и равнодушно отвернулся.

Может, он решил совершить благородный поступок — за свой счет накормить группу шашлыками, заодно показать свою щедрую натуру, мол, он не просто Кирпичев, над которым все подсмеиваются, а человек — не чета иным.

Подсмеиваться над Кирпичевым начали на первой стоянке. Заикин объяснял туристам, как пользоваться спальным мешком, как застегиваться, посоветовал разрез оставлять под спиной, тогда ночью будет не так холодно.

Кирпичев не расслышал, а может, нарочно спросил:

— Так, значит, головой внутрь, а ноги наружу?

Девушки прыснули смехом, а мужчины сдержанно хмыкнули.

Шутку Кирпичева вспомнили за ужином. Кто-то из девушек громко произнес:

— Хорошо тем, у кого головы нет. Ее в спальник не надо засовывать...

Все дружно засмеялись и посмотрели на Кирпичева. Тот наклонил голову над миской, словно сказанное его не касалось.

Так и повелось в этой группе: большинство шуток было направлено в адрес Кирпичева. Он, казалось, не обижался, ему даже нравилось быть постоянно в центре внимания. Заикин знал, что в каждой группе всегда находится объект для насмешек. Таким в этот раз оказался Кирпичев, безобидный и отвечающий на каждую шутку ироничной ухмылкой.

Заикин вспомнил об этом, когда Альбина спросила:

— Может, он обиделся на кого?

В ней проснулось женское любопытство, Альбине хотелось узнать все и как можно подробнее о том, почему Кирпичев ушел из группы.

— Нет, он не обижался... — неуверенно произнес Андрей, пытаясь вспомнить, обижал ли кто серьезно Кирпичева.

— Тогда что же? — теребила Альбина Заикина.

— Да откуда я знаю?! — взорвался Андрей. — Он что, мне докладывал?

— Не психуй ты, — примирительно сказала Альбина. Она поняла, что Заикин в растерянности. — Ты спасателям сообщал?

— Нет, — мрачно выдавил Андрей. — Я думал, сам его найду. Зачем шум поднимать?

— Это зря... Сообщить надо, чтобы претензий потом не было. Может, сообщишь?

— Подожду немного, — вздохнул Заикин. — Сбегаю на яйлу, к пастухам...

— Да ты в уме, куда тебя несет? Темно уже! — всплеснула руками Альбина. — Заблукнешь, самого искать придется.

— Я не заблужусь, — твердо ответил Андрей. — Я знаю, где кошара, я там был...

— Фонарь хоть есть у тебя?

— Есть... Слушай. У тебя была портативная радиостанция, помнишь, ты говорила. Может, дашь мне, пока на яйлу сбегая? Если заблужусь, легче будет найти.

Альбина зашла в комендантскую палатку и вынесла футляр с радиостанцией.

— Смотри, если потеряешь, не рассчитаешься... Я до двенадцати не сплю, каждый час буду на связи. Найдешь своего беглеца — сразу передай... Договорились?

— Договорились, спасибо, — поблагодарил Андрей. — Слушай, если я его найду, к тебе на стоянку вернусь. Найдешь, где переночевать?

— Думаешь, ты его у пастухов застанешь?

— А куда он по темноте пойдет? Сидит с пастухами у костра, водку пьет и языком чешет.

Альбина показала на палатку рядом с комендантской:

— В хозяйственной переночуете. Там у меня сено и матрасы. Одеяло я принесу.

— Спасибо, — еще раз поблагодарил Заикин и, не мешкая, бросился к дороге, что вела на яйлу.

4

Если бы кто предложил Андрею прогуляться на яйлу ночью, за десять километров от стоянки, ради развлечения, Заикин заявил бы, что это удовольствие для ненормальных.

То, что он совершает безрассудный поступок, Андрей осознал, когда отошел от «Родниковой». Дороги почти не было видно, только луч фонаря высвечивал маячившие две колеи. Заикину почудилось, что он пробирается через фантастический лес, где тысяча неведомых опасностей, где черная бездна готова каждую секунду поглотить его, где каждая впадина на дороге кажется волчьей ямой.

Ближе к яйле лес поредел, проглянула луна. Ее слабый расплывающийся серп создавал ощущение видимости; стали от-

свечивать камни, время от времени вспыхивали светящиеся глаза гнилушек.

Заикину в какой-то момент показалось, что он услышал голос Кирпичева, хрипловатый и насмешливый: «А вот и не догонишь, инструктор, не догонишь... Слабак ты оказался, инструктор, слаба-ак... Сидел бы лучше на стоянке, не пырхался, нечего из себя героя корчить...»

Андрей даже головой мотнул, чтобы прогнать наваждение, и голос пропал, остались дорога и холодный свет луны.

Заикин осилил еще один подъем, самый крутой, и перед ним открылась в зеленоватой мгле холмистая поверхность яйлы. Темными пятнами выделялись островки леса. Фосфорились скальные уступы, чернели прячущиеся под ними карстовые воронки. Ночную яйлу Андрей видел впервые, она была похожа на поверхность неведомой планеты; так непривычно выглядел представший пейзаж.

Ставшая заметной дорога наискосок пересекала яйлу. Если идти по ней, то километров через пять будет кошара. Еще весной Заикин был здесь с друзьями. Они шли через яйлу днем, заглядывая в пещеры. Ненадолго остановились возле кошары на привал. Андрей помнил, что она рядом с дорогой.

На открытом пространстве мир как бы расступился, и Заикину стало легче дышать. Ему даже показалось, что не надо никого искать, он просто проверяет себя на храбрость, испытывает силу воли и совершает ночной марш-бросок.

И тут пришла тревожная мысль: что если Кирпичев где-то поблизости? Купил у пастухов барашка, возвращался по дороге, но, застигнутый темнотой, решил переночевать в одной из воронок. Андрею даже послышалось, что кто-то вроде позвал его. Заикин вздрогнул и оглянулся, посветил вокруг фонарем. Никого, только куст боярышника чернел у дороги.

Андрей уже не шел, он бежал легкой трусцой. Он чувствовал, что до кошары остается немного. Сейчас дорога поднимется вверх — на скалистый гребень, а затем упадет в обширную котловину. Там должен быть загон, где пастухи

собирают на ночь овец, а рядом кошара, под черепичной крышей.

Котловина открылась, словно большой кратер вулкана.

При слабом свете луны очертилось темное ограждение загона, слышно было тихое блеяние овец. В окне домика пастухов мерцал огонек.

Там Кирпичев, там! Андрей перешел на шаг, успокоил дыхание, представил, что будет говорить. Он решил не ругаться. К чему? Не хватало, чтобы Кирпичев психанул. Андрей решил поговорить с ним спокойно, обстоятельно. А если тот пьян, лучше вообще не разговаривать. Подождать до утра, пока протрезвеет, затем вызвать спасателей с машиной и списать с маршрута...

Ощувтив присутствие чужого, овцы заблеяли громче, тут же от домика поднялась собака. Она пробежала вдоль изгороди, остановилась и яростно залаяла, почти захлебываясь. Раздался протяжный скрип, и в проеме двери блеснул свет.

Мужской голос громко спросил:

— Кто там?! Кого черти по ночам носят?

— Можно к вам?! — издали крикнул Андрей, опасаясь подходить ближе.

Лающая овчарка могла покусать.

— Тихо, Мухтар, тихо! Кому я сказал! — Заикин разглядел, что собаку взяли за ошейник, отвели за угол, видно, привязали. Собака утомилась. — Эй! Иди, не бойся!

Заикин прошел вдоль загона. Возле открытых дверей его ждал мужчина — невысокий, сутулый, с трубкой во рту.

— Я с туристской стоянки, у меня дело к вам...

— А без дела и бегать нечего по ночам, проходи, — пастух пропустил Заикина в небольшую комнату.

В ней пахнуло кожей, шерстью и сухим сеном. На столе, сколоченном из простых досок, чадила керосиновая лампа. Вдоль стен приткнулись деревянные настилы. На них валялось тряпье, стояло несколько ведер, кастрюль, большой чугунный котел, лежало несколько мотков веревки. В комнате тихо звучала музыка.

За столом сидел парень в кожаной безрукавке. Он, не поднимая головы, крутил ручку транзисторного приемника.

— Вот, с турбазы хлопчик, — объяснил пастух с трубкой.

Парень пристально взглянул на Заикина колючими глазами. Андрей растерялся. Он рассчитывал, что застанет в домишке Кирпичева, и мысленно готовился к объяснению с ним.

Пастухи терпеливо и молча ждали.

— Понимаете, такое дело получилось... Турист у меня из группы ушел... — Заикин неожиданно для себя стал говорить сбивчиво, волнуясь. — Понимаете, я инструктор туризма, а он ушел, никого не предупредил... Он был на стоянке, на «Родниковой», сказал, что идет к вам, на яйлу, барашка покупать...

— Чиво-о? — протянул парень, и посмотрел на старшего товарища.

Заикину показалось, что они перемигнулись.

— Сказали, он к вам пошел, за барашком...

— А у нас что тут, частная лавочка? Кто тебе наплел, что мы барашков продаем? Они у нас — государственные, — с иронией процедил парень и выключил музыку.

— Тебя обманули, хлопчик, кто-то наговорил на нас. Мы барашков туристам не продаем, — старший пастух пыхнул дымком из трубки, и Заикин поймал его взгляд на футляре радиостанции.

Алексей понял, что ему не доверяют. Пастухи — народ ушлый, их не проведешь. Даже если они продали барашка Кирпичеву, то вряд ли признаются незнакомцу, тем более пришедшему ночью.

Заикину стало обидно и досадно.

— Да вы что, не верите мне? Я инструктор, честное слово, у меня в группе турист пропал. Забрал рюкзак и ушел неизвестно куда. А комендант Альбина сказала, что он за барашком пошел, к вам, на яйлу...

— Так ты Альбину знаешь? — перебил Андрея парень.

— Конечно, знаю, — обрадовался Заикин. — И она меня знает, если не верите...

— Пойдите и проверите, — усмехнулся парень и обернулся к напарнику. — Федор, может, не врет, поверим ему?

— Да ей-богу, правда!

— Так ты ночью по яйле за туристом бегаешь? — покашливая, спросил старший пастух, названный Федором. Заикину стало неприятно, словно его в чем-то подозревают.

— Да, за туристом... — устало выдавил Андрей.

— А эту штуку, зачем носишь? — Федор кивнул на радиостанцию. — Я в городе такое радио у ментов видел. Они прожег собой запросто, как по телефону, разговаривали.

Только теперь Заикину стало ясно, за кого его приняли пастухи.

— Да не мент я, говорю же — инструктор... А радиостанцию мне Альбина дала, для связи со спасателями, если что-то серьезное с туристом случится... И барашки мне ваши не нужны! Мне нужно туриста найти, иначе меня судить будут, если с ним что случится...

Заикин ощутил, что его начинает бить нервная дрожь.

— Ты, хлопчик, не горячись, — помягчел Федор. — Сядь, отдохни, успокойся, на тебе вон лица нет.

Слова пастуха прозвучали обнадеживающе. Заикин присел на предложенную табуретку и только сейчас ощутил, как чертовски устал. И не мудрено, днем двенадцать километров, столько же вечером, еще на яйлу десять... Ноги слегка дрожали, и он ощутил, что его клонит ко сну.

Парень снова включил приемник, и разноязычный гам наполнил комнату.

— Да выключи ты свою свиристелку! — недовольно бросил Федор, и повернулся к Заикину. — Значит, так, хлопчик, ты извиняй, но мы твоего туриста не видели. Мы тебя не обманываем, ты не думай. Сегодня к нам никто не приходил.

— Так что, выходит, Альбина что-то напутала?

Заикин еще не верил, точнее, отказывался верить, что Кирпичева у пастухов нет. Может, они просто ошиблись?

— Это твое дело решать, напутала или нет. Мы тебе сказали правду, как на духу, сегодня никто за барашком не приходил.

— Может, он мимо вас по дороге прошел? Ведь с той стороны яйлы еще есть кошары.

— Это ты у Лехи спроси, он целый день возле отары был, всех проходивших по дороге видел, — Федор кивнул на парня.

— Не-е, никого не было, — протянул Леха, отрывая голову от приемника. — Машина утром прошла на метеостанцию, а больше никого, ни единого человечка.

— Это точно? — теряя последнюю надежду, спросил Заикин.

— Точнее не бывает. Глаза у Лехи острые, он не то что туриста, он блоху на яйле разглядит, — Федор насмешливо потрепал своего напарника по плечу.

Заикин опустил глаза и заметил на полу у стола соломинку. Она лежала смятая, придавленная; мелькнула мысль, что такая вот соломинка надежды была у него, когда он шел на яйлу. Теперь оказалось, что Кирпичев обманул всех — Альбину, туристов, инструктора. Значит, он знал, что будут преследовать, и ловко замел следы. Только зачем?

— Слушай, — спросил из-за стола Леха, — а ты чего, обратно собираешься телепать? Оставайся до утра, переночуешь, место найдется.

— Он дело говорит, оставайся, хлопчик, — добавил Федор. — Чего тебе ночью мыкаться?

Заикин с благодарностью посмотрел на пастухов. Но оставаться было нельзя. Теперь не только бесполезно, но и опасно скрывать бегство Кирпичева. Необходимо сообщить в город — в контрольно-спасательную службу. Теперь его все равно накажут, что сразу не сообщил, а если вообще не сообщить, то могут быть большие неприятности.

— Мне надо передать... срочно, что он пропал... — волнуясь, произнес Заикин и раскрыв футляр радиостанции, начал собирать антенну.

Пастухи внимательно наблюдали за ним.

Заикин попытался несколько раз вызвать город, но безуспешно, мощность портативной радиостанции была мала. Тогда он стал вызывать Альбину, как раз было договоренное время. Через минуту она откликнулась. Заикин попросил ее связаться с городом и сообщить спасателям об исчезновении Кирпичева. Альбина, видно, была не в настроении и грубо ответила:

— Я тебе что говорила, надо было сразу сообщить, а не бегать по яйле. Я сообщать не буду, мне чужие неприятности не нужны, это ты обязан делать. Придешь и сообщишь, я еще спать не буду...

— Так я только через час с лишним добегу...

— А ты чего волнуешься? Его ночью все равно никто искать не будет. Тем более, он не потерялся и не заблудился, а сбежал из группы...

Заикин понял, что спорить и урезонивать строптивую Альбину бесполезно, тем более, что она права. Надо было возвращаться на стоянку.

— Ну что, остаешься? — спросил Федор.

— Спасибо, — устало ответил Андрей, — я бы остался... Но надо идти, сообщить в город об этом пропавшем.

— Как знаешь, — развел руками Федор. Трубку он уже докурил и сунул ее в карман куртки. — Счастливо тебе.

Леха, уткнувшись ухом в приемник, равнодушно кивнул головой.

5

Кирпичев остановился и смахнул ладонью пот со лба.

Здесь, возле яблоневого сада, можно было отдохнуть, посидеть и перекурить. Туристская стоянка осталась высоко в горах, а прямо за садом, по склону лесного урочища, были видны разбросанные домики села. Кирпичев подумал, что хорошо сделал, что сказал комендантше, будто он идет за барашком к пастухам. Если его бросились искать, то набегают-

ся, посуеются, пока не сообразят, что он подался совсем в другую сторону.

Кирпичев открыл пачку сигарет и закурил.

Бешено колотилось сердце. Он шел быстро, скорее бежал. Хотя от кого спрашивается? Ему все казалось, что сейчас кто-то из кустов окликнет его: «Стой! Куда? Вернись обратно!..»

Обратно? Вернуться? Да ни за какие деньги!

Кирпичев матерно выругался. Он вспомнил Заикина, этого дешевого пижона, горе-инструктора, прижимистых туристов, которых ведут, как стадо, по горам, смазливую Ирочку, которая, глазом не моргнув, пошла вчера с инструктором в его палатку...

Заикин не понравился Кирпичеву еще с тренировочного похода. Заявился этакий красавец в джинсах и фирменной майке, стал командовать, распоряжаться, учить, как дальше жить, объяснять, что правильно делать, по-походному, а что нет. Загорелый, спортивный, улыбающийся, чуть ли не киношный герой. Только слепой не заметит, какими глазами на этого пижона все туристки смотрят. Ирочка прямо глаза обломала об этого пай-мальчика...

Кирпичев подумал, что, не будь этого Заикина, глядишь, у него бы с Ирочкой все сладилось. Они с ней еще в первый вечер на турбазе познакомились, когда инструктором и не пахло. Кирпичев пригласил Ирочку в бар, и она охотно согласилась. Затем она не отказалась пойти с ним в номер, и он угостил ее марочным крымским вином, бутылку которого прикупил в буфете. Ирочка пила глоточками и тяжело дышала, весь вечер в баре она танцевала быстрые танцы. Кирпичев вел себя скромно. Он первый раз отдыхал по профсоюзной путевке и никогда раньше на турбазах не был. Для первого вечера ему было приятно уяснить, что Ирочка из его туристической группы и они вместе идут в поход. Она приехала одна, а живет в Киеве, работает лаборанткой в каком-то научно-исследовательском институте. Заочно в университете учится. Еще Ирочка сказала, что ей здесь скучно, она ни с кем не успела познакомиться,

а в горы идти не хочет. Нести рюкзак — это тяжело, она бы хотела быстрее к морю, на пляж...

Кирпичев представил, как он будет помогать Ирочке в походе, ухаживать за ней, а потом у них случится любовь, и они станут друзьями. Ему очень хотелось верить в это, и когда он проводил девушку в соседний корпус, то нерешительно поцеловал ее в губы.

Ирочка вся выгнулась, словно делала Кирпичеву одолжение за то, что он посвятил ей вечер, а потом решительно сказала:

— Ладно, хватит... Не надо больше. Спокойной ночи.

Кирпичев подумал: окажется он в тот вечер решительней, все сложилось бы иначе. Инструктору ничего не оставалось бы делать. Теперь об этом вспоминать бесполезно. Сам виноват со своей скромностью. Решил быть культурным, по понятиям.

То, что Заикин перед группой из себя правильного корчит, понятно, ему по штату положено. Но зачем перед ним, Кирпичевым, выделываться? Ведь он его насквозь видит... Видал таких на зоне, там им быстро нужное место находили.

Когда Заикин отказался с ним выпить, он еще подумал, что инструктор повыделывается малость, а потом станет проще и человечней. Но Заикин словно нарочно Кирпичева не замечал. Даже на шуточки не обращал внимания, которые Кирпичев стойко терпел, хотя мог ответить и испортить всей группе настроение... Ладно, бог с ними, с инструктором и группой, но вот Ирочка...

Кирпичев оглянулся по сторонам и потянулся за новой сигаретой. На душе было беспокойно, в какой-то миг показалось, что на него всем тяжким грузом обрушилась вся его небольшая прошедшая жизнь.

Не так давно Кирпичев вернулся из исправительно-трудовой колонии, где провел два года. Получил он этот срок, как сам говорил, за «неравнодушие». После армии пошел рабо-

тать на завод токарем, жил в общежитии. Как-то возвращался после второй смены, а возле парка трое малолеток избивали девушку. Он еще подумал: может, не стоит вмешиваться? Но девушка отчаянно кричала и звала на помощь, и он вмешался. Получив удар в лицо, Кирпичев разозлился и стал молотить малолеток руками и ногами. Девушка в этот момент сбежала, а Кирпичев вошел в раж. Двое малолеток уже ползали на коленях, а третьего Кирпичев прикладывал головой к скамейке, когда незаметно подкатил милицейский «воронок». Забрали всех четверых. Один из малолеток получил телесные повреждения, а у другого папа оказался другом милицейского начальника. Рассказу Кирпичева об избиваемой девушке не поверили — девушки не было. Получалось так, что здоровый громила напал на скромных подростков, которые возвращались с вечеринки, где ничего, кроме шампанского, не пили. И стал выяснять с ними отношения, и одного из них чуть не убил. Все было против Кирпичева, и он не стал препираться, понял, что ему не верят. Получил два года, хотя могли дать и больше.

Родом Кирпичев был из сибирского села. Рос спокойным и рассудительным мальчишкой и, что всегда любила подчеркнуть мать, весь в покойного деда. Тот, как его судьба не ломала, никогда не сдавался. Мать рассказывала, как в тридцатые годы его — зажиточного хозяина — стали прижимать, хотя он был середняком. Даже собирались раскулачить, но дед поехал к своему партизанскому командиру, который стал большим партийным начальником, и тот вступился, написал специальную бумагу. Местные власти оставили деда в покое, но еще долго косились и называли подкулачником, даже когда тот вступил в колхоз.

Кирпичев деда живым не застал, а вот бабу Аграфену помнит. Она была старенькая, сухонькая, занимала в доме угол, весь уставленный иконами. Бывало, после уличных драк Кирпичев с разбитым носом бежал к бабушке, и та, достав платок, ласково приговаривала:

— Терпи, внучок, не жалуйся, господь бог терпел и нам велел... Терпи, внучок, все хорошо будет.

Кто знает, может, по родству от деда или от бабкиного воспитания, Кирпичев действительно не любил жаловаться и перечить кому-либо не любил. Случалось, что отец по пьянке затевал дома скандалы, особенно когда запой начинался. Тогда Кирпичев хватал со стенки дедовское ружье, накидывал телогрейку и подавался в тайгу, на заимку. Возвращался домой через неделю, приносил матери что-либо из дичи.

Потом в армию забрали, попал в стройбат. Когда пришла пора домой в село возвращаться, затосковал и, послушав уговоры товарищей, поехал в город, устроился на завод, вначале учеником токаря, а потом и разряд получил. Только начал новую жизнь втягиваться, как история с малолетками приключилась. Отбыл наказание от звонка до звонка. После освобождения обратно на завод вернулся, словно и не было этой судимости. Правда, одна слабость после зоны появилась — если друзья предлагали выпить, он не отказывался. Хотя зачастую совестно было, помнил слова матери, она их перед смертью говорила, когда Кирпичева в армию забирали:

— Не пей сынок, это отрава, дурман, она батяню твоего сгубила и тебя к недоброму приведет... Богом прошу, не пей!

Отец угорел, пьяный пошел в баню, растопил печь, а дымоход закрыл... Да и мать, едва Кирпичева забрали в армию, слегла. Сердце у нее болело. После года службы пришла телеграмма от старшей сестры, что мать умерла. Кирпичев прилетел на похороны. Побыл у себя в селе, посмотрел, как мужики самогонку пьют, стало еще тоскливей; ощутил себя сиротой, никому не нужным, даже родительский дом, где сестра с семьей обосновалась, чужим показался. Может, потому и не захотел после армии туда возвращаться. А в городе ему мать часто снилась, видел ее лицо и шепчущие губы:

«Ты, Санек, у нас одна надежда... Только водку не пей, сгубит она тебя. Ты у нас толковенький, в дедушку, тебе учиться надо. Большим человеком станешь...»

Мать почему-то считала, что Кирпичев станет когда-нибудь ученым, потому что учился он добросовестно, учителя хвалили и называли способным мальчиком.

Кирпичев сплюнул сигарету, поднял рюкзак, взглянул на пустынную дорогу, словно кого-то хотел увидеть, и зашагал в село.

В зеленом мареве садов выделялись шиферные и черепичные крыши. Прямо за домами раскинулась небольшая площадь, виднелось здание магазина, напротив разворачивалась грузовая машина.

Кирпичеву все это знакомо; вчера он спускался в село со стоянки. Мужики из группы попросили водки принести. Он и себе четыре бутылки взял, три еще остались.

На выпивку Кирпичева потянуло на турбазе. Хотя перед отъездом, когда ребята в общежитии провожали, он в шутку зарекся, что со спиртным покончено. За все дни отпуска ни капли в рот не возьмет. Будет начинать новую жизнь. Ребята еще посмеялись: там, мол, на юге, такие номера не проходят. И оказались правы. Как приехал, схлестнулся на турбазе с шахтером из Кемерово. Тот его и подначил: давай, земля, отметим знакомство. За наш отдых на югах!.. И пошло-поехало.

Кирпичеву внезапно открылось, что выпивка странным образом помогает. Хмельной, он мог свободно с незнакомыми людьми сходиться, легко держаться, общий язык находить. Жизнь становилась как-то проще, искренней. И в походе, как надеялся Кирпичев, водка облегчит поиск толковых товарищей. Но не повезло с инструктором. То, что Заикин пижон оказался, видно было сразу. Но Кирпичев надеялся, что это маска пижонства. Она нужна для работы с группой. А вне работы инструктор — парень, как многие.

Но Заикин оказался еще и аристократом. Сразу провел линию между собой и Кирпичевым: вот здесь, мол, ты — с выпивкой, а вот здесь я — правильный и порядочный, не забывай своего места, деревня...

И с группой не повезло. Все, словно специально, подбирались под статью инструктору. Девушки не пили, а мужики каждый себе взял, украдкой друг от друга стопкой давились, Кирпичеву противно стало. Не кореша, а потребители. Но он молчал, со своим мнением не лез. Если каждый для себя, то и он для себя.

Покая не было из-за Ирочки,

На первой стоянке он намекнул ей после ужина: пойдём, мол, погуляем, места здесь красивые. А она такое на лице изобразила, словно первый раз Кирпичева увидела. Чужим голосом ответила: инструктор русским языком объяснил — от стоянки уходить далеко запрещается. Опять этот инструктор, туристам, выходит, нельзя, а ему, видишь ли, все можно. Кирпичев видел, как на второй вечер Заикин подхватил девицу из соседней группы и повел на обрывистый склон, любоваться лунной дорожкой на море. Кирпичев стоял возле кухни, курил, в темноте его не было видно. Инструктор прошёл рядом и слышен был его голос:

— Честное слово, это самая гигантская лунная дорожка в мире... Ее ширина десятки километров, такого чуда нигде не увидишь, только у нас...

Точно, ухмыльнулся Кирпичев, такого одурачивания нигде не увидишь, только на юге.

Он еще надеялся, Ирочка в конце концов поймет, что она ему небезразлична, и он найдет в себе отвагу объясниться с ней. Но вскоре Кирпичев догадался, что все свои помыслы и желания девушка связывает, увы, не с ним. Видно было, что ей нравился инструктор. Кирпичев внимательно следил за обоими и заметил, как накануне вечером инструктор с Ирочкой отошли от костра к палаткам. Он тоже поднялся за ними. Они остановились, и он остановился, таясь. Инструктор и девушка разговаривали приглушенными голосами, и Кирпичев догадался, что Заикин уговаривает Ирочку зайти к нему в палатку.

Кирпичев собрался было подойти и отстоять Ирочку, когда увидел, что девушка пошла-таки в палатку. Какое-то время

держалась тишина, затем из палатки раздалось бормотание, словно о чем-то переговаривались. Кирпичев подошел ближе и услышал за брезентовой стенкой шепот;

— Андрюшенька, милый... Не надо, милый. Прошу тебя...

Кирпичеву было неприятно. Стало стыдно при мысли, что его могут застать подслушивающим.

Невыносимо захотелось выпить.

Он вошел в палатку, где похрапывали соседи, — они укладывались рано, к костру не ходили, — разыскал рюкзак, наощупь открутил крышку бутылки и стал пить из горлышка.

Потом Кирпичев забрался в спальный мешок и подумал: пошли все к черту! Хмельная горечь туманом заволокла сознание. Он стал погружаться в сон. Засыпая, Кирпичев увидел улыбающееся лицо Ирочки и рядом Заикина. Тот что-то кричал, и Кирпичев смутно расслышал: это не положено, слышишь, не положено!

Сельская улица показалась вымершей. Было тихо, даже собак не слышать, людей не видно, словно все попрятались. Даже возле магазина никого не было. Кирпичев остановился: куда теперь?

Определенного плана он не имел. Он даже из группы ушел, поддавшись минутной слабости. Обиделся. Хотя вида, как всегда, не показал. Обиделся на Ирочку, на инструктора, на всех...

После вчерашнего вечера Кирпичев осознал, что теперь все шутки в его адрес обретают не просто веселый, а унижительный для него смысл.

Когда за обедом Володя пошутил, что у Кирпичева нет аппетита, потому что он оставил невесту — коменданта Альбину, захотелось встать и вылить миску с супом на голову толсторожего весельчака. А тут еще достала сидевшая напротив Ирочка. Она так фыркнула от смеха, что чуть не подавилась. И Кирпичев понял — надо бежать из этого, чуждого ему окружения, куда глаза глядят. Иначе до конца похода не сдержаться.

Обязательно сцепится с кем-нибудь, наделает беды, чего доброго сядет из-за какого-нибудь пижона в залатанных джинсах. Кирпичев чувствовал: добром вряд ли этот поход кончится.

О том, что его будут искать, он догадался позже. Поэтому и сказал рыжеволосой комендантше, что идет за барашком, пусть ищут ветра в поле...

Магазин был открыт. Кирпичев прикинул и решил взять на всякий случай две бутылки вина. Он подумал, что оставшиеся до конца похода пять дней надо где-то прожить. Выберется к морю, снимет комнатку, паспорт с собой, деньги есть, дождет-ся пока группа придет на приморскую турбазу, сдаст рюкзак и штормовку, получит свой чемодан в камере хранения и будет отдыхать, как ему нравится, без этих осточертевших физиономий, без Ирочки и инструктора.

Сонная продавщица подала бутылки с вином, отсчитала сдачу. Он спросил ее, будет ли сегодня автобус в город.

— Ни, нэ будэ. Вин ранком ходыть, о дэсятй годныи.

До десяти часов утра свободен, как птица, подумал Кирпичев, надо как-то устроиваться.

Он вышел из магазина и увидел, что за площадью, напротив, темнеет длинный сарай. Изгородь повалена, ворота нараспашку, похоже, здесь был склад.

Кирпичев оглянулся. Никого, кто бы мог заметить его, не было. Он вошел в сарай. Там висел сумрак, пахло гнилой соломой и силосом. Кирпичев прошел вглубь и обнаружил перегородку, за ней ворох сена. Снял штормовку, постелил, опустил рядом рюкзак. Затем уселся удобней, достал нож, банку тушенки, буханку хлеба, эмалированную кружку и бутылку водки. От этих приготовлений стало хорошо и уютно. Он даже подумал: почему не провести оставшиеся пять дней в этом сарае. Продуктов хватит. Деньги на выпивку есть. А искать его здесь никто не будет.

Только подумал, как услышал мужские голоса. Кирпичев тревожно жался: неужели это за ним?

6

В сарай вошли двое.

Кирпичев разглядел их из-за перегородки. Они стояли напротив оконного проема, на них падал розовый свет. Один был высокий, худой, длинные волосы висели до самых плеч — он что-то торопливо говорил. Второй был неказистый, полненький, голова сплюснутая, словно по ней чем-то ударили — он внимательно слушал и кивал.

Худой вытащил из-под телогрейки бутылку вина, протянул толстому:

— Держи, Мишаня, отгрызи бескозырочку...

Толстый принялся зубами сгрызать пробку.

Наконец-то Кирпичев сообразил, что это за люди, вышел из-за перегородки и позвал:

— Эй, мужики, давай ко мне...

Худой нервно дернулся, а толстый удивленно приоткрыл рот.

— Гляди-ка, Мишаня, ангел в сарае... Хе-хе!

Мишаня медленно опустил бутылку, а худой продолжал смеяться, заливаясь. Затем разом смолк и толкнул товарища в бок:

— Пошли, Мишаня, коли приглашают.

Они подошли, разглядывая Кирпичева. Мишаня жадно покосился на выставленную бутылку водки. Худой, лицо которого напоминало высушенную баранью морду, пытливо спросил:

— Ты откуда, ангел?

— А ты что, следовательно? — огрызнулся Кирпичев.

— Да он же турист! — сообразил Мишаня, разглядев рюкзак и штормовку,

— Какая разница? Я вас угостить позвал, а не вопросы задавать. Я же не спрашиваю, кто вы.

— И то верно, — согласился худой и протянул жилистую ладонь. — Лаврентий, а это Мишаня.

— Саня, — буркнул Кирпичев и пожал протянутую руку.

Он сел на штормовку, Лаврентий и Мишаня устроились на сене.

Мишаня увидел кружку и опрокинул в нее бутылку вина.

— Может, с водочки начнем? — предложил Кирпичев.

— А ты не волнуйся, Санек, мы и то, и это попробуем, — усмехнулся Лаврентий. — Начнем с дешевого продукта, верно, Мишаня?

— Дешевого продукта нет, — огорченно вздохнул толстяк. — Аптеку в городе на ремонт закрыли... А в другой без рецепта не возьмешь. Вот жизнь пошла! А?

— Мишаня у нас профессионал, — кивнул Лаврентий, — он все сорта одеколонов и аптечных настоек перепробовал.

Толстяк согласно покачал головой.

— Давай, за знакомство! — Лаврентий подал кружку Кирпичеву.

Тот выпил, Мишаня быстро налил еще и опрокинул в себя, затем налил Лаврентию. Тот пил не спеша.

— Вы это, закусывайте... — Кирпичев придвинул банку с тушенкой, отрезал хлеба.

— Не-е, Мишаня не закусывает, ему худеть надо.

Лаврентий опять засмеялся, отломил кусочек хлеба и стал нюхать, сладко жмурясь. Кирпичев заметил у него большие желтые веки.

Мишаня увидел придвинутую банку с тушенкой, залез пальцами, отковырнул кусок и, хотя по руке потекло, жадно сунул мясо в рот, зажевал.

Налили еще. Выпили. Настал черед водки, и Кирпичев достал для закуски еще одну банку тушенки.

— Да у тебя целый склад! — завистливо произнес Мишаня.

Кирпичев подумал и достал две бутылки вина. Оставшиеся бутылки с водкой он решил не трогать.

— Ну, ты молото-ок! — радостно протянул Лаврентий, а Мишаня чуть было не прослезился.

— Чего уж там, — пробормотал Кирпичев. — Много водки не бывает...

— Это по-нашему, — улыбнулся Лаврентий.

Пили неторопливо, словно работу делали. Мишаня совсем опьянел, глазки сделались маленькими, и он стал напоминать откормленного борова. Казалось, вот-вот захрюкает. Лаврентий держался крепко. Изредка поглядывал на руки Кирпичева.

— Давай, Санек, перекурим, — предложил он. — Мишаня у нас некурящий, пусть отдыхает.

— Не-е... — вяло забормотал Мишаня. — Мне мамаша сказала картошку продать, я продал... Имею законное право после этого выпить...

— Имеешь, имеешь, — оборвал его Лаврентий, видимо, вперед зная, о чем дружок начнет говорить.

Кирпичев молчал.

— Я гляжу, Санек, ты тоже зону понюхал? — спросил Лаврентий.

— С чего ты взял? — поднял голову Кирпичев.

— Меточка имеется, — Лаврентий кивнул на руку Кирпичева: на запястье слабо проглядывала татуировка — квадрат из четырех точек и одна посередине.

— Имеется, — неприязненно ответил Кирпичев и спрятал руку,

— Ты сам откуда будешь? — не унимался Лаврентий.

— Из Сибири, — нехотя произнес Кирпичев.

— А к нам как занесло?

— Ветром.

— Ладно, можешь не рассказывать, мне без интереса, — Лаврентий толкнул Мишаню. Тот, уткнувшись в сено, тонко всхрапывал. — Эй, хрен толстый, не спать, еще бутылка осталась!

Мишаня приоткрыл глаза, что-то пробормотал, но подняться не смог.

— Ладно, Санек, давай с тобой вмажем, — дружелюбно предложил Лаврентий.

Кирпичев согласно кивнул.

За стенами сарая сели густые сумерки, лиц уже было не разглядеть. Закурили еще по сигарете, и Лаврентий спросил:

— А ты в Сибири охотился?

— Случалось...

Лаврентий затянулся. Вспыхнувший огонек сигареты высветил на мгновение жесткое, изрезанное морщинами лицо.

— Знаешь, Санек, тут дело есть... Я с этой свиньей, — Лаврентий толкнул ногой в живот спящего Мишаню, — на охоту собирался, в ночь... Дело выгодное, сейчас курортный сезон и мясо в городе хорошо стоит, можно подзаработать... Как тымотришь?

— Никак. А ружьишко есть?

— Есть, двустволка.

— А идти когда?

— Прямо сейчас, за ружьем заскочу, и пойдем. Там в лесу и покемарим. Я знаю одно место, на рассвете целое стадо приходит...

— Да иди ты, — недоверчиво перебил Лаврентия Кирпичев.

— Могу побожиться, целое стадо косуль, водопой там.

— А дойдем? — спросил Кирпичев, чувствуя, что спиртное разобрало порядком; голова кружилась, хотелось спать.

— За тебя не знаю, за меня не боись, я человек тренированный, — Лаврентий говорил отрывисто, словно не хватало дыхания. — Мне хоть бочку ставь... Это вот они слабые, — он кивнул на Мишаню. — А мы с тобой там были, где люди, как сталь, закаляются. Верно? — Лаврентий засмеялся.

— Верно, — качнул головой Кирпичев. — А что с Мишаней?

— Ничего, пусть до утра дрыхнет, — Лаврентий подтолкнул дружка ногой, и тот опрокинулся на спину, выводя носом рулады. — Ему домой нельзя, мать голову оторвет. Он все деньги за картошку пропил.

— А далеко идти? — спросил Кирпичев.

— Километра четыре. По дороге, что на турбазу ведет, а затем к Белому камню...

— Ну и пошли, — Кирпичев перекинул через плечо рюкзак, поднял кружку и сунул в карман.

Покачиваясь, они вышли из сарая.

Село затянуло фиолетовым полумраком. Солнце спряталось за горной грядой, и только слабая багровая полоска продолжала гореть на скальной кромке. На темно-синем небе прорезался месяц, проклюнулись первые звезды.

Наступала ночь.

Кирпичев плелся за Лаврентием, и ему было хорошо. Он был далеко от группы, от инструктора, от всех этих людей, которые не понимают его и делают только больно.

Возле высокого каменного забора остановились. Кирпичев остался поджидать Лаврентия, который исчез в темноте сада. Появился уже с мешком, веревкой, фонарем и ружьем в чехле. Веревку и мешок он передал Кирпичеву.

— Пошли, — распорядился Лаврентий.

И Кирпичев послушно двинулся следом.

Через какое-то время вышли на дорогу. Кирпичев ощутил, как тяжело колотится сердце, и крикнул Лаврентию:

— Эй, не беги так! Чего лошадей гонишь?

Лаврентий остановился, подождал.

— Далеко еще?

— Километра два осталось, — ответил Лаврентий и зажег лампу. — Лес начинается, дороги не видно. Не отставай, держись рядом.

Кирпичев шел и чувствовал, как его покидает хмель. Ночная прохлада и слабый ветерок освежали. Стало зябко. Не останавливаясь, Кирпичев закурил. Рядом желтым пятном фонаря маячил Лаврентий.

В лесу тьма сгустилась, хоть глаз выколи, и если бы не лампа, идти было бы тяжело.

— Скоро уже? — нетерпеливо спросил Кирпичев.

— Немного, — выдохнул Лаврентий. — Мимо скал пройдем, за балкой уже Белый камень...

Дорога спустилась вниз, свернула влево, но Лаврентий уверенно шагнул вправо, на тропу.

— Чего тянешься? — недовольно бросил он Кирпичеву.

Между верхушек деревьев на светлом фоне неба вырисовывался темный скалистый мыс. Его вершина, освещенная луной, мерцала зеленоватым светом. Где-то неподалеку журчала вода.

Лаврентий остановился, желтое пятно фонаря плеснуло по ногам.

— Пришли, здесь... Там источник... Сюда они поутру приходят... Хорошо бы двоих завалить.

Лаврентий вывел Кирпичева на небольшой взгорбок. Здесь у комля старого бука была небольшая выемка, высланная сухими листьями. В ней и расположились.

— Давай, Санек, устраивайся... Нам здесь до утра кемарить.

Лаврентий поставил лампу на край выемки и стал собирать ружье. Из-за пазухи вытащил две желтые гильзы.

— Жаканчики... Для них, красавиц.

Кирпичев догадался, что Лаврентию не впервой охотиться в этом месте, видно, давно его облюбовал.

— Может, костерчик сообразим?

— Ты что, нельзя, — Лаврентий даже поперхнулся. — Косуля — пугливая тварь: почувствует запах горелого — не подойдет.

Кирпичев вспомнил, как когда-то ходил в тайгу, мальчишкой, как, ночуя там, всю ночь жег костер, чтобы зверь не подходил близко... Здесь не тайга, кроме дикой свиньи, хищников не водится... Об этом рассказывал в тренировочном походе инструктор.

Снова захотелось выпить.

Кирпичев полез в рюкзак, вытащил бутылку водки, толкнул в бок Лаврентия.

— Чего?

— Давай, по пленочке...

— Молоток! — похвалил Лаврентий. — Приберег для нужного момента.

Кирпичев сделал глоток из бутылки и передал ее Лаврентию. Тот хлебнул, крякнул и неожиданно спросил:

— А ты чего от туристов ушел?

Кирпичев нехотя выдавил:

— Да так... Инструктор попался чистоплюйчик, и компания, каждый по себе... Скучно стало.

— Не расстраивайся, — сказал Лаврентий. — Если косулек забьем, то на брата по столынику получится... Поедем к моей сестре. Она у самого моря живет... Сарайчик нам выделит, у нее винцо имеется, домашнее, будем на пляже загорать и баб кадрить...

Кирпичев закрыл глаза и представил себя на пляже. Он красивый и загорелый, будто шоколадом измазанный. На него с любопытством смотрят девушки. Одна из них подходит к нему, и он узнает ее — это Ирочка. Она улыбается и спрашивает:

«Не надоело тебе, Кирпичев, бегать? Отдохнул бы немного. Подремал чуток».

И подойдя ближе, больно толкает в бок.

— Да ты что? — очнулся Кирпичев и открыл глаза.

— Я говорю, вздремнуть надо. Давай по очереди. Часы у тебя есть? — спросил Лаврентий.

— Есть, — Кирпичеву было неприятно, что Лаврентий прервал его сон. — Когда тебя разбудить?

— Через два часа, — ответил Лаврентий, устраивая под голову мешок. — Только не засни и лампу притуши. Потом ты поспишь. Главное — рассвет не прозевать.

Он тут же уснул, протяжно посвистывая носом. Кирпичев приложился к остаткам в бутылке, а когда в ней ничего не осталось, отбросил далеко в лес. На душе было гадко.

Он почему-то вновь и вновь вспоминал инструктора, который, наверняка, и думать забыл о нем. Чего ему волноваться за

Кирпичева? Передал куда надо, что у него турист исчез, а сам забавляется себе в палатке вместе с Ирочкой.

Кирпичев подумал, что надо еще выпить, и не заметил, как заснул.

7

Летний день начинался рано.

За остывающим от ночной прохлады морем просыпалось солнце. Оно приоткрыло свое багровое веко, и над кромкой морского горизонта появился золотистый зрачок.

Дневное светило медленно поднималось выше, и загорелась свежими красками узкая полоса побережья — зазеленели холмы, растаял туман на склонах горной гряды. Ключья угасающей тьмы уползали по лесным балкам, прятались в дуплах старых деревьев, скрывались в карстовых воронках, в пещерах.

В глубине лесной чащи звонко перекликались птицы.

Этот утренний гомон разбудил Кирпичева. Он приоткрыл глаза и увидел: в пространстве горного леса слабо растекается бледно-молочный свет. Кирпичев приподнялся и выглянул из-за дерева. Дыхание у него перехватило, и он замер. На поляне, под скалистым уступом, бродили косули. Одни паслись, другие пили воду из небольшого озерца возле источника. Рядом с косулями Кирпичев заметил в стаде косулят. Подражая матерям, они тыкались мордочками в воду и испуганно отскакивали: видно, холодная вода их пугала.

Кирпичев осторожно толкнул Лаврентия. Тот недовольно забурчал и открыл глаза. Кирпичев приложил палец к губам. Лаврентий тут же сообразил, в чем дело, выглянул из-за бука.

— Пришли-таки, красавицы, — зашептал он. — Пришли, хорошие... Сейчас, погодите малость, сейчас.

Лаврентий подхватил двустолку, переломил ее, убедился, что патроны на месте, взвел курки и стал целиться.

И тут Кирпичев, которому охота была знакома с детства, ощутил беспокойство. Он растерянно потер виски и вдруг сообразил: в стаде козлята, нельзя стрелять... Ба-ах! — раскати-сто прозвучал выстрел.

— Стой! Не стреляй! — крикнул Кирпичев.

Бах! — раздалось снова, и следом понеслась яростная брань Лаврентия:

— Смазал, черт ты дери!.. Сдурел, что ли? Чего под руку орешь?!

Кирпичев увидел, что одна косуля осталась лежать возле водоема, остальные исчезли в лесу,

— Чего стоишь? — зло бросил Лаврентий. — Бери мешок, разделывать надо и быстрее дергать отсюда. Не хватало, если кто слышал... Проспали, едрить твой корень!

Кирпичеву захотелось уйти и все забыть: сегодняшнее утро, Лаврентия, убитую косулю.

— Что ты там застыл, как баран? — закричал с поляны Лаврентий. — Иди, помоги!

Кирпичев понял: так просто от Лаврентия не уйдешь. Он подхватил рюкзак, лампу и тяжело побрел на поляну. Теперь он горько сожалел, что вчера окликнул Лаврентия и Мишаню. Надо было бы смолчать, и сегодня все было бы иначе... Никто бы не затянул его в это браконьерство.

Ладно, подумал Кирпичев, пусть он забирает косулю и ума-тывает, а я своей дорожкой пойду, доберусь как-нибудь до побережья, сниму комнатку, буду отдыхать и ни о чем не думать...

Эти мысли успокоили его.

Он помог Лаврентию поднять косулю, за подвязанные ноги ее повесили на сук. Лаврентий начал мастерски орудовать ножом, снимая шкуру.

Кирпичев отошел к источнику, ополоснулся. В теле чувствовалась ломота, неприятная тяжесть была и на душе. Он зачерпнул пригоршню воды и сделал несколько глотков, от холода заломило зубы.

— Помоги увязать! — позвал Лаврентий.

Все на поляне было обрызгано кровью. Она светилась на камнях, траве и сухих листьях. Кирпичеву стало тошно, словно он увидел собственную кровь.

— Ты чего? — усмехнулся Лаврентий. — Похмелиться хочешь? Погоди чуток, придем в село, там сообразим...

Разделанная косуля была упакована в полиэтилен, затем засунута в мешок. Туда же Лаврентий спрятал и шкуру.

— Чехол... Где чехол от ружья? — засуетился Лаврентий.

Кирпичев вспомнил, что чехол вместе с рюкзаком остались возле старого бука. Он хотел было принести их, как неожиданно услышал:

— Ну что, охотнички, управились?

Кирпичев вздрогнул и уставился на оцепеневшего Лаврентия. К тому приближался неизвестно откуда взявшийся старик в фуражке с зеленым околышем.

Кирпичев догадался: лесник.

— Знал я, что вернешься сюда, знал...

Лицо Лаврентия исказилось.

— А тебе, Боярков, видно, не спится... Все по лесу шастаешь, порядочки наводишь.

— Из-за таких сволочей, как ты, и не спится... Я тебя, Храповицкий, здесь давно подгадываю, с той недели, как ты первую косулю загубил.

— Да неужто я? — засмеялся Лаврентий,

— Ты, негодяй, ты... Я предупреждал, да, видно, не дошло. Теперь ты за каждую косулю ответишь, по закону.

— А вот на, выкуси! — Лаврентий сунул в сторону лесника кукиш. — На пуганых воду возят! Плевал я на тебя и твои законы!

— Если бы мои... Я бы тебя по своему закону, как волка, пристрелил. Бери мешок, пойдем в село акт составлять... Пока еще государственные законы.

— Разогнался, как же, держи карман шире! Так я и пошел!

— Пойдешь, сволочь, никуда не денешься, — уверенно произнес лесник. — И штраф выложишь, и перед законом ответишь.

Кирпичев стоял в стороне, молча наблюдал словесную перепалку между Лаврентием и лесником. Понимал: Лаврентий и этот, Боярков, давно знают друг друга, похоже, односельчане, и не вмешивался. Ему хотелось незаметно, пока они заняты разговором, убраться подальше от этого места. Пусть разбираются сами, без него — он-то ни при чем.

Но тут произошло неожиданное. Лаврентий отскочил в сторону, схватил ружье, переломил, вставил патрон, взвел курок.

— А вот этот штраф не хочешь?! Могу весь выплатить, полностью!

Лесник стоял спокойно, казалось, ни одна жилка не дрогнула на старческом лице.

— Не дури, Храповицкий, ты знаешь, чем это пахнет... Опустить ружье. Меня не испугаешь, один пробовал, свое уже схлопотал.

— Во-во, если тебя Гришка не пристрелил, то я могу и за него... Довел ты меня, Боярков, клянусь, довел!

Кирпичев стоял в двух шагах от Лаврентия, его трясло, и он чувствовал, что развязка может произойти каждую секунду. Надо было что-то предпринять, иначе... Кирпичева словно подтолкнуло к Лаврентию, он перехватил ружье за цевье и поднял вверх. Грянул выстрел.

— Ах ты, сука! — завопил Лаврентий. — Под монастырь хочешь меня подвести!.. Да ты знаешь, он моего дружка Гришку на пять лет в зону упек! Да ты знаешь, кто он? Отдай ружье!

Лаврентий дернул ружье на себя, но Кирпичев держал крепко и, глядя в налитые кровью бараньи глаза, сказал:

— Не отдам. Не положено на человека ружье поднимать. И кошулю ты зря убил, она с детенышем была.

— И ты в святые пищешься? — брезгливо протянул Лаврентий. — Как водку — так вместе жрать, а как на дело — так в кусты? Меня одного подставить хочешь?

— Да пошел ты... — выругался Кирпичев.

— Ну давай, давай! — злорадствовал Лаврентий. — Тебе Боярков спасибо скажет, он страсть как правильных мужиков любит.

— Хватит, закрой рот, паскудник, — оборвал его лесник. — Бери мешок и топай в село. И ты, парень, тоже пойдем.

Кирпичеву идти в село с Лаврентием и убитой косулей не хотелось. Он растерянно опустил голову, словно не зная, что делать дальше.

Лесник оглянулся на поляну, забрызганную кровью, видно, хотел все это запомнить. В этот момент Лаврентий выдернул ружье из рук Кирпичева и, метнувшись к леснику, ударил прикладом по голове. Тот охнул, фуражка слетела. Седые волосы окрасились кровью.

— Ты что?! — испуганно закричал Кирпичев.

Лаврентий стоял молча возле упавшего лесника. Затем взвалил мешок на спину и крикнул Кирпичеву:

— Чего рот раскрыл? Смываемся отсюда! Оглох, что ли?!

— Постой, — произнес Кирпичев, — а как же он? Ведь это мокрое дело...

— Язык на крючок и мотаем, — оборвал его Лаврентий. — Очухается, пусть докажет, что это мы были. А сдохнет, туда и дорога... Давно напрашивался.

Кирпичев застыл на одном месте.

— Да ты что? Думаешь, он и впрямь святой! — Лаврентий опустил мешок. — Да ты знаешь, за что он Гришку посадил? Тот с его дочкой гулял, а потом бросил. А этот его на кабанчиках подловил. И не придерешься, службу, мол, выполнял. Зато Гришка ему вломил как следует, полгода в больнице чухался. И меня он давно метит, за то, что я ему петуха обещал пустить...

Заметив, что Кирпичев молчит, Лаврентий сплюнул и пошел за чехлом и лампой. Заодно он прихватил рюкзак Кирпичева, бросил ему под ноги. Затем взвалил на спину мешок, перехватил одной рукой ружье и лампу и быстро зашагал вниз, по тропе. На лесника он даже не оглянулся.

Кирпичев поднял рюкзак, посмотрел на поляну, и ему стало страшно. Опять начало подташнивать. Он увидел уходящего Лаврентия и торопливо побежал за ним. Ему было плохо.

Он материл себя последними словами, а мысли все время возвращались к леснику, который остался на поляне истекать кровью, умирать. Кирпичев понимал, что там человек гибнет, а он удирает, ответственности испугался... Стой! Стой, сволочь! Назад! Надо спасти лесника, пока не поздно... А если он уже умер? Нет, этого не может быть!..

Лаврентий уходил быстро, не оглядываясь. Видно, не сомневался, что Кирпичев не отстанет. Значит, он и его таким же мерзавцем считает, все, мол, одной веревочкой повязаны, кровь на нас...

8

Заикин вернулся на Родниковую глубокой ночью.

Альбина спала, и ее пришлось будить. Недовольная, она включила стационарную радиостанцию, и Заикин вызвал дежурного по контрольно-спасательной службе. Сообщи о пропавшем туристе. Выслушал досадное «почему так поздно передаете?», попытался объяснить, что поиски проводил самостоятельно. Спасатели обещали прислать утром машину,

— Ладно, иди спать, — успокоила Заикина комендант. — Ничего с твоим Кирпичевым не случится. Дрыхнет где-нибудь. И ты отдыхай, хватит, набегался.

Спал Заикин в хозяйственной палатке, где уютно пахло сеном и травами, которые Альбина сушила на зиму. Сон его был неясный, тревожный. Проснулся он от голоса:

— Андрей, поднимайся, спасатели приехали.

Заикин узнал голос Альбины.

Еще было сумрачно; белый туман плотно скрывал стоянку. Возле навеса столовой стоял «рафик». Спасателей было

шестеро. Одного из них Андрей узнал, это был инструктор контрольно-спасательной службы Куц. Эту смешную фамилию он запомнил еще до армии, когда учился на курсах инструкторов туризма. Куц читал им лекции по технике туризма и проведению спасательных работ. Он считался специалистом своего дела.

Имя Куца знали многие, туристы-дикари побаивались встречи с ним в горах. Он без стеснения забирал самодельные карабины, веревки, прочее снаряжение и приглашал на беседу в контрольно-спасательную службу. Недовольным пояснял: мне вас лучше живыми видеть, чем трупами. В его словах была железная логика.

Куц был высокий, плечистый, в куртке-пуховке, которая делала его крупнее. Подождав, пока Заикин подойдет ближе, иронично спросил:

— Как же ты, инструктор, человека потерял?

— Он сам ушел, никто не знает, почему...

— Я уже все рассказала, — вмешалась Альбина. — Я про то, как Саня меня обманул, и как ты на яйлу бегал...

— Это хорошо, что сам искал, — произнес назидательно Куц, — но в КСС надо было сообщить сразу. И группу одну оставил, тоже плохо. Вдруг у тебя еще кто сбежит?

Андрей растерянно молчал.

— Значит, так, ты возвращаешься к группе, а мы едем на яйлу. Поищем там. Держите с нами связь, каждый час. Если что узнаете, сообщайте. А ты, парень, поговори с группой, может, он все-таки кому-то сказал, куда собрался.

— Меня с турбазы уволят? — спросил Заикин.

— Не знаю, — ответил Куц. — Это твое начальство решит.

Спасатели зашли в «рафик», и микроавтобус, развернувшись, выехал на дорогу. Через несколько минут стало слышно, как тяжело фыркая, он ползет на яйлу.

Заикин и комендант остались одни.

— Может, позавтракаешь? — участливо спросила Альбина.

— Я не хочу, спасибо.

— Да ты не волнуйся, — принялась успокаивать Альбина. — Ничего тебе за него не будет. Он же сам ушел.

— Я не волнуюсь. Мне теперь все равно. Пусть делают, что хотят.

— Ты теперь, Андрюша, к своим туристам пойдешь?

— Придется, — произнес Заикин и поднялся со скамьи. — Спасибо тебе, извини, что хлопот прибавил.

— Да что ты, какие хлопоты?

Альбине даже стало неловко, что Заикин благодарит ее.

Андрей вышел на дорогу и пошел следом за машиной, к началу тропы, что вела на стоянку «Буковая».

Заикин чувствовал, что возвращаться к группе ему не хочется. Он шел один, без Кирпичева. Нет, он так не может, тут дело не в том, что придется объяснять туристам, почему он не отыскал Кирпичева. Дело в другом. Неизвестно, почему Кирпичев ушел. Надо бы самому его найти и самому выяснить, почему он так сделал. Быть может, из-за инструктора? Но что я ему сделал, в чем я перед ним виноват? Найти бы его, разобраться.

Если Кирпичев не пошел на яйлу, продолжал размышлять Андрей, значит, он отправился вниз, в село. Другого пути он не знает. Надо спуститься в село и порасспрашивать там, возможно, кто-нибудь видел Кирпичева.

Заикин тут же забыл, что сказал ему Куц, развернулся и пошел вниз.

Незаметно миновал стоянку и вышел на тропу, которая срезала извилистые повороты дороги. Короткий ночной отдых добавил сил — идти было легко. Тут-то он и услышал выстрел. Поначалу мелькнуло, что кто-то охотится. Но какая сейчас охота, ведь не сезон? Нет, скорее браконьерствуют, кто-то из местных жителей.

По инерции Заикин прошел еще несколько метров. Какое-то странное предчувствие затормозило его. Он чуть было не упал. Выстрел прозвучал со стороны Белого камня, одиноко-

го скалистого мыса. Надо идти на выстрел, беспокойно решил Заикин. Он почему-то подумал: стреляли по Кирпичеву. Мог же Кирпичев стать жертвой браконьеров?

Андрей свернул с тропы и напрямую, через лес, побежал к Белому камню.

9

Лесник пытался подняться, опираясь на руки, но они не держали, и с глухим стоном Боярков падал. Увидев Кирпичева, он брезгливо скривил рот и произнес:

— Что, дружок прислал, велел добить?.. Ну, добивай, только не тяни.

— Да ты что, отец? — голос Кирпичева задрожал. — Ты за кого меня принимаешь? Я помочь пришел.

— Душегубы вы с Храповицким, — просипел лесник. — Душегубы... Вам что зверя убить, что человека — разницы нет.

— Но ведь я не убивал! — отчаянно вырвалось у Кирпичева.

— Выходит, смотрел, как убивают?

Кирпичев понуро опустил голову.

— Ладно, там фляжка в вещмешке, принеси воды... — попросил лесник.

Кирпичев развязал вещмешок, достал фляжку, вылил остатки теплой воды и набрал свежей.

— Хорошо, теперь на голову лей.

Боярков уткнулся лицом в траву и тяжело застонал,

Кирпичев смочил леснику волосы, промыл набухшую кровью ссадину, между седых прядей заметил розоватый рубец.

— А это... Это откуда? — испуганно спросил он, прикоснувшись к шраму.

— С войны, — простонал лесник. — Контузило меня в сорок пятом, вот и осталась памятка... Теперь твой дружок добавил.

— Да не дружок он вовсе! — опять прорвало Кирпичева. — Я с ним по пьянке схлестнулся... Он и уговорил, на охоту. Откуда я знал, что он браконьер?

— Вот-вот, откуда ты знал?

Глаза старика, узенькие щелочки, внимательно смотрели на Кирпичева. Тому стало стыдно. Он скрипнул зубами и отвернулся, губы мелко дрожали, на глазах выступили слезы.

— Ладно тебе обижаться, лучше помоги...

Боярков опять попытался подняться, но не удержался и сел.

— Этого я и боялся, — лесник обреченно посмотрел на Кирпичева. Видно, было неловко за свою слабость. — Понимаешь, после контузии у меня ноги отнимались... Вот и сейчас, как тогда, не чувствую их.

— Может, это от потери крови? — попытался успокоить лесника Кирпичев. — Я слышал, такое бывает.

— Знаешь, парень, беги-ка ты в село, пусть машину пришлют, — Боярков говорил так, словно его вынуждали. — Своим ходом мне не добраться.

— Так я помогу, я вас на себе... — спохватился Кирпичев.

Он перебросил рюкзак и вещмешок на грудь, приподнял лесника и взвалил к себе на спину; тяжелая ноша припечатала к земле.

— Э-э, парень, брось ты меня, — застонал лесник. — Не утянешь, только валандаться будешь, время потеряешь. Брось!

— Нет, не брошу, — выдавил Кирпичев и сделал первый шаг, затем второй. — Не брошу, я вас вынесу...

Он шел медленно, и слова «я вас вынесу», как метроном, стучали в сознании; кружилась голова, сказывалось похмелье. Казалось, еще мгновение — и упадет.

Боярков впал в забытие. Кирпичев это чувствовал по тому, как обмякла его ноша. Время от времени лесник начинал что-то бормотать, и Кирпичеву казалось — это бредит он сам. От изнеможения ему чудилось, что он плывет в расплавленной массе, с трудом преодолевая вязкое пространство.

Все впереди расплывалось в зеленом мареве. Пот застилал глаза. В какое-то мгновение показалось, что он видит впереди человека. Но это могло и пригрезиться. Кирпичеву захотелось остановиться. Избавиться от ноши. Распрямиться. Утереть лицо, опаленное потом. Вдохнуть полной грудью. Но он сделал еще шаг, и еще шаг, не выпуская из-за спины рук, которыми цепко держал лесника.

— Кирпичев!

Он поднял голову и увидел человека. Удивился, что называли его фамилию. Присел, осторожно опустил Бояркова на сухие листья. Затем сбросил рюкзак и вещмешок, вытер полой штормовки пот на лице и разглядел Заикина.

Это был он, инструктор, собственной персоной.

Заикин растерянно смотрел на Кирпичева, на лежавшего без сознания лесника; понять он ничего не мог, а спрашивать не решался.

«Догнал все-таки», — мелькнуло у Кирпичева, словно он знал, что инструктор будет искать его.

Вспыхнули досада и раздражение, но тут же погасли.

— Чего смотришь? — жестко спросил он Заикина.

— Кто это? — словно очнулся Андрей,

— Лесник,

Заикин понял: Кирпичев больше ничего не скажет.

— Куда ты его?..

— В село, в больницу.

— Надо на стоянку, это ближе. Там рация, вызовем спасателей. Они сейчас на яйле...

Заикин хотел добавить, что тебя, мол, ищут, но смолчал.

— Тебе видней, — согласился Кирпичев.

Он почему-то решил, что инструктор лучше знает, как поступать.

Заикин полез в заросли и вытащил две толстые сухие жерди. Кирпичев не понял, зачем они.

— Носилки нужны. Снимай штормовку, проденем твою и мою через рукава, положим лесника...

Боярков очнулся, повел мутными глазами на Заикина, словно спросить о чем-то хотел, но тут же впал в забытие. Кирпичев помог уложить лесника и про себя отметил, что инструктор «парень с умом», соображает.

— Ну что, понесли? — спросил Заикин.

— Понесли.

Кирпичев встал впереди, он сам так захотел. И пошли, стараясь не торопиться и не споткнуться. Заикин вдруг подумал: вот он вновь идет по следам Кирпичева. Тот хочет убежать, но не может, потому что привязан к носилкам. Потому что они оба привязаны к носилкам и не могут их бросить. Теперь они одно целое. Андрей даже усмехнулся. Кирпичев же чувствовал обратное, ему казалось, что кто-то толкает его в спину, ему легче идти и хочется побежать. И если бы не носилки, он побежал.

Так они шли, думая каждый о своем.

Заикину хотелось спросить, что за выстрел прозвучал в лесу, как Кирпичев очутился возле Белого камня, что произошло с лесником, почему разбита голова? И главное — почему Кирпичев ушел из группы? Хотелось спросить, но Андрей подумал, что главное теперь не это, главное — спасти лесника.

Чем ближе они подходили к стоянке, тем все более чувствовал Заикин странное облегчение на душе. Андрей не мог понять, откуда оно пришло? Может, это просто жалость? Жалость к леснику, к Кирпичеву, которого он преследовал более десяти часов? Кто для него Кирпичев? Никто, просто человек. Вот он, живой, невредимый, идет впереди. И вместе с ним Заикин спасает еще одного человека.

Так думал Андрей.

Кирпичев ничего не думал. Он устал думать. Ненависти к Заикину больше не было. Он ненавидел только себя, прежнего. За все — за пьянки, за бездумные поступки. За Лаврентия, которого сам себе разыскал и с которым пошел в лес. А этот лесник — его наказание. За все плохое, что он сделал в своей жизни. И если Боярков умрет, то незачем будет жить и ему. Прежней жизни для Кирпичева не существовало.

Стоянку было слышно издалека, доносились громкие голоса. Пришедшие туристы играли в волейбол.

Вышли на дорогу и остановились, опустили носилки.

— Я пойду к роднику, — произнес Кирпичев. — Ты предупреди комендантшу и этих... спасателей.

Заикин посмотрел ему в спину и подумал: смог бы он убежать снова? И сам ответил: пусть бежит, теперь я его все равно найду. Андрею показалось, что не Кирпичева он разыскивал, а самого себя, неизвестно когда заблудившегося в горах.

На стоянке Боярков очнулся. Альбина дала понюхать нашатырного спирта и положила в рот какую-то таблетку. Потом, охая и причитая, промыла и перебинтовала леснику голову.

Спасатели приехали быстро.

Куц посадил Кирпичева писать объяснительную записку по поводу своего ухода и раненого лесника. Кирпичев отказался.

— Ничего не буду объяснять. Делайте что хотите. А лесник сам расскажет, — пробурчал он. И Куц понял: от этого ничего не добьешься, только время потеряешь.

Заикин о леснике ничего не знал. Боярков слабым голосом объяснил, что Кирпичев ни при чем, остальное, мол, расскажу в милиции.

— Ладно, — согласился Куц и, повернувшись к Кирпичеву, спросил: — А с тобой как же? Забрать в город или здесь останешься, в группе?

— Лучше здесь, — чуть слышно произнес Кирпичев.

— Так ты обратно за барашком пойдешь или еще куда?

— Не пойду.

Куц внимательно посмотрел на Кирпичева, затем на Заикина.

— Насчет группы пусть инструктор решает. Он тебя всю ночь разыскивал.

— Пусть остается, — сказал Заикин.

— Значит, так, деятели, — утвердительно произнес Куц, — вы тут разбирайтесь, а нам надо лесника в больницу везти. Потом заедем на «Буковую», напишите объяснительные.

Спасатели уехали,

— Ну что, пойдешь на «Буковую»? — спросил Заикин.

— Зачем?

Лицо Кирпичева выражало безразличие.

— Нас ждут, группа ждет...

— Никто меня не ждет. Тебя ждут, меня — нет.

И тут Заикин понял, что Кирпичев прав: никто в группе его не ждет, никому он не нужен. Никому, кроме инструктора, и то лишь только потому, что он отвечает за него. Поэтому Заикин и побежал разыскивать Кирпичева. Андрею стало стыдно, и он подумал: а зачем ждут его? Чтобы развлекал, давал нужные советы, брэнчал на гитаре, пел песенки, показывал, куда и как идти. То есть выполнял работу, за которую, как считают туристы, ему платят деньги. И не больше. А нужен ли он им как человек? Той же Ирочке нужны его ухаживания, поцелуи, какие-то надежды и личные расчеты? Заикин представил себя на месте Кирпичева, и ему стало еще обидней.

Кирпичев молча курил, изредка поглядывая на Андрея. Внешне он казался спокойным. Растоптав окурок, он поднялся и перекинул через плечо лямку рюкзака.

— Пошли?

— Куда? — удивленно спросил Заикин.

— Куда-куда?.. С тобой. На «Буковую».

Андрей ощутил, как невидимая преграда между ним и Кирпичевым рухнула. Захотелось обнять беглеца, сказать что-то приятное, предложить вместе сбежать от группы, куда глаза глядят. Теперь ничто не разделяло их.

Заикин согласно кивнул:

— Ладно, пошли...

Они вышли на столь знакомую дорогу и, не разговаривая, побрели вверх. Неожиданно Кирпичев остановился, сел и взялся за грудь.

— Сердце схватило, — тяжело признался он.

— Может, я к Альбине, за валерьянкой? — спросил Андрей, видя, что Кирпичеву действительно плохо.

— Не надо, свое лекарство есть, — Кирпичев полез в рюкзак, достал последнюю бутылку водки. — Ты не желаешь?..

— Нет, — покачал головой Заикин. Кирпичеву показалось, что он осуждает его. — Ты пей, я не хочу... Не обижайся.

— Да я-то что... — Кирпичев открутил пробку. Ему было неудобно. Он сипло выдохнул и приложился к бутылке. На первом глотке поперхнулся, закашлялся. — Вот стерва, не идет из горла... Кхе-кхе!

Он поднялся, словно не зная, куда деть бутылку, и нерешительно спросил Заикина:

— Может, Альбине оставить?.. Ей пригодится.

И, не дожидаясь ответа, пошел вниз — к «Родниковой». Андрей смотрел вслед и видел, что Кирпичев идет все медленней. Потом остановился и с каким-то вскриком, словно хотел прикончить все зло, швырнул бутылку о камень.

Зазвенели осколки. Кирпичев стоял, не оборачиваясь, и спина его странно дергалась.

Заикин прикусил губу и посмотрел поверх деревьев, на кромку белых скал, подпирающих небо. Воздух был теплый, и слегка парило. Андрей тяжело вздохнул и подумал, что к вечеру обязательно будет дождь. Грибной дождь, который освежит лесную зелень и омоет землю.

Содержание

Ностальгия одинокого провинциала	3
Бродяга и тополь	7
Незнакомка	24
Разрыв-трава.....	42
Кое-что о холоде.....	60
Парень из долины мхов	76
Дачная история.....	98
Избавление от любви	114
Не оставляй меня одного.....	129
Девушка из поселка	150
Мона лиза.....	177
Возвращенная боль	188
Малинник.....	206
Искушение дождя	215
Ночь на винограднике	221
Одному не вернуться (<i>повесть</i>).....	231

Литературно-художественное издание

Шувайников Сергей Иванович

МЫТАРСТВА ОДИНОКОГО ПРОВИНЦИАЛА

Рассказы и повесть

Макет и верстка – Е. Мукомол
Дизайн обложки – А. Пилинский

*В оформлении обложки использованы
фрагменты картин Иеронима Босха.
Фотографии из личного архива автора.*

ISBN 978-5-9909172-7-9

Подписано к печати ????

Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная 80 г/м².
Печать офсетная. Гарнитура MinionPro.
Усл. печ. л. 16,74. Тираж 300. Заказ №33.

ООО «Форма»:
295000 Россия, Республика Крым,
г. Симферополь, пр. Кирова, 34Г.

Свидетельство о внесении сведений о юридическом лице
в Единый государственный реестр юридических лиц
серия 23 №008846168 от 10.11.2014г.

Отпечатано на полиграфическом оборудовании
ООО «Форма»

Сергей Иванович Шувайников

Родился 1 августа 1954 года в семье офицера Советской Армии. С 1961 года постоянно проживает в Крыму. Учился в Симферопольском высшем военно-политическом строительном училище, Литературном институте имени М. Горького, Московском государственном университете имени М. Ломоносова, в 1978 году закончил исторический факультет Симферопольского государственного университета имени М. Фрунзе. В настоящее время учится на юридическом факультете Крымского филиала Российского государственного университета правосудия.

Член Союза писателей России с 1992 года. Член Союза журналистов России. Имеет почетное звание «Заслуженный журналист Республики Крым». Автор книг прозы и публицистики.

Депутат крымского парламента четырех созывов. Один из организаторов русского движения Крыма в начале 90-х годов прошлого века. Бессменный председатель Региональной общественной организации «Конгресс русских общин Крыма», учрежденной по инициативе российского политика Дмитрия Рогозина в 1995 году. С сентября 2010 года по март 2014 год член политической партии «Русское Единство». Активный инициатор и участник «Крымской весны».

В 2014 году награжден российским орденом «За заслуги перед Отечеством» второй степени за вклад в укрепление российской государственности, подготовку и проведение референдума о вхождении Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации. В 2015 году награжден орденом Республики Крым «За верность долгу» за многолетнюю общественно-политическую и государственную деятельность, направленную на восстановление исторической справедливости – воссоединение Крыма с Россией.

